

АННА ДЭВИД

ТУСОВІЦІЦА

УЛЬТРА

ТУСОВІЦІЦА

АННА ДЭВИД

*Она – звезда шикарных клубов
и безумных вечеринок Лос-Анджелеса.
Ее работа – быть в центре общества
голивудских знаменитостей.
Но в тот миг, когда, казалось бы, мечты сбылись,
она понимает, что попала в ловушку.*

Шокирующие откровения скандальной голливудской тусовщицы

...Хотите повеселиться вместе с ней?..

«Вызывающая громкий смех, сенсационная!... Зверски честная и трогательно чувствительная!... "Тусовщица" — редкостная книга, которую нельзя бросить читать и которая напоминает вам вас самих».

IN Magazine

«Экстраординарный дебют Анны Дэвид. Главная героиня романа, Амелия, возможно, одна из самых честных, достоверных и внушающих доверие героев...»

Bookfinds.com

Анна Дэвид

ТУСОВЩИЦА

Anna David

PARTY GIRL

Анна Дэвид

ТУСОВЩИЦА

МИР КНИГИ

*Использование текста, в том числе фрагментов,
без разрешения правообладателя
запрещается и преследется по закону.*

Дэвид, Анна

Д94 Тусовщица/Пер. с англ. Н. Г. Салаутиной — М.: ООО
ТД «Издательство Мир книги», 2008. — 304 с.

Амелия Стоун — рафинированная лос-анджелесская тусовщица, известная тем, что пересказывает безумные события своей сумасшедшей и порой смехотворной ночной жизни. Ее приглашают на эксклюзивные вечеринки, где бывает множество кинозвезд, она водит компанию — а иногда и не только — со знаменитостями и до рассвета не уходит с вечеринок, наслаждаясь сексом и наркотиками. Журналистка, работающая на известный журнал, в котором печатаются статьи про известных людей, изо всех сил сражается за свое место под солнцем. Но все больше и больше вовлекаясь в пагубную ночную жизнь и постоянно увеличивая дозу «алекса» (как она ласково именует кокаин), Амелия теряет контроль как над своей личной, так и над профессиональной жизнью...

ББК 84(7)

Party Girl — Copyright
© Anna David 2007
All rights reserved
© Салаутина Н.Г., перевод, 2007
© ООО ТД «Издательство
Мир книги», перевод, издание
на русском языке, 2008

ISBN 978-5-486-01853-4

ВСЕМ ЗАЯДЛЫМ ТУСОВЩИЦАМ И ТЕМ,
КТО ЗАВЯЗЫВАЕТ С ТУСОВКАМИ

*«...глупость уже не выглядит глупо, когда ее без стыда,
на виду у всех совершает здравомыслящий человек».*

Джейн Остин

*«My girl wants to party,
Party all the time,
Party all the time...»**

Никто не станет отрицать, что самые дурацкие ситуации случаются на свадьбах. По крайней мере, так я говорю себе, когда мои поступки совершают плавный переход от вопиющих к откровенно развратным.

Помню один инцидент в ванной, который я отношу к классу скорее «вопиющих», чем «откровенно развратных», только потому, что мой восьмидесятидвухлетний отчим ворвался туда как раз в тот момент, когда я ублажала двоюродного брата невесты. И лишь благодаря его весьма преклонному возрасту (отчима, разумеется, а не двоюродного брата), ввиду которого у того уже начали проявляться признаки старческого слабоумия, «папочку» быстро удалось убедить, что ему все это померещилось. А к концу нашей беседы я даже смогла заставить его поверить, что и кузена-то никакого не было. И несколько не сомневаюсь, что если бы продолжила в том же духе, то он бы решил, что и свадьбы тоже нет. Просто дело в том, что, доказывая что-либо отчиму, я фак-

---

* «Моя девочка любит все время тусоваться, все время тусоваться, все время тусоваться ...» (из песни Эгги Мерфи).

тически пытаюсь убедить саму себя. Поэтому вывод такой: этот случай вопиющий, но не откровенно развратный.

Только не надо спрашивать, как так получилось. Ведь всего пару минут назад я находилась за столом рядом с этим самым кузеном, а сейчас он уже сидит на мамином биде, а я стою перед ним на коленях и понятно, что делаю. Не скрою, он показался мне привлекательным — не классным, а просто привлекательным, ну, из тех, с кем я могла бы отправиться на какую-нибудь вечеринку, если б он предложил. По крайней мере, мне так кажется. Мне хотелось бы думать, что я случайно оказалась рядом с ванной комнатой как раз в тот момент, когда он выходил из нее, и наша обоюдная страсть вспыхнула внезапно. Особенно если предположить, что после бутылочки-другой хорошего шампанского Амелия Стоун превращается в Пэрис Хилтон (только минус миллионы и плюс десять лишних килограммов). Но ближе к концу ночи, а точнее к утру, весь этот инцидент с кузеном казался невинной шалостью, что я в этой ванной вполне сошла бы за невинную девушку в свадебном платье.

А потом я почему-то очутилась в сауне вместе с шаферами. Вообще-то это была мамина идея, чтобы вся «молодежь», присутствовавшая на свадьбе, попарилась в сауне, а потом поплавала в бассейне, но почему-то вышло так, что там оказались только я и двое парней. Думаю, что к тому моменту я приняла уже достаточно. Если бы я напилась так в Лос-Анджелесе, кто-нибудь непременно принес бы коки*, и я смогла бы немного рассеять алкогольные пары, но в мамином доме на вечеринках наркотики почему-то не водились, во всяком случае SSRI** точно. И, поскольку кроме этих двоих парней больше желающих заполучить мое внимание не нашлось, я решила себя не сдерживать и оторваться на полную катушку.

---

* Сокращенное название кокаина. (Здесь и далее примеч. ред.)

** Антидепрессант.

— У меня в мае защита, — говорит Митч (один из шаферов), давая мне отпить свой теплый «Амстел лайт»*. — Ну и фигня же эта медицинская школа.

— Будешь теперь бороться за выживание, — вмешивается Крис, предположительно лучший друг Митча и по совместительству второй шафер, одновременно пытаясь втиснуть свое туловище в крошечное пространство между нашими телами. — Вкалывать по десять часов в день за копейки.

— Ну конечно, лучше «бороться за выживание» на MTV за такую же нищенскую зарплату, — парирует Митч, глядя на меня.

Клянусь, мне никогда не надоест мужское внимание. Но я предпочитаю конкретные действия, а не пустую болтовню на тему, кто первый со мной переспит. Неужели они и вправду думают, что моей благосклонности добьется тот, кто вставит последнее слово? А ко всему прочему еще и не догадываются, что статус ассистента и студента, пусть даже медицинского университета, это не то, чем можно сразить наповал даму, и что им следовало бы порыться в своем личном арсенале в поисках более действенного оружия?

Я поднимаюсь, и они замолкают.

— Кто первый прыгнет в воду, тому достается выпивка, — говорю я, но, прежде чем я успеваю закончить фразу, они уже со всей дури бросаются к бассейну, на ходу отпихивая друг друга. Я стою у входа в сауну, в дверь влетает холодный воздух, а у моих ног валяются их влажные полотенца. Если бы я была чуть наивнее, то, клянусь, решила бы, что эти двое хотят друг друга.

— Что ж, будем спать, — сообщаю я своим «кавалерам», пытаюсь как можно удобнее устроиться между ними на двуспальной кровати. — Спокойной ночи!

Я говорю это на полном серьезе, искренне надеясь, что мы действительно сейчас уснем. Ну как можно быть такой

---

* Здесь имеется в виду светлое пиво марки «Амстел».

наивной? Я и в обычные-то дни засыпаю с большим трудом, и то только после того, как приму две таблетки эмбиена*. Что уж тогда говорить о сейчас, когда вот-вот раздастся зловещее чириканье птиц — самый ужасный и угнетающий час для тусовки, как я недавно выяснила — а это единственная оставшаяся в доме кровать, и оба не в состоянии сесть за руль. Я поворачиваюсь к Крису, который повернулся лицом к стене. Митч лежит с другого края.

Через несколько минут я уже слышу его глубокое дыхание, свидетельствующее о том, что он уснул. Я вздыхаю и чувствую, как напряжение немного спало. Бессонница и без того доставляет мне немало хлопот, поэтому я радаюсь, что переживу ее без свидетелей. Однако спустя мгновение я каким-то чудом задремала.

И проснулась оттого, что меня кто-то целует в губы, и этот кто-то Крис. Я распахнула глаза в ту же самую секунду, как поняла, что он целуется не так уж и плохо. Некоторые люди говорят, будто умеют вычислять гомиков. Лично я горжусь своим умением с ходу определять, насколько хорошо мужчина умеет целоваться, и сразу могу сказать, облизывая ли он тебе все лицо, будет ли целовать чересчур робко, как птичка прикасается клювиком, или же у парня окажется длинный, как у ящерицы, язык, который он будет пихать, куда его не просят. К сожалению, большинство парней подпадают под одну из этих категорий. И это не те парни, которые заставляют нас сходить с ума, в приятном смысле этого слова. Как правило, подобное «умение» зачастую сопровождается такими вещами, как хроническая безработица, низкий IQ, или же они оказываются откровенными мудаками. Честно говоря, я думала, что Крис относится частично к категории «птичек», частично — к категории «ящериц» и начнет действовать с совершенно неуместной благопристойностью, а потом резко перейдет к «главному», поэтому я вся встрепенулась, когда до меня дошло, что он, судя по всему, прекрас-

---

* То же, что и золпидем — снотворное средство.

но знает, как это делать. И даже понимает, что, когда целуешься, желательно взять лицо девушки в ладони.

Разумеется, я отвечаю на его поцелуй, наслаждаясь осознанием того, что мы делаем это втихаря. Ведь, несмотря на неуклюжее соперничество и на тот факт, что Крис занимает должность ассистента в «Парамаунте», подтрунивает над своим, предположительно, лучшим другом, который пытается как-то устроить свою жизнь в умильных попытках добиться женского внимания, он мне нравится больше, чем Митч.

Крис целуется настолько хорошо, что невозможно определить, сколько всего было поцелуев, так как один тут же переходит в другой. Поэтому я испытываю настоящий шок, когда чья-то рука сзади прокрадывается к моей святой святыне. Неужели Крис с Митчем заключили негласный пакт обработать как следует две мои самые податливые до ласки зоны? И я испытываю просто невероятный экстаз от того, что, пока я целуюсь с одним, сзади меня ласкает другой. Я закрываю глаза на то, кому принадлежит эта рука, и, приняв это мудрое решение, приказываю себе не думать про их дурацкое соперничество до тех пор, пока не спускаюсь на землю и не вспоминаю, где мы находимся. А именно — в спальне для гостей, расположенной прямо под комнатой моей матери и отчима в их доме, в который я приехала на выходные, чтобы побывать на свадьбе давнишней подружки, а не заниматься непонятно чем с кузеном новобрачной и устраивать групповуху с шаферами.

— Стойте... прекратите! — слышу я свой голос, который внезапно срывается на визг. Я выскакиваю из постели. Крис и Митч смотрят на меня с неподдельной тревогой и изумлением. Я сдергиваю с кровати подушку. — Пойду куда-нибудь, где мне действительно дадут поспать, — добавляю я, будто они все это время громко болтали. И, не говоря больше ни слова, топаю в кабинет, где быстренько отрубаюсь на кушетке.

После возвращения в Лос-Анджелес Стефани начинает расспрашивать меня про свадьбу, и я во всех подробностях рассказываю ей про свои подвиги. Она истерически хохочет, точно так же как и я, когда Стефани рассказывала, как подвернула лодыжку на чьей-то свадьбе во время танца. На самом же деле это она думает, будто танцевала, хотя в действительности совершенно не помнит, что и как произошло.

— Нельзя нас приглашать на свадьбы, мы ведем себя на них крайне неприлично, — заключила она.

Я работаю в «Эбсолютли фэбьюлос», еженедельном журнале, который пишет о знаменитостях и является по сути захваленным таблоидом, а Стефани — в «Американ стайл», еженедельнике, который занимается тем, что разбирает по косточкам гардеробы и дома этих самых знаменитостей. Слава богу, что у меня есть Стефани, так как большинство моих коллег из «Эбсолютли фэбьюлос» — настоящие зануды, вроде учителей воскресной школы.

Ввиду огромного тиража «Эбсолютли фэбьюлос» (около пяти миллионов), который к тому же неуклонно растет, большинство его сотрудников отзываются о нем с таким же трепетом, с каким можно было бы говорить о «Ньюйоркер».

— Да, совершенно верно, в нашем журнале печатают самые лучшие статьи и отчеты. — Это излюбленная фраза нашего заведующего Роберта. В подобных самовлюбленных рассуждениях есть некоторая доля истины, так же как и в том, что мне порой стыдно говорить людям, где я работаю, потому что мне сразу начинают советовать «составлять более короткие предложения». Ну а самый большой приколы в том, что наш журнал читают в основном в сортире. Но я до сих пор не перестаю удивляться, какой силой убеждения обладает команда из приблизительно тридцати человек, которые за уши притягивают факты, лишь бы привлечь внимание. Разве это не страшно? Тем не менее мне никогда не хватит смелости просто взять и сказать: «Когда я была маленькой, мне и в голову не могло прийти, что целью моей жизни будет описывать меню Мадонны, но, знаете, когда мне это надоест, я подыщу себе другое место».

Стефани буквально ненавидит то, чем занимается. Она работает только ради приглашений на вечеринки и бесплатной одежды и охотно трубит об этом всем, кто готов ее выслушать. Что мне тем более трудно понять, если учесть, что она семимильными шагами взбирается все дальше по служебной лестнице, в то время как мне суждено вечно оставаться автором третьесортных статей. Я не желаю зла Стефани, хотя была бы не против, если бы ее немного обломали.

К сожалению, у нашего босса Роберта я буквально вызываю приступы эпилепсии. Может, из-за того, что меня нанял его главный помощник, Брайан, пока Роберт был в отъезде, а может, я просто напоминаю ему кого-то, кого он смертельно ненавидит. Я делаю все возможное, чтоб хоть как-то его умаслить, но уж если человек что-то вбил себе в голову насчет вас, то, хоть спасите жизнь его матери, он все равно будет считать вас мудаком. Пример: Брэд Мак-Кормик, мой школьный бойфренд, который в подростковом возрасте был приблизительно пять футов четыре дюйма ростом. И хотя сейчас он дорос уже до шести — позднее половое созревание, к сожалению, не сулившее мне тогда никакой радос-

ти, — для меня он навечно останется «крошкой Брэдом Мак-Корми».

— Готова? — спрашивает меня Стефани. Время около шести часов вечера, вторник. Она стоит возле моей кабинки, перебросив через плечо свою сумку, из-под пальто у нее выглядывает фляжка, которую я подарила ей на день рождения.

Когда-то меня буквально трясло перед походом на премьеру или какой-нибудь фуршет. Видимо, я воображала себе, что меня там кто-нибудь заметит и увидит во мне скрытые таланты. Конечно, я не актриса, ну разве только в личной жизни, — но, видимо, мне казалось, что меня найдут настолько бесподобно сногшибательной, что немедленно выдернут из моей серой жизни и поместят в какой-то сказочный мир, которым я буду наслаждаться изо дня в день. Видимо, тогда мне казалось, будто если постоянно околачиваться рядом с кинозвездами, то прибавится счастья. И дошло это до меня сегодня, на премьере, во время пьяной затянутой сигаретным дымом беседы с Джереми Пивеном. Джереми отнюдь не производил впечатления счастливого человека, так почему я-то должна стать актрисой, только потому, что мне довелось проболтать с ним всю ночь.

Перед этим событием мы заскочили в бар выпить какого-то «Вествудского колледжа». Или уж если быть предельно точной, то это Стефани заскочила, чтобы выпить, а я оказалась там за компанию.

Когда я только-только стала употреблять коку на вечеринках, я легко могла рассчитывать, что меня снабдят достаточной дозой в нужном месте и в нужное время. Но несколько месяцев назад, после того как мне не раз довелось «договариваться» с совершенно отвратными личностями только чтобы узнать, что они сами подсели на коку, до меня наконец-то дошло, что нужно иметь собственного поставщика. И та искренняя радость, которую я испытала, поняв, что теперь смогу употреблять коку, когда ни пожелаю, и мне не придется просить кого-то ее достать, практически полностью заслонила собой дополнительные расходы.

Я захожу в туалет вслед за какой-то женщиной с пучками седых волос на голове и запираюсь в самой дальней от входа кабинке. Достав из сумочки пузырек, я вытряхиваю немного коки на выступ окна и разделяю ее кредиткой, потом достаю из бумажника свернутую в трубочку бумажку и резко вдыхаю. Услышав, что кто-то вошел, я, затаив дыхание, жду, пока там вымоют руки и наконец-то уйдут, затем высыпаю еще немного коки и снова вдыхаю.

— У меня еще полно осталось, — говорю я Стефани, возвращаясь из туалета и усаживаясь на свой вращающийся табурет. Во рту ощущается восхитительный металлический привкус кокаина. Некоторые говорят, что терпеть не могут, когда он начинает вот так просачиваться через нос в глотку, но мне это нравится, поскольку это прямое доказательство того, что наркотик начинает действовать на мой организм.

— Ничего отвратительнее ты не могла сказать, — отвечает она, пытаясь налить во фляжку водки с тоником. Стефани не употребляет коку: она когда-то страдала от приступов панического расстройства, поэтому убеждена — и, возможно, она права, — что после нескольких дорожек кокаина она испытает то же самое, поэтому я предлагаю ей нюхнуть скорее в силу привычки, а не злобредности.

— Готова? — спрашивает она. Я улыбаюсь, киваю и шмыгаю носом, чтобы сглотнуть и снова ощутить вкус кокаина.

Мы торопливо идем по красной ковровой дорожке, где тощие светловолосые актрисы, дрожащие в своих летних платьях в этот на удивление прохладный вечер, покорно улыбаются папарацци.

— Лесли, дайте сюда! — хором вопят фотографы красивой блондинке, которая соблазнительно улыбается. И по тому, как они отпихивают друг друга и с каким ликованием выкрикивают ее имя, можно подумать, что они делают снимки самого президента или английской королевы. Коллективный разум папарацци, разумеется, не в состоянии сейчас уяснить тот факт, что таких посредственностей, вро-

де этой Лесли, которым довелось сыграть незначительные эпизоды в каких-то фильмах и которые в дальнейшем, может быть, продолжат сниматься в Голливуде, даже не сотни, а тысячи. Но Лесли молодец: она сумела оказаться в нужном месте в нужное время.

Мы со Стефани решаем как можно скорее добежать до своих мест, чтобы не оказаться на снимке на переднем плане. У Стефани уже был такой случай, когда из-за своей оплошности она загубила фото Линдсей Лохан, потому что в этот момент фотографировала кого-то, кто на этот снимок не попал: меня. В итоге вместо Линдсей Лохан на переднем плане оказался зад Стефани, а это фото напечатали в сотнях журналов. И Стефани до сих пор не может это пережить.

Она быстрым шагом уходит прочь, а меня в это время застают врасплох эта актриса, Лесли, которая пятится назад и погружает свой высоченный красный каблук прямо в большой палец моей левой ноги. У меня такое чувство, что мой палец обезглавили (если конечно, у него есть голова). Тут она теряет равновесие, но ее вовремя подхватывает какая-то журналистка, при этом бросая на меня свирепый взгляд, в котором читается: да как ты посмела просунуть свою ногу под оружие пытки ее кумира стоимостью в семьсот баксов! Видимо, журналистка прекрасно знает, что у такого анорексичного создания, которым является Лесли, туфля, судя по всему, весит больше ее самой. Я хромаю по направлению к Стефани, которая сочувственно протягивает мне пакет бесплатного попкорна с маслом.

— Кровь идет? — безучастно спрашивает она.

Я качаю головой.

— Это больше тянет на внутреннее повреждение, — отвечаю я. — Как будто она мне кость сломала. В пальцах ног есть кости?

— Конечно, — она пожимает плечами. — Может, в больницу?

— Господи, нет конечно, — отвечаю я, увидев, что в этот момент заходит Мэтт Диллон и приветственно машет мне

рукой. Я машу в ответ, пока наконец до меня не доходит, что, вообще-то, он приветствует мужеподобную женщину в наушниках, которая стоит сзади. Да уж, унижение плюс сломанная ступня никак не могут способствовать эйфории, но несколько дорожек быстренько это исправят, хотя бы на время.

К сожалению, в туалете полным-полно актрис-подражательниц, которые каким-то образом выклянчили себе приглашения, и сейчас щедро накладывают на лица макияж и поливают себя духами, чтобы полтора часа просидеть в темном зале, после чего им, конечно же, снова придется отправляться на обрядший фуршет. С началом фильма я незаметно проскальзываю к туалету, но теперь там стоит какая-то женщина-охранник, которая явно не собирается двигаться с места. Это что, охрана какой-нибудь актрисы? Сотрудник кинотеатра? Сумасшедшая маньячка, завладевшая униформой охранника? Разумеется, я не буду ее об этом спрашивать. Но одно несомненно: настроение она мне уже испортила.

е ижу, заканчиваю статью «Где они теперь?» про врача из «Любовной лодки», когда звонит Крис.

— Чем занимаешься? — спрашивает он, а мне непонятно, о чем он: что я делаю в данный момент или вообще?

— Пытаюсь пережить свой послесвадебный позор. — Отчасти это правда, отчасти — совершенная ложь. Я никому бы в этом не призналась, но мои мысли упорно возвращаются к тому инциденту, и мне интересно, чем бы все закончилось, если бы я не взбрыкнула и не убежала. И в то же время мне было противно, и, хотя звонок Криса меня слегка взбудоражил, до этого я надеялась, что он никогда больше не объявится, хотя прекрасно знала, что Крис живет в Лос-Анджелесе и у него есть мой номер. Вероятно, было бы гораздо умнее сперва удостовериться, что никто из участников групповухи не живет в моем штате, уж не говоря про город. Но разве кому-нибудь придет в голову тратить время на такие вещи?

— Не глупи, — говорит он. — Здесь нет ничего постыдного. Это всего лишь добрая старая забава.

— Ха, — отвечаю я полуутвердительно-полупрезрительно.

— Я давно уже хотел тебе позвонить, — говорит он. — Просто стеснялся. Знаешь, по-моему, ты — классная, и мне хотелось бы встретиться с тобой один на один, только...

И в ту же секунду у него из руки выхватывают трубку, и я слышу голос Митча:

— Я в городе, — говорит он. — Мне кажется, нам стоит встретиться всем вместе.

Ага. Вот мы, значит, как. И возможность увидеть, чем все закончилось бы, появилась сама собой. Пока я веду светскую беседу с Митчем, никак не могу решить, хорошо это или плохо, если наш триумvirат воссоединится. «Это прибавит перцу статье про групповуху», — думаю я.

— Почему бы нам не встретиться у «Джонса» в восемь? — внезапно предлагаю я, удивляясь самой себе. — Если, конечно, вы, ребята, не против.

— Мы не против, — отвечает Митч, даже не спросив у Криса. — Значит, до встречи!

Первый лимонный леденец пошел хорошо, за ним следуют еще два. Слизывая сахар с губ, я роняю взгляд на свой сотовый, думая, а не позвонить ли мне Стёфани. Она была в таком восторге от моего предстоящего свидания с моими поклонниками, что буквально умоляла взять ее с собой. Не для того, чтобы выпить за компанию, нет — для Стефани это было бы недостаточно эксцентрично, — а просто посидеть где-нибудь в ресторане и пошпионить за нами. Я сразу же отклонила ее просьбы, но сейчас начала подумывать, что в ее присутствии мне было бы немного комфортнее.

И вдруг, прежде чем у меня даже появился шанс позвать ее в качестве моральной поддержки, появляется Крис. Точнее, ко мне подходит парень, претендующий на то, чтобы быть Крисом. Неужели он и вправду такой маленький? И неужели месяц назад у него были такие же здоровенные залысины?

— Здорово, — щебечет он, неуклюже сжимая меня в объятиях. Потом он тянется поцеловать меня в щеку. Я настолько сбита с толку, что он даже успевает вдохнуть запах моих волос. У него что, после свадьбы появился этот ужасный запах изо рта или в ту ночь мое обоняние настолько притупилось? Надеюсь, мои волосы не пострадают и не ста-

нут источать зловоние. — Митч там со служащим договаривается.

Я подаю знак официанту прежде, чем он опускается на стул. И, потягивая свой «Лемон-дроп», все удивляюсь, как же надо было так напиться на свадьбе, что ничего этого не заметить.

— Как поживал? — спрашиваю я, пока он проскальзывает в кабинку.

Крис с широченной ухмылкой смотрит мне прямо в глаза, и в его взгляде читается излишнее напряжение.

— Господи, как же здорово, что мы встретились.

Я улыбаюсь, пытаюсь стереть из памяти, как его язык снует у меня во рту, и делаю громадный глоток.

— Взаимно.

Мысли скачут туда-сюда, и я пытаюсь определить, что тогда мне взбрело в голову? Мне что, подсыпали наркотики? Но в таком случае разве мне не было бы приятно, если бы малейшие воспоминания о Крисе стерлись? Я делаю еще один глоток и убеждаю себя, что вот сейчас появится Митч, и Крис на его фоне сразу же станет симпатичным. Потому что воспринимались они тогда только вместе, а не как самостоятельные личности.

— Здорово, — слышу я низкий голос. Это Митч. Он забирается в кабинку, садится рядом со мной и обнимает меня за талию.

— Ну, разве не отрада ты для усталых глаз*, — продолжает он, глядя на меня так, будто я невероятных размеров сэндвич, и он только что решил нарушить свою годовую безуглеводную диету. А Крис, который сидит по другую сторону от меня, придвигается настолько близко, что его дыхание буквально вытесняет собой весь оставшийся здесь кислород. Я замечаю, что лицо Митча изрыто оспинками, как у подростка, который постоянно давит прыщи. Тут же меня переполняет благодарность, что у «Джонса» приглушенный свет.

---

* Строчка из песни «Роллинг Стоунз» («You are a sight for sore eyes...»).

— Выпьете? — спрашиваю я их, подзывая официанта. Оба с энтузиазмом кивают. Крис и Митч сидят так близко, что мне кажется, будто мы чуть ли не единое целое. Они что, заранее договорились вести себя как можно вызывающе, или еще настолько маленькие, что понятия не имеют о такой вещи, как «личное пространство»? У меня был только один способ с этим справиться: распоясаться как следует, чтобы узнать, не похорошеют ли они.

Через час я, спотыкаясь, выхожу из «Джонса», пораженная тем, что мои партнеры оказались такими отвратительными и убогими. Ну почему я всегда попадаю в такие ужасные ситуации?

И в ту секунду, когда служащий стоянки вручает мне ключи, я слышу мужской голос:

— Вау, да тебе нельзя за руль. — Поднимаю глаза и вижу Гаса, низенького толстенького тусовщика, с которым иногда встречается Стефани. Он подходит ко мне вместе с каким-то своим приятелем и выхватывает у меня из рук ключи.

Я в порыве ярости выдергиваю их обратно.

— Не дури, — говорю я. — Я в полном порядке. — Даже я слышу, насколько у меня неуверенная речь, и меня это раздражает. Тогда я бросаю ключи на землю, раз уж пользы от них все равно никакой, но тем не менее мне неприятно, что Гас меня осуждает, потому что он — самый заядлый пьяница из всех, кого я знаю.

— Я живу в восьми кварталах отсюда, — говорю я.

— Наибольшее количество аварий происходит в двух кварталах от дома. — Это говорит уже не Гас, а его друг, темноволосый лысоватый парень в очках. Он протягивает мне руку. — Здравствуйте, я Адам. Мы встречались с вами на вечеринке в Беверли в прошлом месяце.

Я киваю и пожимаю ему руку, хотя никак не могу вспомнить ни его самого, ни то, что я вообще в прошлом месяце была на вечеринке в Беверли. К тому же меня сильно раздосадовала фраза, которую мы все слышали не одну сот-

ню раз, будто он — инструктор по вождению. А тот факт, что он совершенно трезв, окончательно выбивает меня из колеи.

— Так, ребята, я ценю вашу заботу, но мне необходимо отсюда убраться. — Я бросаю взгляд на парковщика, который все это время терпеливо стоит рядом. Я понимаю, что он вряд ли говорит по-английски, но язык слишком-пьяных-чтобы-садиться-за-руль универсален. Поэтому я перехожу на шепот, чтобы он не услышал, несмотря на то что не знает английского. — Там внутри эти парни, с которыми мы в прошлом месяце устроили групповуху на свадьбе в доме моей матери, я им сказала, что мне нужно поехать навестить больную подругу, чтобы отделаться от них. Мне правда нужно как можно быстрее отсюда убраться, пока они не вышла.

У Адама слегка отвисает челюсть, а вот Гаса это нисколько не смутило. Гас обращается к парковщику:

— Ее машина остается здесь, — говорит он. — Она заедет за ней завтра. — И поворачивается к Адаму. — Можешь отвезти ее домой? На меня уже экстази* подействовал.

— Можете оставить любую волну, — говорит Адам, но тем не менее торопливо переключает радио с NPR** на какую-то уж совершенно безжизненную станцию. — Хотя должен признать, что мне лично нравится вот эта, наверное, потому, что здесь проигрывают все то же самое, что постоянно звучит у меня в голове.

Ха. А он забавный, несмотря на свой приличный до тошноты вид. Я замечаю в держателе лекарство от астмы, и мне почему-то снова становится смешно, пока наконец я совершенно отчетливо не понимаю, что похожа сейчас на хрюкающую пьянчужку.

---

* Так называемый «дискотечный» наркотик, способный вызывать мощный прилив положительных эмоций, в частности прилив любви к окружающим.

** Эн-Пи-АР, Национальное общественное радио США.

— Слушайте, я вовсе не такая пьяная. — С этими словами я поднимаю глаза на уличные фонари, которые слепят глаза, как те световые вспышки, которые мы использовали на танцевальных шоу в школе, и у меня начинает кружиться голова.

Адам ничего не отвечает. «С виду он такой милый мальчик, — думаю я, — вроде тех, которые обязательно понравились бы маме, и она бы удивлялась, почему они не привлекают меня. Наверно, он решил, что я — отпетая шлюха».

— Понимаете, все, что я говорила про свадьбу и про групповуху, — несерьезно. — Интересно, а почему это меня волнует его мнение?

— Да бросьте, я вас не осуждаю. — Он сказал это таким тоном, которым мои школьные подружки, бывало, говорили: «Только не обижайся, но...» Другими словами, он, скорее всего, как раз меня осуждает.

— Так где вы работаете? — спрашиваю я, чтобы поддержать беседу, хотя догадываюсь, каков будет ответ. Потому что все друзья Гаса претендуют на то, чтобы называться актерами, сценаристами, режиссерами, продюсерами или чем-то вроде того, несмотря на то что аренду жилья им оплачивают чересчур избаловавшие их родители или какие-нибудь жалкие биржи труда. Прожив в Лос-Анджелесе всего полтора года, я успела распрощаться с мечтами о Голливуде. Неужели они и вправду не понимают, что на этой стезе добиваются успеха лишь немногие и что нельзя приписывать себе подобную карьеру до тех пор, пока она не принесла тебе каких-либо существенных денег?

— Я актер.

— Правда? — спрашиваю я. — Где-нибудь снимались?

— В одном эпизоде в фильме Криса Каттана, — отвечает он, — но его вырезали.

— О! — И мне почему-то становится его жаль.

— А сейчас я работаю официантом в «Нормс».

— В Долине?

Мне становится еще хуже.

О господи. Я наугад переключаю радио на другую волну, и из колонок начинает звучать «Сесилия». Я всегда любила эту песню. Просто имя Сесилия всегда казалось мне похожим на Амелию, и иногда мне удавалось убедить себя, что это поют про меня. Я начинаю подпевать в такт, вспоминая пьяную забаву, которую мы с моими однокурсницами придумали на старших курсах колледжа: если мы слышали, что певец пропел женское имя, то тут же должны были выпить. «Моя Шарона», «Ну же, Эйлин», «О, Сесилия» — почему-то нам больше всего нравилась музыка восьмидесятых.

— О, Амелия, я стою на коленях и умоляю тебя вернуться домой, — пою я. Господи, лучше уж просто взять и расслабиться. Адам неловко улыбается, но мне наплевать, так же как и на сотни людей в барах с караоке, которые обвинили меня в отсутствии слуха. Потому что пение — единственное приятное ощущение за весь вечер, если не считать коктейлей. Я пою до самого конца нашей поездки, представляя себе некоего таинственного идеального мужчину, который немного похож на Джуда Ло*, за исключением того, что он не спал с монахиней и не был женат, но который, однако, умоляет меня вернуться домой, к нему, пока он...

— Амелия. — Адам трясет меня за плечо. — Амелия. — Я открываю глаза.

— Вау, — говорю я. — Я пела.

— Да, но одновременно и спала. Сказать по правде, это было необыкновенно мило. — И хотя ухмылочка на его лице явно пытается убедить меня в том, что не я — причина его веселья, я настолько унижена, что предпочла, чтобы меня сбила машина, чем пережить подобное. Адам прокашливается.

— Вы здесь живете, правильно? — сфокусировав на нем взгляд, я замечаю, что он крайне взволнован. — Вы хорошо себя чувствуете? — спрашивает он.

---

* Британский актер.

Я ослепительно улыбаюсь, чувствуя себя предельно уязвимой.

— Как никогда. — И я открываю дверцу со стороны водителя. — Спасибо, что подвезли.

— Пожалуйста. Я вылезая из машины на тротуар, спотыкаясь в своих лодочках «Miu Miu»*, и добавляю: — Хотя это было совершенно лишнее. — И мысленно отмечаю, что никогда больше не надену эти туфли.

Адам улыбается и заводит машину. Глядя ему вслед, я думаю о том, какой же душой иногда бываю. Ну, разумеется, подвезти меня было необходимо. Потому что я представляла из себя шатающуюся одурманенную пьяную массу. Я преисполнена решимости запинать саму себя за то, что оказалась такой душой, что меня даже не удивляет, как Адам узнал, где я живу.

---

* Итальянский модный брэнд и вторая крупная марка в конгломерате Prada.

Я сижу у Брайана в кабинете и ворчу по поводу какого-то материала, который подкинула коллегам в Нью-Йорке и который они сначала проигнорировали, а через две недели напечатали, не спросив меня, да еще под чужой фамилией.

— Там должна была стоять моя фамилия, — говорю я. Почти все без исключения упрекают меня за то, что я постоянно жалуюсь, даже мама утверждает, будто первые мои слова были: «Это нечестно», поэтому я не могу просто взять и смотреть на это сквозь пальцы.

Во взгляде Брайана одновременно читается и раздражение, и любопытство.

— Закрой дверь, — говорит он.

Я поднимаюсь, закрываю дверь и сажусь на раскладной стульчик, предварительно сняв с него и поставив на пол стопку нераспакованных дисков.

— Может, скажешь все-таки, что с тобой происходит на самом деле, — говорит Брайан, улыбнувшись впервые за время, прошедшее с того момента, как я зашла к нему в кабинет.

Когда я только начала здесь работать, Брайан сразу же принял в беседах со мной этот отечески-менторский тон, и хотя мои отношения с ним далеко не такие запутанные, как с моим настоящим отцом, я так до сих пор и не поняла, чего ему от меня надо. Остальные мои коллеги утверждают,

что я хожу у него в любимчиках, однако, на мой взгляд, ко мне он относится гораздо жестче, чем к кому бы то ни было. Потому что всякий раз, как я возвращаюсь с очередного интервью, он начинает допытываться: «А ты спросила, в какое время суток он родился? И какими талантами отличался в детстве? А про его любимый цвет?» — и так далее, пока наконец не наткнется на что-то — как правило, в самом начале допроса, — о чем я не догадалась спросить, и начинает читать мне лекции, что спрашивать нужно обо всем, иначе не разберусь потом, кто позвонит нам в редакцию. А помимо этого он проявляет совершенно неуместный интерес к моей личной жизни, и самое удивительное, что я это поощряю. Я всегда отличалась патологической страстью к исповедам, бывали даже случаи, когда я выкладывала самые интимные подробности своей жизни совершенно незнакомым людям, и Брайану эта черта моего характера явно по душе. Я рассказываю ему обо всем, что у меня случается, хотя порой в слегка отредактированном варианте. Особенно если это из категории NC-17*.

— Как у тебя со свиданиями? — спрашивает он, рассеянно засовывая в CD-ром диск с Шерил Кроу. — Познакомилась с каким-нибудь новым парнем?

— С одним актером, — говорю я, мысленно возвращаясь к событиям прошлых выходных. Я не добавляю, что с этим актером я познакомилась на каком-то фуршете и что едва помню, как он довез меня до дому.

— Да ты что! Он снимался где-нибудь? — Брайан явно заинтригован.

— Да, — говорю я, вдруг осознав, что даже не помню, как его звали. Эрик? Сет? Денни? Вот черт.

— Как думаешь, у тебя с ним что-нибудь получится? — спрашивает Брайан.

---

* Категория NC-17, «дети до 17 лет не допускаются» (категория, присваемая в США фильмам, которые запрещены для просмотра детям и подросткам до 17-ти лет включительно).

— Навряд ли, — отвечаю я. — Потому что эта ручка, которую я сейчас держу, и то умнее и тверже. — До меня доходит, что последнее замечание прозвучало непристойно, и смущаюсь, причем гораздо сильнее, чем если бы сказала подобное родному отцу.

Брайану, судя по всему, еще более неловко, чем мне.

— У меня еще куча дел, — говорит он, и я выскальзываю за дверь, совершенно забыв о том, что, собственно, тоже пришла к нему по делу.

Позже я сижу в своем кабинете, сожалея о тех двух последних рюмках «Абсолюта», которые мы со Стефани опрокинули накануне в «Муд». В это время звонит телефон.

— Господи, хоть бы это был кто-нибудь, кого я была бы рада слышать, — шепчу я телефону, искренне полагая, что это меня спасет. Когда я была маленькой и у меня были друзья по переписке, мы вместе с мамой подходили к почтовому ящику, и я искренне верила, что если очень сильно захочу, то смогу проконтролировать его содержимое. — Амелия Стоун, — отвечаю я в трубку. Мой голос звучит намного увереннее, чем я сама себя чувствую. Раньше я обычно говорила просто «Амелия», пока не обратила внимание на то, что Стефани всегда называет имя и фамилию. Решив, что так и должны отвечать люди, которые хотят преуспеть, я стала делать так же.

— Привет, это я, — послышался мужской голос.

Я прекрасно знаю, кто это, но терпеть не могу, когда парни начинают телефонный разговор таким образом, если, конечно, это не парень, с которым я сплю, хотя с таким уж точно спать не буду.

— Кто это? — холодно спрашиваю я.

— Это я, Крис. Как дела?

Понятия не имею, с чего это Крису взбрело в голову регулярно мне названивать. Даже не знаю, что меня больше удивляет — то, что в ответ я ему только грублю, или то, что он пытается превратить меня из участника неудачной группухи в свою девушку.

«Что тебе надо?» — хочется мне спросить, но я почему-то трушу и вместо этого выдаю:

— Что случилось? — но таким тоном, как будто мне вообще наплевать.

— Да ничего особенного. Просто конец очередной длинной трудной недели. Мой босс — просто чудовище. Заявляет, будто из-за меня ему, видите ли, не перезвонил какой-то вице-премьер из «Парамаунта». У него просто паранойя. Никак не может смириться с тем, что его идеи попросту...

Крис продолжает без умолку бубнить. Он что, и вправду думает, что мне есть какое-то дело до того, что он там несет? Или он действительно считает, что этот речитатив — чудесный способ ухаживания за женщинами?

— Слушай, у меня тут черт-те что творится, — говорю я, пытаясь его заткнуть. И хотя это очень далеко от истины, я постоянно прибегаю к этой отговорке, когда мне хочется оборвать бессмысленный телефонный разговор, поэтому само собой разумеется, что Крис должен понять, будто на работе у меня постоянный аврал.

— А, да, конечно, — извиняющимся тоном говорит Крис. — Я тут просто подумал, а не хотела бы ты пойти со мной на концерт Роба Томаса* в четверг?

«Давай соображай».

— В четверг? Ну так и есть: именно в этот день я собираюсь работать допоздна.

— Билеты бесплатные, мне дали на работе. — Он явно не намерен сдаваться.

— Великолепно, но у меня просто аврал, и я не знаю, когда он закончится.

— А как насчет поужинать? Ну, в смысле, ты же должна питаться, правильно?

Ну что ему сказать? И почему я не могу заставить себя попросить его оставить меня в покое, потому что он являет собой навязчивое напоминание о том, насколько я тогда

---

* Вокалист популярной американской группы Matchbox 20.

распоясалась, и проинформировать его, что я не буду больше с ним тусоваться, даже если приму целую тонну экстази?

— Слушай, мне надо идти, — говорю я и слышу, как он пытается что-то возразить, но обрываю его: — Поговорим позже.

Я с грохотом ставлю телефон на место, удивляясь, почему это я всегда нравлюсь парням, которые мне до фени.

— **М**ожет, хоть кто-нибудь скажет, для чего нам сюда перебираться? — вопрошает Стефани великолепной ясной ночью, когда мы взираем на Тихий океан.

Мы находимся на заднем дворе грандиознейшего особняка на пляже Малибу стоимостью в 20 миллионов, где в настоящее время обитает Гас. Невозможно описать словами всю показуху, которая есть в этом доме: около двенадцати спален, сауна, чудная комната для «разворачивания подарков» (кроме шуток!). Но он кажется еще больше, чем в действительности, благодаря отсутствию мебели.

— Родителей Энтони поймали на растратах, — объяснил Гас, показывая нам громадный бассейн, вода из которого перетекает в джакузи, настолько здоровенную, что в ней может поместиться целая футбольная команда. — По правде говоря, я в точности не знаю, что там произошло, но, насколько понимаю, они разорились, банк отобрал у них мебель, и сейчас они планируют продать дом тому, кто предложит наивысшую цену. Энтони, вообще-то, должен был показывать дом потенциальным покупателям, но все это настолько выбило его из колеи, что он сорвался в Нью-Йорк.

— Значит, за домом следишь ты? — спросила я, затягиваясь сигаретой. Везет же Гасу. Роскошь к нему так и липнет. Я готова поклясться, что самые богатые с виду жители Гол-

ливуда — на самом деле безработные попрошайки, как правило, обладающие такой внешностью, что с легкостью убеждают похотливых продюсеров сдавать им напрокат их «Рейндж-роверы», либо таким обаянием, чтобы суметь скорешиться с парнем, чьи родители вынуждены показывать потенциальным покупателям свое ранчо в Малибу. А рабочие пчелки, наблюдающие за тем, как ускользает их молодость, пока они стряпают материал, делают звонки и пишут статейки «Где они теперь?» про врача из «Любовной лодки», судя по всему, ведут образ жизни попрошаек.

И теперь, едва взглянув на этот дом, я испытываю крайнее раздражение из-за того, что не позвонила своему всегда готовому мексиканскому поставщику коки Алексу. Стефани захватила с собой двух своих подруг по колледжу — Джейн с Молли, — которые тоже употребляют коку, но мы так торопились — нам хотелось выбраться сюда до заката, — что совершенно забыли про самую важную составляющую вечера. Может, я пересмотрела «Ниже нуля»*, но, на мой взгляд, единственная причина, по которой на Малибу строят эти сказочные особняки, — это чтобы нюхать в них кокаин.

И все это приторное и, вероятно, незаконно присвоенное великолепие, судя по всему, оказывает на Стефани такое же угнетающее воздействие, как и на меня.

— Эй, Гас, а у тебя есть «Джагермайстер»**? — спрашивает она, когда он включает джакузи.

Гас идет в дом, а в этот момент появляется Адам и еще двое незнакомых ребят.

Я приветственно машу Адаму, он подходит прямо ко мне и обнимает.

— Рад видеть тебя, Амелия, — говорит он с улыбкой. Я буквально таю, если человек называет меня по имени. Можете

---

* Имеется в виду известный боевик Джима Вайнорски о похищении секретного военного прибора, управляющего сверхмощной космической пушкой.

** Травяной ликер.

считать меня эгоцентричной, но сейчас ведь не принято обращаться к человеку по имени, и мне приятно слышать, как кто-то произносит мое имя.

— Спасибо, что подвез меня тогда, Адам, — говорю я. — Извини, я так и не поблагодарила тебя.

— Шутишь? — спрашивает он. — Мне посчастливилось услышать, как ты распеваешь во сне. Это я должен благодарить тебя, что я увидел нечто, казавшееся до этого невозможным.

Я невольно смеюсь. Что-то в его интонации странным образом заставляет меня чувствовать себя непринужденно, и, пока он представляет нас со Стеф двум своим приятелям, я понимаю, что он гораздо круче, чем показался мне тогда. Они проходят в дом, и Стефани оборачивается ко мне.

— Он очень сексуален, — говорит она, и я киваю. — И, по-моему, ты ему нравишься.

Я обдумываю ее слова и пожимаю плечами.

— Тем более жаль, что я не встречаюсь с безработными актерами, — отвечаю я.

* * *

Три часа спустя мы все возлежим на обитых тканью, от которой чешется кожа, кушетках в гостиной рядом с кухней. Гас полностью оставил всякие попытки приучить нас выходить курить во двор, и, пока бутылочка «Джагера» идет по кругу, бутылки из-под «Амстел лайт» постепенно превращаются в пепельницы. Я уже достаточно пьяна, определенно больше, чем следовало, однако слов пока не коверкаю и идиоткой себя не выставляю, поэтому, когда подружка Стефани, Джейн, предлагает нам сыграть в «Правду или расплату», я объявляю, что она — гений, и лично убеждаю всех и каждого из собравшихся участвовать. Я люблю такие игры, где приходится рассказывать группе людей о каких-то личных вещах — просто душевный эксгибиционизм был всегда мне присущ.

Гас начинает игру, спрашивая меня, правды я хочу или расплаты.

— Правды, — отвечаю я, наслаждаясь тем, что все смотрят на меня и ждут, какое я приму решение, несмотря на то, что переговариваются о чем-то своем.

— Ты когда-нибудь забавлялась с девушкой? — спрашивает он, и в комнате наступает полнейшая тишина.

— Нет, — признаюсь я, слегка смущаясь того, что показала себя такой консервативной. Потому что каждая моя знакомая хоть раз переспала с девушкой, пусть это даже было в колледже, а я даже и не думала об этом никогда. Моя соседка по комнате в общежитии говорила, что мы уже староваты для подобной тенденции, но что через два года после того, как мы окончили школу, девочки-подростки, как сумасшедшие, стали спать со своими подружками. — На меня частенько западали лесбиянки, но хорошеньких среди них не было.

— А если бы среди них оказались те, которые смогли бы тебя завести, ты бы попробовала? — спрашивает Гас.

— Эй, это уже следующий вопрос, — вмешивается друг Гаса Дэн, парень с такой громадной ямочкой на подбородке, что Стефани у него за спиной стала называть его «жополи-
цым». — Сейчас моя очередь.

Гас лишь пожимает плечами, отпивая из идущей по кругу бутылки «Джагера».

— Правда или расплата, Амелия? — спрашивает Дэн.

— Расплата.

Он переводит взгляд с меня на Джейн, которая, как оказалось, не просто роскошная величественная блондинка, но и откровенная бисексуалка.

— Ты должна поцеловаться с Джейн.

Я поворачиваюсь к Джейн, смущенная и возбужденная одновременно, и она улыбается. В мозгу у меня проносится песня «Я поцеловалась с девушкой», а также облик Портии де Росси*. Я приближаюсь к ее губам и останавливаюсь.

— Не бойся, — с улыбкой говорит Джейн.

---

* Австралийская актриса, входит в рейтинг самых красивых знаменитостей.

И я бросаюсь в этот омут, осторожно прикасаясь своими губами к ее, потом смею и уже шире раскрываю рот, позволяя ей залезть в него язычком. Больше всего меня шокирует то, что это ничем не отличается от тех поцелуев, которые мне всю жизнь дарили мужчины, разве что губы Джейн, вероятно, самые мягкие за всю мою практику и слегка отдают мятой. Под всеобщие пристальные взгляды мы с Джейн целуемся еще примерно минуту. Потом я резко отрываюсь от нее, не в состоянии смотреть ей в глаза.

— Ну как? — спрашивает Гас, и я чувствую, как мои щеки заливают румянец.

Я бросаю на Джейн робкий взгляд.

— Тебе понравилось? — спрашиваю я. Джейн кивает.

— Не хотите уединиться в другой комнате? — Снова этот жополиций Дэн, который, судя по всему, решительно настроен на то, чтобы это устроить. Но, сказать по правде, как бы ни великолепен был поцелуй, меня гораздо больше завело то, что на нас смотрели люди.

Потом наступает очередь Молли, и она говорит одному из друзей Дэна, парню, который скромно сидит в углу, чтобы он показал нам свой член. Мы все устроились поудобнее, приготовившись к тому, что он сейчас вытащит из своих джинсов нечто вялое и дряблое, как вдруг мистер Скромняга вскакивает на ноги, вынимает свой пенис и начинает исполнять что-то вроде невероятно пугающей джиги*, тыча член нам в лица. Он у него, конечно, не маленький, но сам-то парень не такой огромный, чтобы этот танец гениталий можно было бы как-то оправдать. И когда он начинает обходить нас по кругу в третий раз, показывая свое достоинство не только девушкам, но и парням, меня в буквальном смысле слова начинает тошнить. «Он просто хочет оскорбить нас, эксгибиционистов», — думаю я.

Через несколько минут этот парень, Эдди, уползает под кушетку, но игра продолжается. Молли танцует на кухон-

---

* Особого рода песенка с пляской, исполняемой клоуном.

ном столе. Стефани кладет на соски лед. Гас сообщает всем, кто готов выслушать, что он переспал с транссексуалкой, которую звали Тихуана. И все это вместе очень походит на прелюдию к оргии. Мне всегда тяжело, когда я остаюсь где-то на периферии, поэтому я начинаю исполнять у камина нечто напоминающее стриптиз, в то время как все остальные, собравшиеся в разных углах комнаты, заняты собственным самовыражением.

Я понимаю, что, снимая топ, даю тем самым понять, что у меня либо совсем нет самолюбия, либо я — обыкновенная шлюха, но на самом деле я просто очень горжусь своими роскошными и вполне натуральными буферами, которые я, по моему мнению, вполне заслужила. Потому что все эти силиконовые и латексные красотики никогда не становились мишенью для безжалостных дразнилок Джо Форда, и им не приходилось смиряться с тем, что такое слово, как «плоская», входит в их словарь, даже в возрасте двенадцати лет. Неужели я не заслуживаю того, чтобы мои буфера хоть кто-нибудь оценил? Но, правда, живот у меня — просто черт знает что такое. Ни бесконечные часы занятий на беговой дорожке, ни невероятные ограничения в еде не оказали никакого влияния на мое пузо. Предавшись подобным пьяным размышлениям, а также вспомнив, что я никогда не имела никакого отношения к книге «Ты здесь, Господь? Это я, Маргарет», хотя внимательно прочла ее раз пятьдесят, я замечаю, что на меня смотрит Адам, который был своего рода сторонним наблюдателем этой безобразной игры. Я с ужасом понимаю, что делаю, чувствуя, как остатки алкогольных паров моментально испаряются, и опускаю рубашку.

— Представление окончено, — говорю я ему гораздо более враждебно, чем следовало бы, учитывая, что из всех собравшихся стриптиз затеяла я одна. Но он лишь молча улыбается в ответ. И от этой улыбки мне становится как-то странно уютно, я тут же плюхаюсь на подушку рядом с ним и ложусь на спину.

— Чего это ты улыбаешься? — спрашиваю я.

— Я думал вот об этом. — Он протягивает руку и, по-прежнему улыбаясь, хлопает меня по животу, и меня приводит в ужас и одновременно оскорбляет тот факт, что он заметил и указал на самую позорную часть моей фигуры, вместо того чтобы похвалить самые выдающиеся.

Я быстро сажусь.

— И что ты об этом думал? — холодно спрашиваю я.

Его, видимо, несколько не смущает мой холодный тон, и мне нравится, что он не начал сразу же оправдываться, как я предполагала изначально.

— Просто я думал, как бы мне хотелось сидеть рядом и гладить его где-нибудь подальше отсюда. Думал о том, как чудесно ты смотрелась бы трезвая, подальше от всего этого безобразия, возле камина, и как бы мне хотелось сидеть рядом и гладить твой животик. — И с этими словами он начинает медленно перебирать пальцами по моему животу, который впервые за всю жизнь — это «черт знает что такое» — перестает быть таким громадным, а кажется мне прекрасным и даже эротичным. Я жду извинений со стороны Адама за то, что он так быстро забегает вперед, одновременно думая, не попросить ли его убрать от меня свою чертову руку.

— Эй, постой-ка, — говорю я, резко поднимаясь, потому что вспомнила о том, что он знал, где именно я живу, когда высаживал меня в ту ночь. — Как ты узнал мой адрес?

Он смущенно улыбается.

— О господи. Ты сейчас решишь, что я — настоящий маньяк.

И я вдруг чувствую себя заинтригованной.

— О чем это ты?

— Да, в общем-то, здесь нет ничего такого. Просто через несколько дней после того, как мы с тобой познакомились, мы с Гасом ездили по Западному Голливуду, и он упомянул, что ты живешь поблизости. Я поинтересовался, где именно, и мы проехали мимо твоего дома. Но, клянусь, я не сумасшедший, в детстве мне приходилось с ними сталкиваться.

Я смеюсь.

— У тебя хорошая память, — говорю я.

Он снова улыбается.

— Не во всем. — Он подсовывает себе под голову подушку и ложится, затем берет еще одну подушку и показывает мне, чтобы я устроилась рядом. Я так и делаю. Он с уверенной улыбкой снова протягивает руку к моему животу и начинает медленно его поглаживать.

Такие нереальные вещи происходят со мной безумными пьяными ночами, что зачастую я просыпаюсь наутро, не в состоянии определить, что же было на самом деле, а что мне приснилось. «Наверное, я все-таки сплю», — думаю я, глядя на него с улыбкой, пока он ласкает мой живот, потому что ненавижу сантименты, а это все явно очень это напоминает.

Я, судя по всему, задремала, потому что следующее, что почувствовала, это как Стефани трясет меня за плечо и говорит, что нам пора.

— Пора? — хриплым голосом спрашиваю я. — Господи, а который час? — Я быстро сажусь и вижу, что Гас с Адамом играют в карты у противоположной стены полностью захламленной комнаты. Адам робко мне улыбается, и я понимаю, что он мне снился: будто он — мой лучший друг по колледжу, и мы влюблены и летаем, ну, вы же знаете, какие дурацкие бывают сны.

— Четыре часа, — говорит Стефани настолько трезвым голосом, что я сразу же понимаю, что мне не удастся ее убедить в том, что она не в состоянии сесть за руль. — Мне нужно поспать хоть немного, чтобы я смогла отправиться завтра на это мероприятие и закончить к следующему дню статью.

Мероприятие? Статья? Завтра и послезавтра? Господи. И не успела я выразить Стефани свое недовольство, что она обрушила на меня такой шквал информации, как она буквально рывком ставит меня на ноги.

— Но как же Молли... и Джейн...

— Они уже в машине дрыхнут, — отвечает она, превращаясь в образец степфордской женушки, у которой вместо мужа — три своенравных дочери. — Пошли.

Адам поднимается, как будто хочет отговорить нас или хотя бы попытаться обнять меня на прощание и попросить мой телефон, но снова садится. С одной стороны, я испытываю облегчение, потому что запах изо рта у меня, судя по всему, такой, будто там сотня пьяниц целый год курила сотни пачек сигарет. Но я вынуждена признать, что слегка разочарована. Может, потому, что вообразила себе, будто этот парень от меня без ума. Но все-таки все эти разговоры про мой животик, хоть это и звучало довольно оригинально, на самом деле какая-то белиберда. Он же встал и оставил меня, сонную, на полу, даже не потрудившись накинуть на меня одеяло. Я собираюсь ему сказать что-нибудь довольно резкое и тем самым показать, что мне до него нет никакого дела, но Стефани хватает меня за руку и выводит прежде, чем я успеваю раскрыть рот.

— Спасибо, Гас! — кричит она. — Позвони, если захочешь завтра потусить после вечеринки!

Почти всю дорогу в Западный Голливуд я сплю и просыпаюсь, только когда мы останавливаемся, чтобы Молли с Джейн вышли по нужде. И хотя горло у меня горит так, будто кто-то вырезал в нем свои инициалы, я открываю запасную пачку «Кэмел лайтс», которую оставила в машине Стефани, и молча протягиваю по сигарете Молли и Джейн, когда они снова садятся в машину.

— Отвратительно, — говорит Молли, сильно затягиваясь.

— Ужасно, — поддакивает Джейн.

— Меня чуть не вырвало, — вклиниваюсь я. И мы курим дальше.

— Меня тоже, — говорит Молли.

— А меня нет, — говорит Джейн. — Хотя жаль.

Стефани мельком бросает взгляд в зеркало, чтобы разглядеть в нем Джейн с Молли, которые сидят на заднем сиденье.

— Мне, конечно, очень жаль, но лично я никогда не понимала стремления немедленно присосаться к стоящему члену, тем более если он ничего не сделал для тебя. Даже представить себе не могу ничего более омерзительного.

— К тому же ни секунды на то, чтобы проблеваться, — вставляю я, и Молли так хохочет, что в конце концов ее рвет в окно.

Когда Стефани высаживает меня и я начинаю подниматься в свою квартиру, до меня доходит, что все мы когда-то состаримся и умрем, и от грусти, переполняющей меня при мысли об этом, я полностью расслабляюсь. Порой мои мысли вгоняют меня в ужасную депрессию — например, когда я смотрю фильмы 70-х или 80-х, где главные роли исполняют актеры, о которых я никогда прежде не слышала, а ставили их режиссеры, чьи имена мне совершенно ни о чем не говорят, и я думаю: «Когда-то эти люди были знаменитостями. Они обедали в дорогих ресторанах, их приглашали на элитные вечеринки, их печатали в «Вэрайети»*, их обожали, а я про них никогда даже не слышала, а сейчас их уже нет в живых, никто сегодня о них не вспоминает». Раньше, когда я так начинала рассуждать вслух, моя соседка по общежитию в колледже говорила, что я устала или что я с похмелья, а задумываться о жизни всерьез, когда ты устал или с похмелья, нельзя, потому что алкоголь вызывает депрессию и так далее, и тому подобное. Когда я вспоминаю об этом, мне становится хреново, что мы с ней тогда разругались, что ее нет сейчас рядом и мне не приходится больше это выслушивать.

Кошки стонут на своем кошачьем языке, видимо проклиная меня за то, что я бросила их на тридцать с лишним часов, во время которых пила, целовалась с девушкой и танцевала стриптиз. И меня это настолько угнетает, что я пони-

---

* Американский развлекательный журнал.

маю: единственное, что я в состоянии сделать сейчас — это наполнить их миску едой и броситься в постель. Недавно на какой-то вечеринке кто-то сказал мне, что Лос-Анджелес занимает семнадцатое место в списке городов по количеству прописываемых антидепрессантов и количеству дней в году, когда люди говорят, что у них депрессия. Вряд ли он рассказал мне, какие шестнадцать городов его опередили, но помню, что самым счастливым городом на свете, по его словам, является Ларедо в штате Техас. Я слишком угнетена, чтобы выкурить сигарету и подумать над переездом в этот город, а именно это, видимо, угнетает меня сильнее всего.

Когда ближе к вечеру я просыпаюсь, жизнь кажется не такой уж ужасной. Одна из моих кошек сидит на подушке рядом с моим лицом, вид у нее такой чудный и невинный, что я понимаю, что вряд ли уж я так плоха, как думаю о себе. Ну, то есть, конечно, я могла бы быть дрянью и тем не менее жить вместе с такой кошкой, но уж наверняка она не стала бы спать рядом, если бы у меня не было совсем никаких положительных качеств.

Я выпрыгиваю из постели настолько резво, насколько это возможно для человека с тяжелым похмельем, и кормлю кошек. Порой у меня складывается такое ощущение, будто вся моя жизнь состоит из одних и тех же действий: я наполняю миски сухим кормом, накладываю на них сверху консервы, ну, и еще занимаюсь кое-чем в перерыве между этими действиями.

— Я знаю, что для завтрака немного поздновато, — говорю я мурлыкающим голосом, мельком взглянув на часы и увидев, что уже четыре. — Будем считать, что это поздний завтрак. — Тут до меня доходит, что я уже превратилась в человека, который разговаривает с кошками, подражая их голосу, и задумываюсь, не начинаю ли я потихоньку сходить с ума.

Я зажигаю сигарету, засыпаю в кофейный пресс, рассчитанный на одну чашку, пять ложек молотого кофе, и начинаю кипятить воду, но понимаю, что у меня не хватит терпе-

ния дожидаться, пока он растворится, поэтому просто размешиваю все и залпом выпиваю. И, чувствуя, как кофеин ударил по нервам, я понимаю, что два дня не проверяла сообщения на домашнем и сотовом телефонах. И это почему-то вливает в меня изрядную порцию оптимизма, который усиливается еще больше, когда записанный женский голос сообщает, что у меня три новых сообщения. «Меня любят и обожают», — напоминаю я самой себе.

«Привет, это Крис», — слышу я, и меня охватывает такое сильное раздражение на то, что у моей голосовой почты хватило дерзости счесть вот это за полноценное сообщение, что я удаляю его прежде, чем он успевает сказать что-либо еще.

Второе. «Привет, Амелия, это мама, — слышу я, и ее голос автоматически пробуждает во мне такое чувство вины, что немедленно хочется принять позу эмбриона и так в ней и остаться. — Твой отец сильно расстроился из-за того, что ты ему не позвонила, и требует от меня объяснений. И что мне ему сказать?»

Я удаляю сообщения, чувствуя, как к глазам подступают слезы. Мать уже семь лет как разведена с отцом, но почему-то такое ощущение, что они до сих пор женаты. Даже несмотря на то, что он бросил ее в разгар одного из своих романов, после чего мама познакомилась с отчимом и влюбилась в него, папа решил, что совершил самую ужасную в своей жизни ошибку, и захотел вернуть маму. Мама не собирается к нему возвращаться, но ведет себя так, будто она его жена: ужинает с ним раз в неделю и постоянно умасливает меня, уговаривая встречаться с ним. Но отец очень злой и занудный, поэтому я стараюсь держаться от него подальше, а мама меня постоянно за это корит. Я, конечно, не знаю, кто здесь прав, кто виноват и вообще — уместны ли здесь эти слова, но мне совершенно не хочется над этим раздумывать. Ее сообщение я тоже удаляю, не дослушав.

Сообщение номер три: «Привет, это снова я». Я мгновенно узнаю голос Криса и швыряю телефон через всю комнату так, что он ударяется о стену и пластмассовая задвижка

для батареек раскалывается надвое. Но даже это, к моему удивлению, не оборвало голос Криса: «Я тут подумал, а ты не хочешь... ну, даже не знаю, немного прогуляться», — говорит он. И тут я понимаю, что мне немедленно нужно убраться из дома, если я хочу прожить этот день без переполняющих меня суицидальных мыслей, и тогда я резко тушу окурок, натягиваю спортивный костюм и еду в спортзал за три квартала от дома.

— Как дела, Амелия? — слышу я, занимаясь на велотренажере и просматривая установленный на перекладину последний номер «Эбсолютли фэбьюлос», в то время как из наушников мне в уши бьет гнев Эминема. Я поднимаю глаза и вижу Чэда Милана, с которым я познакомилась на следующий же день по прибытии в Лос-Анджелес.

— Есть какие-нибудь планы на вечер? — спрашивает Чэд. Я качаю головой и снимаю наушники, смирившись с тем, что мне помешали.

— Я сегодня ночью изрядно припозднилась, — говорю я, понимая, что сегодня суббота и что Чэд еще подумает, что мне совсем уж ходить некуда. — А у тебя?

— Обедаю с Сэмом и с ребятами, а потом мы идем на вечеринку в «Даус» в Беверли, — отвечает он. Он говорит об этой вечеринке так, будто я имею представление, о чем идет речь, поэтому я стараюсь его не разочаровать. Чэд продолжает рассказывать мне, где они будут обедать и по какому поводу устраивается вечеринка, и я так лихорадочно размышляю над тем, почему меня почти никуда не приглашают, что не сразу замечаю, как Чэд замолчал, а его лицо приняло выжидательное выражение человека, который только что задал вопрос.

— Прошу прощения? — говорю я.

— Я спросил, не хочешь поужинать в следующую субботу?

Я оказалась не готовой к подобному вопросу, поэтому меня тут же начинают одолевать сомнения. В жизни не по-

думала бы, что когда-нибудь буду тусить с Чэдом, но как, черт возьми, сказать ему об этом? Ну как другие женщины с легкостью отвечают: «Знаешь, я не вижу тебя в роли потенциального любовника» или что-то вроде этого?

— С удовольствием, — говорю я. — Прекрасная идея. — Мне приходит в голову, что, может быть, ужин с милым, хоть и скучным, агентом — как раз то, что мне сейчас нужно. И мне даже не кажется, что я лгу самой себе, когда отвечаю ему, что жду не дожусь следующей субботы, и через несколько минут выхожу из спортзала. Ну, ведь еще целых семь дней впереди. Кто знает, как я буду думать на тот момент?

Несмотря на то что обычно тренировки меня взбадривают, я все еще как вареная сосиска, поэтому решаю зайти в «Кингз Роуд» выпить чашку самого крепкого в городе кофе. И, подходя к кофейне, вижу, что на террасе за одним из деревянных столиков сидит Брайан.

— Какого черта ты здесь делаешь? — спрашиваю я. Брайан живет в Долине.

Он показывает на высокого стройного красивого мужчину с темно-каштановыми волосами, который сидит подле него.

— Амелия Стоун — Тим Бромли, — говорит он и добавляет. — Тим — редактор нью-йоркского «Чэт». А это Амелия, — тут он с улыбкой поворачивается к Тиму, — та самая Амелия, о которой я вам только что рассказывал.

— В самом деле, — произносит Тим с аристократическим английским акцентом, пожимая мне руку, и я стараюсь принять как можно более нахальный вид. «Чэт» представляет собой комбинацию из «Вэнити фээр»* и «Плейбоя» в его первоначальном виде, берет премии общенационального журнала и каким-то образом добивается того, что его читают миллионы. Я прекрасно знаю, кто такой Тим Бромли, хотя каким-то непостижимым образом то, что он похож на

---

* Глянцевый модный журнал типа «Вог».

мужчину-фотомоделю, никогда не озвучивалось. И уж конечно я не знала, что с ним знаком Брайан или что однажды я наткнулась на них за столиком в кофейне, где они будут обсуждать меня.

— Ох-хо, — говорю я, пытаюсь выдавить из себя очаровательную улыбку. — Мне есть о чем беспокоиться?

— Не совсем, — говорит Тим, подталкивая мне один из железных стульев, на который я плюхаюсь. — Просто Брайан рассказывал о том, как вы то и дело потчуете его скандальными историями из личной жизни.

— О, в самом деле? — спрашиваю я, изображая гнев, хотя внутри у меня все так и затрепетало. Я понимаю, что меня фактически предали, потому что, видит Бог, я и помыслить не могла, что те интимнейшие вещи, которые я рассказывала Брайану, он поведает кому-то между делом за столиком в кафе, но что-то в Тиме взбудоражило меня настолько, что я не обращаю внимания на подобные мысли. — Ну что я могу сказать? — Я пожимаю плечами. — Все это действительно было.

Тим улыбается.

— Ну, а в последнее время у вас случилось что-нибудь интересное? — спрашивает он, и я, незаметно для самой себя, начинаю описывать им события этой ночи, рассказываю и про «Правду или расплату», не опустив таких деталей, как член, который попеременно тыкали нам в лица, и про поцелуй с девушкой, и про безработного актера, который хотел забрать меня оттуда, чтобы погладить мой животик. И как-то так получается, что все, что я им говорю, уже не кажется столь угнетающим и драматичным, а, напротив, становится ярким рассказом об одной ночи из жизни заядлой тусовщицы, у которой скандальные опустившиеся друзья. Просто поразительно, насколько меняется мое собственное восприятие, когда я хоть чуть-чуть могу узреть, какое это производит впечатление на других людей. Даже не знаю: то ли благодаря тому, что весь сегодняшний день я как в тумане и мое сознание слегка притуплено, то ли благодаря белоснежной

улыбке Тима, совершенно не английской, но я слегка украшиваю свой рассказ и замечаю, что Брайан с Тимом с жадностью поглощают каждое мое слово и поминутно разражаются истерическим хохотом.

Брайан доцеживает свой кофе и обращается к Тиму.

— Ну, что я вам говорил? — спрашивает он.

— Кроме шуток, вы ее недооцениваете, — отвечает Тим.

Я на верху блаженства от осознания того, что на меня сейчас нацелено всеобщее внимание, я чувствую, как их восхищение омывает меня подобно тому, как струя джакузи ласкает ноющие мышцы. Но внезапно меня охватывает паника, отчасти потому, что сейчас я ляпну какую-нибудь откровенную глупость, которая испортит то дивное впечатление, которое мне удалось произвести на Любезного Мистера Крупнейшего Редактора. И понимаю, что мне нужно срочно убраться ко всем чертям, пока Брайан с Тимом не поймут, насколько я отсталая и скучная. Я бросаю взгляд на запястье, притворяясь, будто проверяю время (хотя я забыла надеть часы).

— Господи, да я опаздываю! — говорю я, вскакивая.

Брайан с Тимом удивлены столь резким поворотом событий, но, прежде чем они успевают что-либо сообразить, я уже направляюсь к выходу.

— Рада была встретиться, Брайан! Приятно было познакомиться, Тим! — мой голос срывается почти на визг, и одновременно я чуть не сбиваю с ног официантку.

— Она даже кофе не выпила, — слышу я великосветский английский выговор Тима, убегаая со всех ног, как полная идиотка. «Наверное, — думаю я, подлетая к машине, — я могу общаться с сексуальными мужчинами только по пьяни». На следующее утро я просыпаюсь с ощущением поставленной цели, возникающим у всякого, кто встает в воскресенье до двенадцати без похмелья, когда вспоминаю, что сегодня обещала Брайану пойти на вечеринку в NBC. Брайан вечно отдает мне приглашения на вечеринки, когда сам не хочет идти, приговаривая, что для моей ка-

рьеры мне нужно повертеться там и завязать знакомства. Подобная перспектива меня невероятно радует, и мне неизменно льстит, что Брайан отправляет вместо себя меня, однако на следующий день я всегда жалею о том, что согласилась.

Отчасти проблема заключается в том, что подобные мероприятия неизбежно приходится посещать в одиночку. Конечно, если бы я занимала должность Брайана, то автоматически имела бы право прийти с кем-то, но когда эти приглашения передаются мне, то лишнее место, которое они вполне могли бы предоставить, каким-то непостижимым образом улечучивается, и я бесконечно кружу по залу, неизменно притворяясь, что ищу какого-то конкретного человека, когда фактически пытаюсь найти хоть мало-мальски знакомое лицо или кого-то с достаточно добродушной внешностью, чтоб к нему можно было подойти.

Мельком взглянув на приглашение — а вечеринка, как обычно, назначена в одном из этих гламурных, но совершенно невзрачных отелей Калвер-сити, — я чувствую, как меня переполняет ужас. Ну зачем я сказала Брайану, что с удовольствием туда пойду? Почему я решила, что мне это понравится?

Я откладываю приглашение и напоминаю себе о том, что мыслить нужно позитивно. Кто знает, что меня там ждет? Вдруг я познакомлюсь с телепродюсером, который решит, что я слишком яркая для того, чтобы тратить свое время за небольшим столиком в каморке, и сделает меня известной? Если вы живете в Лос-Анджелесе и еще не успели физически деформироваться, то все и каждый интересуются, почему вы не хотите быть актрисой. Я хоть и не лишена актерских дарований, но всегда знала, что у меня не хватит на это энергии, в том смысле, что меня страшит перспектива вступать в ряды этих стервозных анорексичных дам, чтобы бороться за право произнести одну-единственную фразу в новом фильме братьев Фаррелли. Нет, я решила для себя, что уж если мне суждено стать актрисой, то это придет само собой,

что меня откроют, как Лану Тернер*. Тогда я смогу распрощаться с полоумным Крисом и безработными актерами вроде Адама, которые сначала треплются о том, как бы им хотелось всю ночь гладить мой животик, а потом ведут себя так, будто и знать меня не знали. Может, сказочная вечеринка — действительно то, что мне сейчас нужно?

Надевая то самое маленькое черное платье от Джимми Чу — единственное, к которому не прилипает кошачья шерсть, — я вспоминаю, что у меня с прошлых выходных еще осталась доза «алекса», спрятанная в конверте, который лежит в моем белье в ящике. Я совершенно позабыла о нем, когда мы собирались на сборище к Гасу, и внезапное осознание того, что у меня есть немного коки, наполняет меня такой сладостной эйфорией, которую я не испытывала несколько недель кряду, если вообще когда-нибудь испытывала. «Взбодрюсь как следует перед вечером, — думаю я. — Просто дополнительный стимул, чтобы стать той сногсшибательной журналисткой, которой мечтает меня увидеть Брайан».

Я вытаскиваю конверт, в котором лежит один из позорных лотерейных билетов Алекса, начиненный кокаином, вытряхиваю порошок на коробку из-под диска, разделяя его на дорожки с помощью своей кредитки на кофейном столике. И начинаю скручивать долларовую бумажку, когда вдруг вспоминаю, что совсем недавно купила соломинки, чтобы не сворачивать по сто раз все банкноты, которые у меня есть в кошельке, и не пачкать их белым порошком.

Схватив упаковку с соломинками, я вытаскиваю одну, разрезаю ее пополам и быстро вдыхаю четыре дорожки, чувствуя, как кокаин стекает в глотку, и наступает блаженство.

Одна из моих кошек прыгает на столик и начинает махать хвостом над коробкой из-под диска, на которой остался тоненький слой коки, которого еще хватит на одну ма-

---

* Одна из самых гламурных и чувственных звезд классического Голливуда конца 30-х — начала 70-х годов.

ленькую дорожку. Когда меня одолевает паранойя, мне кажется, что мои кошки знают, что я употребляю кокаин, и решительно намерены удержать мамочку от этого зла, но сейчас мне ясно, что она просто видит, что я на чем-то сильно сосредоточена, и в это «что-то» не входит намерение погладить ее или открыть банки с консервами, и ей интересно знать, почему. Я беру ее на руки и ставлю на пол, но она прыгает обратно на стол, переворачивая коробку, и драгоценная пыльца рассеивается по далеко не белому ковру. Я буквально убита этим и окончательно убеждаюсь в том, что все, что бы я ни делала, неизменно заканчивается подобными чудовищными разочарованиями, и, судя по всему, у меня есть только один способ хоть как-то это исправить.

Когда я рассыпаю следующие две дорожки, то сначала решаю сделать их потолще, но они получаются такими толстыми, что на них уходит весь остаток коки. Я зажигаю сигарету и пристраиваю ее к серебряной зажигалке из «Вэни-ти фэр», которую свистнула на книжном вечере в доме Келли Линч и Митча Глейзера*.

Я заряжаюсь такой маниакальной энергией, что внезапно решаю побрызгаться духами «Марк Джэкобс» так, чтобы от меня пахло только совсем чуть-чуть, переложить содержимое своей коричневой сумки с бахромой в вечернюю поддельную от «Прада» и в следующие три минуты покинуть квартиру. Но пока я душусь и перекладываю вещи в другую сумочку, до меня доходит, что я сейчас накокаинилась так, что теперь мне придется пережить отходняк, который — если я не ошибаюсь по поводу своих способностей прогнозирования, учитывая консистенцию наркотиков в своем организме — наступит после того, как подадут аперитивы. «Ладно, постараюсь как можно сильнее напиться», — решаю я. Алексу я звоню только тогда, когда собираюсь с друзьями, поэтому определенно не буду просить его подъехать на какую-то крикливую вечеринку в Калвер-сити.

---

* Семейная пара американских актеров.

«Если я так сделаю, это будет означать, что у меня проблемы», — думаю я и напоминаю себе, что я — только любитель — вполне могу чуть-чуть нюхнуть коки и отправиться после этого на вечеринку.

— И если б меня не преследовали эти мысли, меня не одолевала бы паранойя, — произношу я уже вслух и тут же понимаю, что сказала все наоборот.

К тому моменту, когда я паркую машину, у моей паранойи, судя по всему, отросли не только ноги, но и руки. Я пытаюсь стряхнуть ее с себя, приближаясь к стойке с твердой уверенностью в том, что «Отвертка» вернет меня в режим «приятного хмеля». Коктейль идет хорошо, и я понимаю, в чем заключалась моя проблема: я просто вовремя не вмазала. Тут я решаю покружить по залу в поисках знакомых.

Обойдя зал по кругу и пройдя мимо Тори Спеллинг (которая потчует каких-то мужиков рассказом о своей собаке), Билла Мейхера* (нежно поглядывающего на груди какой-то азиатки, к ее нескрываемому восторгу) и стилиста Филиппа Блока (который рассказывает о том, как выбирал платье для Холли Берри в тот вечер, когда ей вручили Оскара), пока наконец не натыкаюсь на лицо, которое кажется мне знакомым, потому что мы на самом деле знакомы: это Бретт Лосон из «Спринт», который спокойно звонит знаменитостям и другим влиятельным людям, но никогда не звонит мне. Не то чтобы мне так уж этого хотелось — вообще-то, у меня есть коммуникатор, которым я более чем довольна, — просто мне всегда хочется казаться для него слишком значимой персоной, чтобы принять его предложение. Порой он ведет себя слишком мило, порой — слишком нахально, в зависимости от того, с кем он разговаривает — с кем-то более значимым, чем я, или менее значимым, так что общение с ним — это всегда тест на пригодность.

---

* Известный американский телеведущий.

— Бретт! — восклицаю я, и он целует меня сначала в одну щеку, потом в другую. Лос-Анджелес просто захлестнула мода на двойной поцелуй.

— Амелия, ты знакома с Трентом? — спрашивает он, кивнув в сторону загорелого нагеленного парня, в котором я сразу признаю гея и публициста еще прежде, чем он успевает раскрыть рот. Мы с Трентомжимаем друг другу руки, и Бретт объясняет, что Трент работает в «Сони», а до этого шесть лет был ассистентом у Пэт Кингсли*.

Я начинаю расспрашивать Трента о предстоящем выпуске продукции «Сони», но когда замечаю, что Тренту и Бретту гораздо более интересно находиться в обществе друг друга, чем обсуждать что-либо со мной, то понимаю, что сорвалась в Пустоту и дороги обратно мне сегодня уже не найти.

Пустота — это то, что случается с тобой, когда ты немного перебираешь коки, и вместо того энергичного бесстрастного общительного человека, которого должен был пробудить кока, возникает молчаливый и крайне уязвимый параноик. В таком состоянии я думаю только о том, насколько неуверенно звучит моя речь и насколько всем на меня наплевать. Я попыталась избежать наступления Пустоты, увеличив число дорожек, но в состоянии наркотического опьянения избавиться от дурного настроения невозможно, это вам подтвердит каждый, кто принимал наркотики.

И я резко принимаю решение немедленно отсюда смыться, пропустить ужин, и пусть мои соседи по столу переживают из-за пустого места. Я прощаюсь с Бреттом и Трентом, но они настолько заняты разговором, что даже меня не слышат.

* * *

На следующее утро я подхожу к своему кабинету, думая о том, какая я вымотанная, несмотря на подкрепленные эм-

---

* Одна из самых влиятельных фигур на пиар-сцене Голливуда, около 14 лет была пресс-секретарем Тома Круза.

биеном десять часов сна, и вижу, как Брайан царапает мне записку одним из своих фломастеров.

— Меня ищешь? — спрашиваю я.

Вид у него невероятно измученный.

— Угу, оставляю тебе записку. Надо поговорить.

— О чем? — спрашиваю я, мгновенно превращаясь в параноика.

— Меня беспокоит твой низкий уровень профессионализма, — говорит он так, будто выражает беспокойство по поводу того, что кофе в офисе недостаточно крепкий. Он что, не понимает, какие резкие и ужасные слова он только что произнес? И не чувствует, как у меня мгновенно участился пульс и сердце стало биться гораздо быстрее, чем после кокаина? Ну как так можно? Вчера изображать из себя моего величайшего обожателя и восторженно отзываться обо мне в разговоре с очаровательным английским издателем, а завтра играть роль жесткого босса, который не собирается шутить.

Брайан скрещивает руки на груди, и его белая рубашка на пуговицах сама собой вылезает из джинсов.

— Что с тобой случилось вчера вечером? Мелани МакГрат оставила мне сообщение. Говорит, видела, как ты пришла, но к началу ужина ты уже смылась.

— Мне стало плохо, — начинаю я робко протестовать и напоминаю себе, что это не так уж далеко от истины. И для усиления драматического эффекта добавляю: — Меня рвало всю ночь.

— Амелия, ты пошла туда вместо меня. Если тебе стало плохо, ты должна была хотя бы познакомиться с публицистом и объяснить ей, что очень сожалеешь, но не можешь остаться на ужин.

Я злобно смотрю на него.

— Я не специально сделала, чтобы мне стало плохо.

— Учти это, Амелия, — говорит он. — И, пожалуйста, больше не доводи до такого.

И тут я раздражаюсь.

— Хватит меня учить, — говорю я и, наверное, с некоторым опозданием добавляю: — Пожалуйста.

Чем-то этот разговор напоминает мне об одной из моих стычек с отцом.

— Тебя надо учить, — ухмыляется Брайан, и я буквально впадаю в ярость.

— Хватит! — говорю я. — Пожалуйста, оставь меня в покое, может, тогда мне станет хоть немного лучше?

Брайан смотрит на меня, качая головой.

— Соберись, Амелия, — уходя, говорит он.

Если перед ужином я фактически убедила себя в том, что Чэд Милан — вполне сексуальный и привлекательный парень, то это полностью сошло на нет, не успели мы даже заказать аперитивы. Не знаю, то ли это случилось из-за того, как он пробует вино (претенциозно прикрыв глазки, он болтает его во рту), то ли потому, что он провозгласил «Код да Винчи» лучшей из всех когда-либо написанных книг, и мне в тот момент захотелось перегнуться через столик и крепко стиснуть руками его шею. Ненавижу, когда люди, в особенности мужчины, ведут себя неестественно, пытаясь изобразить из себя что-то, что, по их мнению, вам должно очень сильно понравиться. Но еще сильнее меня вывела из равновесия его настойчивая рука, которая то и дело прикасалась то к моей руке, то к ноге, когда он хотел что-либо подчеркнуть. И, слушая о том, какие эмоции захлестнули его, когда он впервые увидел в «Вэрайети» свое имя, я понимаю, что он ничего из себя не изображает, он на самом деле такой.

— Слушай, Чэд, я хотела кое-что прояснить, — говорю я, сделав для куража глоток вина.

Он выжидательно поднимает глаза: любой парень прекрасно понимает, что означает подобное вступление: пора перестать распространяться по поводу того, какие эмоции захлестнули тебя, когда ты увидел в анонсах свое имя, и обратить на меня внимание.

— Я... я... — Мне бы очень хотелось сказать: «Мы с тобой можем быть только друзьями», но я почему-то не в состоянии выдать из себя эту фразу. Потому что на самом деле я даже представить себе не могу Чэда в роли друга, особенно когда сижу здесь, в довольно романтическом ресторане, и распиваю с ним бутылку вина, которая, вероятно, стоит не меньше 75 долларов. И хотя в конце ужина, собираясь полезть за кошельком, я все-таки рассчитываю, что заплатит он, знаю, что приду в ужас, если он согласится с моим дерзким предложением поделить расходы. Ну и что мне ему сказать? Что я согласилась лишь потому, что у меня не было причин отказать? И мне было так одиноко, что я надеялась, будто после этого «свидания» я перестану ощущать, что отрезана от всего человечества?

— Я сейчас не готова к чему-то серьезному, — выдавливаю я из себя.

И жду, что сейчас лицо Чэда примет то выражение разочарования, которое тщетно пытается скрыть основная масса парней, когда понимает, что напрасно потратила двести долларов, так как продолжение вечера и не светит. Но, видимо, до Чэда не дошло, потому что он широко улыбается и говорит:

— Именно это мне в тебе и нравится.

— Что? — Это уже плохо.

— Ты такая искренняя, такая прямолинейная, — продолжает он. — Большинство женщин никогда не говорят то, что думают, но ты не такая.

Меня нередко хвалят за это качество, что обычно приводит меня в крайнее замешательство, потому что я почти никогда не говорю то, что думаю. И если мужская братия действительно так считает, то мне искренне жаль их.

— Не знаю, насколько я сейчас искренна... — начинаю я, но Чэд меня обрывает.

— На все сто процентов. И последнее, что я стал бы делать по отношению к тебе или к любой другой женщине, так это торопить. Мы сейчас просто пытаемся получше узнать

друг друга. — Он заканчивает эту преисполненную оптимизма смехотворную фразу мощным аккордом: поднимает свой бокал и показывает, чтобы я взяла свой.

— Будем здоровы? — произносит он.

В колледже я встречалась с парнем, который любил говорить «будем здоровы». Был ли то кофе, вода или молоко — в общем, любая жидкость, в которой не плавали слюни, стоила того, чтобы произнести это. А я вот никогда не любила говорить: «Будем здоровы».

Но что мне оставалось делать? Я пыталась объяснить Чэду свои чувства, но его непоколебимая уверенность в том, будто ему удастся завоевать меня, свела любые мои попытки к нулю. Со своей стороны я сделала все, что могла, и теперь с чистой совестью имела право есть и пить. Я поднимаю свой бокал, чокаюсь с Чэдом, изображая на лице подобие улыбки.

— Будем здоровы, — говорю я.

Пока Чэд рассчитывается — придвигая к себе счет и качая головой, когда я пытаюсь протестовать, — меня начинает терзать беспокойство по поводу того, как мне избежать прощального поцелуя. И сколько бы вам ни твердили, что если парень угостил вас хорошим ужином, то он вовсе не считает, что в конце вечера вы обязаны сдать ему в аренду свои губы, все эти неловкие фразы о том, какая была великолепная курица и как рано завтра начинаются занятия йогой, говорят как раз об обратном. И в тот момент, когда я решаю, что, возможно, избавлю нас обоих от неловкости, если просто поцелую его в щеку и навсегда отделаюсь от него, Чэд предлагает поехать выпить куда-нибудь еще.

Я качаю головой, мысленно высчитывая, что если мне придется еще целый час вести с ним светскую беседу, то от волнения и горя я посдираю себе все заусенцы.

— Как насчет «Гайз»? — спрашивает Чэд, ударив по самому больному месту. Это единственный бар в Лос-Анджелесе, который мне по-настоящему нравится, в который так тяжело попасть и не помогает даже то обстоятельство,

что ты — женщина. — Я есть в списке. — Я слегка удивлена тем, что Чэд имеет свободный доступ в «Гайз», хотя меня довольно сложно чем-либо удивить. Возможно, местный швейцар мечтает стать вторым Джонни Деппом и надеется, будто Чэд может ему в этом помочь.

Пока мы едем в машине, Чэд разговаривает по сотовому. Обычно это выводит меня из равновесия, однако сейчас я искренне благодарна человеку на том конце за то, что на целых пять минут избавил меня от необходимости что-то из себя разыгрывать. Судя по всему, это тоже был какой-то агент, так как Чэд говорил что-то про Эштона и Орlando Блума, но так, будто хотел произвести на меня впечатление. И, сказать по правде, если б он мне хоть немного нравился, то ему бы это вполне удалось.

Когда мы притормаживаем у «Гайз», Чэд передает машину на попечение служащего, а здоровенный черный привратник убирает бархатный канат и пропускает нас. Я замечаю у стойки своего друга Билла Киркпатрика, перед которым стоит колонна стопок, наполненных всевозможными жидкостями. Мы дружили с Биллом еще в колледже, но почему-то ни разу никуда не ходили в Лос-Анджелесе, о чем я весьма сожалею, так как он — единственный мой приятель со времен колледжа, с которым я до сих пор контакту. И Билл сейчас для меня — как огромный глоток свежего воздуха после двух часов общества Чэда Милана. Я пишу Чэда и показываю на стойку.

— Это — мой старый друг, Билл, — говорю я, продираясь сквозь толпу к нему.

— Я знаю Билла Киркпатрика, — отвечает он. Потом делает паузу и продолжает: — И ненавижу его. — Что ж, ничего удивительного: Билл никогда не упускает возможности нахамить.

— Девушка, с которой я встречался, изменяла мне с ним, — продолжает Чэд, злобно глядя на Билла.

— Хреново, — отвечаю я. — Ну... — Я понимаю, что ответ довольно бессердечный, но, по правде сказать, мне нужно

было немного отдохнуть от Чэда, и это откровение в этом поспособствовало. В этот момент, как нельзя кстати, какой-то парень в костюме-тройке — явно очередной агент — приветственно хлопает Чэда по плечу.

— Я только поздороваюсь с Биллом, — обращаюсь я к Чэду, когда тот заводит разговор с Тройкой. — Я буду там. — Чэд кивает, принимая от агента коктейль.

И я иду к Биллу, который смотрит мимо меня на Чэда.

— О господи. Только не говори мне, что ты здесь с Чэдом Миланом. — Билл любит разыгрывать из себя моего покровителя, но обычно это выражается в том, что он поливает грязью парней, с которыми я встречаюсь. — Он же самец.

Я не делаю попыток опровергнуть это утверждение, так что Билл соскальзывает с табуретки, чтобы уступить мне место у стойки, и кивает в сторону парня, который сидит к нам спиной.

— Я с другом, Риком. Сыграем в рюмочку? — Билл показывает на стопки, большая часть которых еще не выпита. Рик оборачивается, и тут у меня внутри что-то екает, и я понимаю, что этот Рик — не кто иной, как Рик Уилсон. Рик Уилсон, бывший ребенок-звезда, по которому я буквально сходила с ума в восьмом классе.

— Вы Рик Уилсон? — невольно вырывается у меня. Просто считается, что, общаясь со знаменитостями, нужно вести себя так, будто вы понятия не имеете, кто это, или уж если имеете, то вам совершенно безразлично то, чем они занимаются, но весьма интересно узнать, что это за люди. Если человек очень популярен, то это сделать очень легко. Но если же это кто-то гораздо менее известный, то мне тут же начинает казаться, что я с ним давно знакома. Как-то в Нью-Йорке на улице я увидела Грегори Хайнса* и помахала ему рукой, крикнув: «Привет, как дела?», решив в ту минуту, что он... ну, скажем, один из моих школьных учителей.

---

* Известный американский танцор, певец и актер; сделал многое для популяризации искусства.

Но Рик, судя по всему, весьма обрадовался тому, что его узнали. Вполне возможно, что он нигде и не снимался с середины 80-х.

— Да. — Он улыбается, между его полными губами показываются белые крошечные, но великолепные зубы. — Хотя я вас и не узнал, но мне очень хотелось бы с вами познакомиться, — говорит он. И он наклоняется мимо Билла, чтобы потереться губами о мои щеки. Билл переводит взгляд с Рика на меня.

— Рюмочка? — спрашивает он и, не дожидаясь ответа, подталкивает одну рюмку мне, другую — Рик. И почему-то, когда Рик говорит: «Будем здоровы», меня это не раздражает.

И вот в этот момент мое сознание начинает мутнеть. Возможно, это случилось после второго или третьего круга стопок. Но я знаю лишь то, что мы все-таки опустошили все рюмки на этой стойке, которые некогда были полными. В баре толпится просто невероятное количество народу, который затем начинает рассасываться. Интересно, почему это Чэд не удосужился подойти ко мне, и я решаю, что он — хам. И Билл с готовностью поддерживает мою гипотезу.

— Привел тебя сюда, а у самого даже смелости не хватило оторвать свою задницу, подойти и выпить с нами? — спрашивает он. — Ну и осел.

Рик кивает, не отрывая от меня пристального взгляда. И тут мне приходит в голову идеальное решение: вместо того, чтобы целоваться с Чэдом Миланом, поцеловаться с Риком Уилсоном.

— Почему бы мне не сказать Чэду, что я его везде искала, но не нашла? — говорю я Биллу, когда Рик уходит в туалет. «Гайз», конечно, не такой уж большой ночной клуб, по сути, в нем один-единственный зал, но тем не менее Билл согласно кивает.

— Конечно, — говорит он. — Рик определенно на тебя запал. Позвони Чэду, когда приедешь домой, и скажи, что не смогла его отыскать, поэтому уехала домой одна.

Я пока еще толком не знаю, как именно посвятить в наши планы Рика, но следующее, что я делаю, это иду в туалет, стараясь при этом не попасться на глаза Чэду, потом выхожу через черный ход и крадусь вдоль стены здания, как обезумевшая Дженнифер Гарнер в «Прозвище» или как он там называется, впрочем, не важно.

— Ну что, давай отвезем тебя домой? — с улыбкой говорит Рик, выходя на улицу. И, схватив меня за руку, подводит меня к черному БМВ, припаркованному в глубине площадки, и распахивает передо мной дверцу. Я проскальзываю внутрь, открываю дверцу с его стороны, вспомнив, как один парень как-то сказал мне, что, если девушка открывает ему дверцу, значит, она точно хочет с ним переспать. Увидев, что дверь с его стороны открыта, Рик подмигивает мне, садится на водительское сиденье и заводит машину.

— Хвоста нет? — спрашивает он. — Твоего парня не видно?

Я оглядываюсь и вижу только парковщиков.

— По-моему, все в порядке, — отвечаю я. — Но просто на всякий случай... — И я опускаюсь с сиденья на пол так, что мои ноги и попа оказываются на полу машины, а голова — на сиденье. И под таким углом я не могу не заметить, как выпирает у Рика под джинсами. Рик смотрит на меня сверху вниз и, заметив, что я тоже смотрю, подмигивает. Я все еще смеюсь, когда он, как шпион, начинает озираться, и мы отъезжаем от «Гайз» и направляемся в Беверли.

— Мы это сделали, — говорит он, изображая, будто вытирает со лба пот. — Не так-то легко вырваться из лап вкрадчивого агента ССА*.

Я снова сажусь на сиденье и выпрямляюсь.

— Что ж, отчаявшаяся дева благодарна вам за чудесное спасение.

Когда мы притормаживаем у моего дома, он тут же начинает искать свободное место.

---

* Центр обслуживания вызовов фирмы Ericsson.

— У тебя есть разрешение на ночную парковку? — спрашивает он.

Вообще-то, в мои планы не входило приглашать его домой. Можете назвать меня кокеткой — и, поверьте, многие так и делают, — но если парень мне нравится и мне кажется, что у нас вполне может что-то выйти, то я ограничиваюсь поцелуем, конечно, если не напилась настолько, что уж совсем ничего не соображаю.

— Не нужно парковаться, — говорю я. И его лицо принимает раздосадованное выражение.

— Что же, мне выйти из машины, и пусть она едет восвояси? — спрашивает он, я наклоняюсь и в ответ выключаю зажигание, потом придвигаюсь к нему, и мы начинаем целоваться. Это была фантастика. Довольно скоро мы уже страстно ласкаем друг друга, я попеременно дышу ему то в ухо, то целую в шею, и тут мне приходит в голову, что, возможно, Рик — именно то, что мне нужно.

Отстранившись от него, я спрашиваю низким сексуальным голосом:

— Ты с кем-нибудь встречаешься?

Он смотрит на меня с таким ужасом, будто я спросила его, мастурбирует ли он, рассматривая семейные фотографии.

— Вау... умеешь ты настроение испортить, — говорит он, откидываясь на спинку сиденья, чуть ли не впихивая обратно прикуриватель.

— Я не собиралась испортить тебе настроение, — говорю я, проклиная себя за столь несвоевременный вопрос, но прижимаюсь к нему поближе и достаю у него из пачки еще одну «Мальборо Ред». — Просто интересно, потому что ты — крутой парень. — И только эти слова вылетели у меня из глотки, наступает полная тишина, и я понимаю, какую чушь только что сказала.

Рик зажигает сигарету, затягивается и выпускает дым.

— У меня нет девушки, если ты про это.

Я улыбаюсь и тоже затягиваюсь, а Рик пускается в чудовищно непоследовательные рассказы о девушке, с которой

он встречался, но которая вечно все портила своими попытками перевести их отношения в более серьезное русло. И слово «серьезное» произносит так, как, наверное, вегетарианец произносит слово «стейк». А я сижу, курю и жалею о том, что довела его до таких мыслей, когда слышу, как он промурлыкал:

— Не правда ли, любопытно, что одним и тем же словом — неистовый — называют и тех, кого сдают в психушку, и тех, кто завязывает серьезные отношения?

Я киваю, впервые задумавшись над своей способностью принимать спонтанные решения, которая проявилась в последние несколько часов. И хотя эта тирада помогла мне совершенно ясно понять его отношение к данному вопросу, мне хочется знать, нравлюсь ли я ему еще, и будем ли мы встречаться или мое знакомство с Риком Уилсоном окажется столь же эфемерным, как и успешная карьера в Голливуде. Кинув взгляд на часы и увидев, что уже полвторого ночи, я решаю, что пора сваливать.

Я быстро наклоняюсь к нему, целую и отстраняюсь со словами:

— Если захочешь со мной пересечься, Билл скажет тебе мой телефон. — Открываю дверцу с пассажирской стороны, выхожу, твердо встаю на асфальт в своих лодочках «Miю Miю» и слышу, как Рик говорит (видимо, самому себе):

— Господи, ты — самая резкая телка из всех, которые мне встречались! — Я с улыбкой захлопываю дверцу. Мне нравится слышать слово «самая», пусть даже оно сопровождается таким нелицеприятным, как «резкая».

На следующее утро я просыпаюсь около шести и уже не могу снова уснуть. В такие дни от меня совершенно никакой пользы. Знаю, что устают многие, но я буквально схожу с ума. Такое ощущение, что мой IQ опускается на несколько сотен баллов, я плохо вижу, и единственное, что помогает мне как-то прожить день, это мысль о том, что ведь когда-нибудь эта попытка закончится и я снова смогу лечь в постель и уснуть.

Но раз уж я встала, и у меня еще целых два часа, прежде чем я даже подумаю о том, что надо идти на работу, я решаю отправиться в спортзал. Может, пропотев там как следует, я смогу прийти в себя. Понимаю, что это нелепо, но в таком состоянии я просто не могу мыслить здраво.

Оказавшись в спортзале, я заставляю себя влезть на беговую дорожку. В зале никого нет, чего никогда не бывает в спортзалах Лос-Анджелеса, где все поголовно подсели на спорт. Должно быть, сегодня какой-нибудь еврейский праздник или что-нибудь вроде этого. И я настолько углубилась в эти мысли, что не сразу заметила, как в зал вошел кто-то еще. Тут я поднимаю глаза, встречаюсь взглядом с этим человеком и тут же молю Бога, чтобы он послал мне машину времени и возможность оказаться где-нибудь в другом месте.

— Привет, Чэд! — ору я Чэду Милану таким фальшивым радостным голосом, что сама в шоке от того, что он может так звучать. В голове бешено вертятся смутные воспоминания о том, как сегодня утром я пришла домой после того, как меня высадил Рик, и натирала свой потрескавшийся подбородок увлажняющим лосьоном. Позвонила я Чэду, как планировала, или совершенно об этом забыла? И внезапно преисполняюсь твердой уверенностью, что я все-таки это сделала. Помню, я чуть ли сознание не потеряла от облегчения, когда отправила ему сообщение на голосовую почту. Все эти мысли молниеносно пролетают у меня в мозгу за то время, что я обращаюсь к нему с милой улыбкой:

— Ты получил мое сообщение?

Чэд кивает, остановившись подле моего тренажера.

— Получил, — говорит он. — Извини, что не ответил.

Я уже собираюсь сказать, что все в порядке, когда он подходит к «Стейрмастеру» и добавляет:

— Просто, учитывая, что я вышел на улицу, надеясь разыскать тебя, и увидел, как Рик за руку ведет тебя к своей машине, твое сообщение о том, что ты меня повсюду искала, показалось мне не очень убедительным.

Тут он взбирается на «Стейрмастер» и начинает заниматься. Я молчу. Мне нечего ему ответить. Я вижу только Чэда Милана, пустой зал, и меня охватывает неподдельный ужас. Чэд не произносит больше ни слова, и, даже несмотря на это жуткое унижение, я не могу не восхищаться тем, что у него хватило отваги поставить меня таким образом на место. «Теперь-то я понимаю, чем он может привлекать женщин», — думаю я в следующую минуту, выскальзывая из зала.

Мой первый порыв, когда я вижу у своего порога потягивающую из фляжки Стефани, за спиной у которой маячит Джейн, сказать ей, что мне никуда сегодня не хочется идти. Я вымотана даже больше обычного, и, наверное, лучше сейчас провести спокойный вечерок дома. Но эта мысль по какой-то причине даже не оформляется в слова.

— Пойдем на подготовительную вечеринку у Стива? — спрашивает она, и я киваю.

Вечеринки Стива Розенберга — это массовые собрания успешных исполнительных директоров, режиссеров и «звезд второй величины», которые проходят в его громадном особняке с баскетбольной площадкой и теннисными кортами. Сегодня без Алекса никак не обойтись.

— Как насчет мексиканской кухни? — спрашиваю я Джейн, которая прекрасно знает, что слово «мексиканская» относится к коке, которую мнеставляет Алекс, а «итальянская» — к коке, которую можно достать у этого бывшего мудреца с претензиями по имени Джои, а еще есть вариант, который мы называем «Нарушим пост?» — это про Веру, еврейку, с которой я познакомилась на какой-то вечеринке. Но поскольку Алекс — единственный из этих трех, кто занимается доставкой и именно на нас больше всего и наваривается. Джейн кивает, и, вручив

каждой из нас по бутылке «Амстел лайт», я звоню Алексу. У меня буквально текут слюни, когда я набираю цифры, нажимаю на кнопку вызова, после чего наступает пауза, а потом я просто физически ощущаю, как повышается серотонин, когда слышу длинный гудок, означающий, что звонок проходит. Люди реагируют на предстоящую дозу кокаина в точности, как собаки Павлова, я даже знаю одного парня, который говорит, что ему хочется в туалет каждый раз после того, как он звонит своему поставщику, потому что тот разбавляет коку детскими слабительными.

За семьдесят баксов (стоимость дозы) Алекс поставляет на дом лучший товар в городе, хотя порой его кока так сильно отдает бензином, что, пока она совершает свой путь через твою носоглотку в пищевод, ты буквально воочию видишь цистерны, в которых ее перевозили из Мексики. Поэтому, когда мы нюхаем, кто-нибудь обязательно жалуется, что ощущение такое, будто он подъехал к ближайшей запраvoyной станции, прижался лицом к насосу и стал вдыхать топливо, но кто-нибудь обязательно заметит на это, что, возможно, нюхать бензин гораздо менее вредно, чем чистый кокаин.

Алекс, как всегда, пунктуален, и через двадцать минут после моего звонка, секунда в секунду, его «тойота» притормаживает на подъездной аллее у моего подъезда. С десяток моих соседей могут смотреть в окно и наблюдать за моей сделкой с Алексом — он приспускает окно, я вручаю ему конверт со 140 долларами, как правило двадцатками, он отдает мне точно такой же конверт с двумя граммами, каждый из которых аккуратно упакован в лотерейный билет — и, когда моя параноя усиливается, я не сомневаюсь, что соседи с удовольствием пялятся на меня из окон, видят, что я покупаю наркотики, а потом сплетничают у меня за спиной о том, какая я нехорошая. Это же очевидно: ну кто еще будет молча обмениваться конвертами с мексиканцем, как не человек, покупающий наркотики? Но либо они не находят мое поведение достойным внимания, либо им просто все равно, потому что никто ни разу не сказал мне ни

единого слова и не выскакивал из подъезда, когда около него стояла машина Алекса.

Потом мы с Джейн разворачиваем свои бумажки и делаем дорожки, а Стефани разглядывает мою косметику. Стефани относится к нашей забаве так же, как мои родители к тому, что я курю. Они об этом знают, но делают вид, что не догадываются. И, глядя, как Джейн скручивает двадцатку, я подготавливаю дозу к вечеринке. Обычно я прячу коку в пультке, которая прикреплена к цепочке для ключей — трюк совершенно смехотворный и идиотский на тот случай, если меня захотят расколоть, и, возможно, это сродни подставки для пива на руле — но, увидев эту штуку на распродаже, я не смогла устоять, подумав об ее практическом применении.

Мы молча делаем дорожки, а Стефани пьет, потом Джейн говорит, что от запаха бензина у нее разболелась голова, на что Стефани отвечает, что пора идти к Стиву, пока там все не заполонили перспективные силиконовые актрисы, высматривающие очередного продюсера, чтобы добиться роли через койку.

Народу оказывается еще больше, чем я думала, и поначалу мы со Стефани и Джейн ходим от внутренней стойки к наружной, и у меня мурашки ползут по коже от предвкушения того, что готовит нам этот вечер. Помню, как сильно мне это помогало, когда завязался мой роман с тусовками (то ли на втором курсе, то ли в последнем классе школы). Мурашки появлялись от ощущения радости, обуревавшего меня в день назначенного мероприятия, предвкушения, которое доставляло гораздо больше удовольствия, чем сама вечеринка, и которое росло по мере того, как я кружила по залу, восторгаясь теми удивительными возможностями, которые может подарить мне вечер.

Увидев в очереди в туалет эксцентричную знаменитость Ники Хильтон, болтающую со стилисткой Коллин Фаррела, у которой я как-то брала интервью, которая,

в свою очередь, над чем-то смеется вместе с Сельмой Блэр, я чувствую, как мое возбуждение усиливается. Уж если такие прославленные люди выбрали «это», значит, «это» должно оказаться действительно чем-то потрясающим. Но не проходит и часа, как я понимаю, что ничего особенного не происходит и, судя по всему, не произойдет, и на меня накатывает неизбежная депрессия, столь же мощная и всепоглощающая, сколь и недавняя эйфория.

Хорошо, что у нас полные карманы коки: он поможет нам это пережить. Конечно, нюхать кокаин на вечеринках, учитывая обстоятельства, поступок довольно-таки отчаянный. Потому что нужно стараться показать всем этим чопорным трезвенникам, что ты ничего такого не делаешь, и одновременно не раздать его всем любителям до хаявы, которые то и дело налетают и спрашивают, «есть ли у тебя», или толпятся в спальнях, зная, что их-то в первую очередь занимают люди, у которых есть. Поэтому мы с Джейн примерно через каждые полчаса идем в туалет. Очевидно, что две девушки, выходящие вместе из туалета, только что употребляли наркотики, тем более если они шмыгают носом. К тому же на то, чтобы вдохнуть дорожку, времени уходит больше, чем просто пописать, но все же это наименьшее из всех зол.

Мы с Джейн изо всех сил стараемся не впадать в паранойю, не раскисать и не дойти до такого состояния, чтобы невозможно было общаться с другими людьми, и я испытываю чувство острой товарищеской благодарности к ней. Меня поражают все эти люди, которые тусуются в одиночку и которым не нужен друг, чтобы пережить общество этих стервозных дамочек и красивых мужчин, которые явно их игнорируют. Без спутницы я не смогла бы это вынести.

Стефани же ведет себя на массовых сборищах совершенно иначе. Она сразу же начинает пить, клеить парней и полностью пропадает из поля зрения, а появляется лишь несколько часов спустя с размазанной губной помадой.

Сегодняшний вечер ничем не отличается в этом смысле от остальных, и к моменту нашего с Джейн пятого похода в туалет мы уже нигде не можем ее найти. А тут заходит Гас со своим другом Дэном, и Джейн с Дэном уходят покурить травку — наркотик, который я еще не пробовала.

Мы с Гасом переходим на импровизированную танцевальную площадку в гостиной Стива. Из громадных колонок грохочет «50 Cent», песня о том, как кому-то хочется расстегнуть мне брюки, и мы с Гасом начинаем танцевать вместе с толпой пьяных ассистентов Уильяма Морриса.

— Господи, когда я слышу эту песню, мне сразу хочется заняться сексом, — говорю я Гасу, а он улыбается, кивает и подбирается ближе ко мне.

И уж если быть точной, то мы с Гасом начинаем грязные танцы. Ничего такого — то есть мы не занимались сексом в одежде или что-нибудь вроде этого, — просто наш танец становится чуть-чуть интимным. Но проблема-то как раз не в этом, а в том, что Гас меня целует, и я отвечаю на его поцелуй.

Мы целуемся не меньше минуты, когда я открываю глаза и вижу, что в дверях стоит Стефани и смотрит на нас с совершенно убитым видом. Даже несмотря на то, что я жутко «трезвая», до меня доходит: что бы она там ни говорила о том, что ей нет до Гаса никакого дела, что они просто «друзья» и все такое, она сильно расстроена. Я должна была знать: я же ее лучшая подруга, поэтому обязана отделять то, что она говорит, от того, что на самом деле думает. И мне тут же хочется умереть на месте. Я отталкиваю от себя Гаса и жестом подзываю ее.

— Стеф, вот ты где! — говорю я так, будто все это время занималась ее поисками, а не лобызалась с ее любовником.

Но в выражении ее лица я замечаю что-то такое, чего никогда прежде не видела. Дело в том, что Стефани самый толерантный человек из всех, кого я знаю, потому что мирится с моей депрессией, истериками и негативным отношением ко всем, как никто другой, — и, как бы я себя ни ве-

ла, на ее лице всегда написано всепрощение. Но сейчас она сверлит меня таким ледяным взглядом, будто совершенно не желает меня понимать и уж тем более проявлять ко мне терпимость. Ясное дело, что если бы я была в состоянии соображать, если бы мне не нравилась эта песня и мне не захотелось бы секса — то до меня дошло бы, что Стефани вряд ли будет приятно увидеть, как мы с Гасом целуемся. Но почему-то такие вещи доходят до меня, когда уже слишком поздно. Она бросает на меня уничижающий взгляд и начинает спускаться вниз по лестнице. Я как ненормальная бегу за ней.

— Стеф! Стой! Можно с тобой поговорить? — кричу я на бегу. Гас следует за мной.

Стефани смотрит мимо меня на Гаса и говорит:

— Пойдешь со мной. — Хватает его за руку и выводит на улицу. Я остаюсь в полном одиночестве, чувствуя себя еще более ничтожной, чем грязь под их ногами.

Потом я одна брожу по залу с ощущением того, что Стефани, Джейн, Гас и Дэн ушли все вместе и сейчас поливают меня грязью. Может, это просто паранойя, из-за коки? Сходя в туалет еще раз, уже в одиночестве, я начинаю думать о том, что это — самая ужасная ночь в моей жизни, что мне, наверное, лучше сейчас попытаться добраться до дому и лечь спать.

Но когда я выхожу на улицу, то вижу, что на Темпл-Хилл-Драйв, судя по всему, разыгралось настоящее побоище: бродят копы, отовсюду стекаются подвыпившие люди, изредка забредает какой-нибудь случайный прохожий. Меня несет вместе с толпой, которую оттесняют копы, и я понимаю, что среди всех этих знакомых лиц нет никого из моих друзей. Тут меня охватывает паника.

И в это время, когда я стою и ищу глазами хоть кого-нибудь из знакомых, мимо проходит Адам.

— Эй! — взволнованно кричу я и в отчаянии хватаю его за куртку.

— Что здесь происходит? — спрашивает он, обнимая меня.

— Копы тут всех разгоняют, я не могу никого найти, а это место оккупировали ассистенты всевозможных агентов, — объясняю я, показывая на столпотворение перед домом. — А почему ты так поздно?

— У меня только смена закончилась, — отвечает он, и я вспоминаю, что он безработный актер, вся жизнь которого — это смены, перфокарты и чаевые. Но я так рада, что встретила хоть кого-то из знакомых — пусть и того, кто бросил меня у камина и не попрощался со мной наутро, когда мы виделись в последний раз, — что забываю про свою обиду.

Адам окидывает взглядом людей и вдруг говорит:

— Это походило бы на одно из творений Сартра, если б ему захотелось воссоздать мое собственное видение преисподней. Может, уйдем отсюда?

И привожу его к себе домой, потому что в полночь с субботы на воскресенье больше идти некуда, чувствуя, как снова становлюсь оптимисткой, потому что еще есть возможность спасти вечер.

— Сейчас вернусь, — воркую я, оставив его в гостиной, где он гладит одну из моих кошек, и направляюсь в спальню. «Надеюсь, он ни о чем не догадается и решит, что я просто пошла в туалет», — думаю я, снимая со стенки репродукцию с изображением местечка Гретна-Грин* в рамке, которую купила во время поездки в Англию с родителями десять лет назад, — и высыпаю на стекло немного «алекса». Быстро вдыхаю четыре дорожки, потом смазываю указательный палец и натираю им десны: это то, что моя подруга Лайза называла «ням-ням», когда мы с ней еще в школе воровали коку у ее отца. Я зажигаю сигарету и, чувствуя, как кока начинает поступать в кровь, возвращаюсь в гостиную, где Адам продолжает играть с моей кошкой.

---

* Местечко в графстве Демфрис (Шотландия); в первой половине XIX в. Здесь совершались гражданские браки в обход английских законов.

— Знаешь, а я на тебя ужасна злая, — говорю я, подходя к нему и усаживаясь рядом.

— На меня? — спрашивает он. Жестом показывает на мою сигарету и выпрямляется. — За что?

— За что? Да за то, что сначала ты говорил, что хочешь забрать меня из этой грязной голливудской сцены, а сам оставил лежать у камина, даже подушку под голову не подложил и одеялом не накрыл и не попрощался, когда я уходила, — отвечаю я, поражаясь тому, с какой легкостью все эти подробности слетают у меня с языка. Я, вообще-то, обычно стараюсь не показывать себя существом ранимым, но «алекс» заставил меня позабыть о подобных вещах.

— Ох, Амелия, Амелия, — говорит он, откидываясь на спинку кушетки, а на его лице вдруг появляется нежная улыбка. И я вдруг замечаю, что у него горят уши. Интересно, это я его так сильно смутила?

Но тут он уверенно смотрит мне прямо в глаза.

— Я держал тебя, когда ты уснула, но потом ты оттолкнула меня и перекатилась на пол, — говорит он. — Я пытался подложить тебе под голову подушку и накрыть тебя одеялом, но ты их отпихнула. Ну, а потом... — он снова затягивается моей сигаретой... — я смотрел, как ты спишь, и думал о том, что это самое прекрасное зрелище из всех, что я когда-либо видел.

Из его уст это звучит настолько искренне и нежно, что я практически не знаю, что ответить. На секунду меня посещает мысль рассказать ему про инцидент с Гасом, но мне так приятно купаться в этом новом для меня ощущении блаженства, что не хочется делать что-то такое, что спугнет его.

Поэтому я придвигаюсь поближе к Адаму, он кладет мне на колено свою тяжелую ладонь, и мы разговариваем: ни о чем особенном, но в то же время о вещах довольно личного характера. Это похоже на болтовню после секса, какой она должна была бы быть, но какой никогда не бывает. Все это время мы курим одну сигарету на двоих. И по-

ка он рассказывает мне о том, как ему не нравится работать в «Нормз Дели» и как неприятно видеть, как этих бездарных, хотя и смазливых парней приглашают на пробы, за которые он так боролся. Я впервые обращаю внимание на то, что у него один из самых сексуальных голосов, которые мне когда-либо доводилось слышать. Мы говорим о том, как угнетающе действуют голливудские вечеринки, потом я рассказываю ему, как трудно мне заводить друзей. И все то время, что мы беседуем, я думаю о том, поцелует он меня или нет.

Я не говорю Адаму, что совершаю регулярные набегі в спальню для того, чтоб нюхнуть кокаину, так как нисколько не сомневаюсь, что он меня осудит, а у нас все так хорошо идет, и я боюсь его оттолкнуть. Однако следующий поход в спальню, во время которого я вдыхаю четыре дорожки, заставляет меня насторожиться, потому что по возвращении я уже тараторю, как трещотка. И вдруг я вижу себя со стороны, как будто запись на кинокамере, и сейчас начнется до ужаса бессмысленная история о возможности завязать опасные отношения с хроникером светских сплетен в рабочее время. «Надо освежиться», — говорю я себе и тут же снова начинаю мучиться вопросом, собирается Адам поцеловать меня или нет.

Потому я теряю терпение, нагибаюсь к нему и целую его сама. Можете считать меня феминисткой, но мне всегда казалось бессмысленным ждать, когда мужчина сделает первый шаг. Адам отвечает на мой поцелуй с гораздо большей страстью, чем я ожидала, и у меня в прямом смысле начинает кружиться голова. В мозгу крутятся такие слова, как «потеряла сознание» и «дрожь в коленках». Я не знаю точно, что Адам сделал, но, судя по всему, нашел какую-то точку на моих ларингах, отчего я завелась, как никогда прежде. Интересно, смогу ли я вообще оторваться от его губ? И, когда у меня уже начинает покалывать подбородок, как случается всегда, когда я целуюсь с небритым мужчиной, Адам вдруг отстраняется и смотрит мне прямо в глаза.

— Постой... ты что, коку нюхала? — спрашивает он. Слово «кокаин» он произносит так, как я бы произнесла «кокос», а я этого терпеть не могу, и мне тут же становится не по себе, как будто он — коп, который собирается взять у меня анализ на наличие алкоголя в крови.

— Что ты несешь? — говорю я, хотя на самом деле пытаюсь только выиграть время и понятия не имею, что сказать на это.

— Я же чувствую его вкус, — отвечает он. Я высвобождаюсь из его объятий, откидываюсь на спинку кушетки, прикуриваю от зажигалки, которую купила на блошином рынке, и глубоко затягиваюсь. Я и понятия не имела, что во время поцелуя можно почувствовать вкус кокаина, и тут же вспоминаю всех других мужчин, которые ни разу не сказали мне об этом ни слова. Они что, не были знакомы с его вкусом или просто не хотели, чтобы я останавливалась?

Я проклиная себя за то, что меня раскололи, и за то, что я всегда была ужасной лгуньей. Адам не задает мне больше ни единого вопроса, но момент упущен, и в трусиках у меня уже сухо, как в Сахаре.

Ситуация становится до ужаса неловкой. Он говорит, что должен идти, так как завтра у него много дел, хотя буквально десять минут сказал, что на завтра нет вообще никаких планов.

— Но я позвоню, — говорит он, поднимаясь.

Я записываю свой номер, хотя прекрасно понимаю, что это — не более чем банальный обмен любезностями и ему совершенно не хочется мне звонить, потому что я абсолютно распушенная женщина, которая тайком употребляет кокаин, прежде чем с кем-то поцеловаться. Я провожаю его, он наклоняется и быстро чмокает меня в губы самым целомудренным образом. Складывает пополам бумажку с моим номером и кладет ее в карман джинсов.

— Я позвоню, — повторяет он, но когда он идет по аллее к своей машине, то даже ни разу не оборачивается. Я снова

захожу в квартиру, и по моему лицу текут слезы. Не знаю точно, то ли это из-за того, что меня отвергли, то ли потому, что у меня не осталось «алекса», а может, потому, что знаю: чтобы уснуть, мне потребуется выпить несколько рюмок водки и не меньше четырех таблеток эмбиена. И даже в этом случае я проснусь с первыми утренними птичками, когда они начнут свою угнетающую трескотню. А скорее всего, из-за всех этих причин вместе. Я отхлебываю из бутылки «Абсолют», которую храню в морозилке, даже не разбавив содержимое диетической колой.

В понедельник я прихожу на работу с твердым намерением спуститься вниз и извиниться перед Стефани. В воскресенье, в момент случайного проблеска сознания, — проворочавшись несколько часов, я решила принять еще несколько таблеток эмбиена и проспала весь следующий день — я пришла к выводу, что постоянные тусовки действительно начинают оказывать негативное влияние на мою жизнь и что мне нужно меньше пить и перестать нюхать кокаин. Стефани, которая, я знаю, сама не раз давала себе подобные уроки, должна меня понять.

Но мне еще нужно написать статью про Кена Стинсона, этого дешевого актеришку, который будет играть Геракла в каком-то фильме с ужасным названием, на который я не пойду, даже если мне заплатят 1000 баксов, поэтому я решаю сначала написать статью, а после этого, когда напряжение немного спадет, уже поговорить со Стефани.

Статья должна войти в рубрику «Самые красивые люди», и, хотя Кен Стинсон даже отдаленно не тянет на красавчика и редакторы в курсе этого, все знают, что на самом деле знаменитостей подбирают не по внешним параметрам. Сюда, как правило, попадают те, кто снимался в кино и мелькал на телевидении и кого обожают зрители.

Агент Кена Эйми соединяет меня с ним, и он выкладывает ответы на все основные вопросы: нет, он не ходит на массаж лица, тренируется не из тщеславия, а потому, что

ему это нравится. Покончив с этой частью беседы, я спрашиваю, кого из друзей детства он мог бы порекомендовать, чтобы охарактеризовать его со стороны, другими словами, кто мог бы выступить в качестве третьих лиц.

Чаще всего это люди, достаточно хорошо знакомые с объектом, и хотя, как правило, «Эбсолютли фэбьюлос» предпочитают получать подобные комментарии от других знаменитостей, порой нам все же разрешают для особых выпусков печатать мнение «простых смертных». Поэтому Кен, подтвердив, что его рост составляет 5 футов 11 дюймов, а вес — 200 фунтов ровно, дает мне имя и телефон своего лучшего школьного друга из Каламазу*.

Школьный друг, которого зовут Чак, — судя по разговору, настоящая деревенщина — искренне гордится успехами Кена. И потешается над тем, что, пока Кен не стал известным актером, он был таким же мужланом, «который ничем не отличался от нас».

Я все это записываю, пишу статью с бешеной скоростью и вдруг замечаю, что данные о росте и весе Кена, которые он предоставил мне, отличаются от данных отдела статистики, с которыми мы все время сверяемся. Должно быть, он решил, что 5 футов 11 дюймов при 200 фунтах** не будет соответствовать названию «Самые красивые люди». Учитывая, что он мог солгать и отделу статистики, а это может означать, что на самом деле он еще ниже и толще, но нам приходится с этим мириться.

И в тот момент, когда я заканчиваю последние штрихи, мне приходит письмо от Стефани в форме официального уведомления Эда Макмэна:

«Дорогая Амелия, — читаю я с бьющимся сердцем. — Мне очень жаль говорить об этом, но нашей дружбе пришел конец, мы больше не можем оставаться подругами. Думаю, ты сама в состоянии догадаться, почему. Наилуч-

---

* Город в штате Мичиган.

** То есть при росте около 153 см вес составляет 90 кг.

ших пожеланий во всех твоих устремлениях и начинаниях. Стефани».

Слезы начинают капать у меня из глаза прежде, чем я успеваю их остановить, и первое мое побуждение — схватить компьютер и грохнуть его об пол. Мы больше не можем оставаться подругами? Какого хрена она о себе возомнила, что отправляет мне по электронке письмо с отклонением ее треклятой дружбы, будто отказывает мне в рабочем месте после собеседования? Можно подумать, Гас — ее муж.

Но уже через несколько минут я ощущаю странное спокойствие. Если уж быть совсем честной, то в последнее время меня тошнило от Стефани: она вела себя гораздо резче, перестала меня утешать, и я уже начинала задумываться по поводу того, что у нас не так уж и много общего. У других людей есть друзья детства или товарищи по школе, мне же никогда не удавалось сохранять подобные отношения. Старые друзья — это вовсе не так интересно и круто, как новые, а Стефани — с которой я познакомилась полтора года назад, когда только начала работать в «Эбсолютли фэбьюлос» — казалась одно время очень интересной. «Но я не позволю ей заставить меня всю свою жизнь мучиться чувством вины», — думаю я и решаю не вступать в эту холодную войну и даже не отвечать на ее письмо. Если же встречу в ней в лифте, решаю я, то буду держаться радушно, но отчужденно.

В рекордное время я дописываю статью про Кена Стинсона, и уже через несколько минут нью-йоркский редактор пишет мне письмо, в котором выражает свое восхищение проделанной мною работой — событие беспрецедентное. А еще через несколько минут ко мне подходит Брайан, говорит, что нью-йоркский редактор только что расхвалила ему мою работу, и вручает мне бумажку. Мельком взглянув на нее, я вижу, что это — назначение на интервью с Кеном — английским певцом, исполняющим музыку неопределенного жанра, которая пользуется необъяснимой популярно-

стью среди взрослого населения. А кроме того, он любит встречаться с актрисами.

— Это мне? — удивленно спрашиваю я. В мире «Эбсолютли фэбьюлос» о таком можно только мечтать, такие задания, как правило, дают более опытным репортерам, которые разбираются в музыке.

— Ага, я решил, что ты ему понравишься, — с улыбкой отвечает Брайан. Я убеждаю себя, что фортуна вновь повернулась ко мне лицом, и с этого момента моя жизнь станет лучше. Такие имена, как Рик, Гас, Адам и Стефани, еще торчат где-то в моем подсознании, грозя перспективой самодетства, но если у меня будет много дел, то я точно знаю, что хоть какое-то время смогу о них не вспоминать.

Н рочитав про Кейна все, что смогла найти о нем в интернете, я отправляюсь на встречу с его менеджером — суровой темноволосой женщиной с внушающей серьезность короткой стрижкой — в вестибюле отеля «Эрмитаж». Она молча сопровождает меня на седьмой этаж, проводит в прихожую и открывает дверь в комнату, где меня ждет Кейн.

Кейн, которого ни по каким стандартам нельзя считать привлекательным, тем не менее излучает мощный звездный заряд, хотя, возможно, это не более чем сияние бриллиантов у него в ушах и на шее. Он стоит посреди гостиничной спальни в белом полотняном костюме и с широкой улыбкой на лице.

— Проходите, проходите, — говорит он, приглашая меня в спальню, и закрывает за нами дверь. Менеджеру он кричит: — Джанет, если вы нам понадобится, мы вас позовем.

Я чувствую огромное облегчение от того, что избавлена от присутствия мрачного бездушного менеджера, потому что эти представители повсеместно настаивают на своем присутствии во время проведения интервью, что действует на нервы не меньше, чем присутствие родителей на твоём первом свидании.

Кейн устраивает свое громадное туловище на королевской кровати, при этом грязь с его белых башмаков падает на покрывало, и хлопает ладонью по одеялу.

— Идемте ко мне в кровать, дорогая, — говорит он, и благодаря его красивому английскому акценту это приглашение звучит скорее не как сексуальное домогательство, а как вполне здоровое предложение.

И, сказать по правде, я бы с радостью приняла и то, и другое. Один из секретов моей работы с интервьюируемыми — это кокетливый антураж, другой же важнейший ее аспект — раскрытие очень личных вещей, что подсознательно подвигает их на то же самое. И потом, мое самолюбие не слишком сильно страдает, если какая-нибудь знаменитость, у которой «Эбсолютли фэбьюлос» собирается брать интервью, начинает со мной флиртовать.

Поэтому я с готовностью забираюсь на кровать, переживая лишь из-за того, что может войти менеджер и поймать с поличным меня, профессиональную журналистку, в столь компрометирующей ситуации. Но я успокаиваю нервы, задавая вопросы очень бдительно, а Кейн отвечает комплименты и подобранным мною вопросам, и мне самой.

Потом в определенный момент становится ясно, что он отвечает комплименты по поводу всего, что касается меня, и наша беседа начинает уже походить скорее на свидание, чем на интервью.

— У меня нет ни братьев, ни сестер, а у вас, красавица? — парирует Кейн на мой вопрос: единственный ли он ребенок в семье или нет, и, хотя мне не очень приятно ему отвечать, я также быстро указываю на то, что читателям «Эбсолютли фэбьюлос» совершенно наплевать на мою личную жизнь, поэтому нам лучше сконцентрироваться сейчас на его.

— Слушайте, да не переживайте вы так из-за своей статьи, — успокаивает меня Кейн. — Обещаю, она получится классной.

— Но мы даже еще не обсудили ваш первый альбом, — протестую я.

— Слушайте, у меня есть идея, — вдруг довольно резко заявляет Кейн. — Почему бы вам не закончить это интервью у меня дома?

— Правда? — Брайан говорил мне, что Кейн не пускает домой репортеров.

Кейн бросает взгляд на дверь, потом снова переводит его на меня.

— Я не люблю, когда ко мне домой таскаются оравы фотографов и репортеров, но вы вполне можете прийти, — говорит он. — Думаю, тогда ваша статья будет гораздо лучше.

И, глядя, как он лежит на спине, задрав одну коленку на другую, весьма довольный собой, я быстро взвешиваю в уме все за и против. За: я могу написать офигенную статью, и тогда Брайан и все остальные просто обалдеют, что мне лично удалось убедить Кейна дать мне интервью на дому. Против: может, он насильник. Но это маловероятно. Дополнительное против: возможно, это очень непрофессионально. Думаю, Синтия Джордан, моя коллега из «Эбсолютли фэбьюлос», очень серьезная девушка, строго следующая правилам, вероятно, прямоком направилась бы из гостиницы в центр жалоб на сексуальные домогательства, вздумай Кейн предложить ей брать у него интервью, лежа рядом с ним на кровати. И тут же понимаю, как я не люблю Синтию и какая у нее серая жизнь.

— Когда и в какое время? — спрашиваю я.

— Завтра в семь часов вечера, — быстро отвечает он. И, мельком взглянув в направлении двери, добавляет: — Солнышко, только не говори ничего Джанет. Давай я дам тебе адрес, и мы сами спланируем завтрашнюю встречу?

Распрощавшись с Кейном — поцелуй в обе щеки под грозным взглядом Джанет — и проходя через вестибюль, я решаю, что неплохо было бы сейчас выпить «Отвертки». На работу сегодня все равно можно не возвращаться: Брайан предложил мне сразу же после интервью отпра-

виться домой и заняться статьей, — да и, по правде сказать, я немного горжусь собой после того, как мне удалось выбить повторное интервью у Кейна. У меня в голове уже проносятся мысли, что мы с Кейном вполне можем влюбиться друг в друга, а потом, во время обеденных вечеринок в нашем загородном английском поместье (ну, или в особняке в Испании, о котором он упоминал неоднократно во время интервью), будем развлекать другие пары и вместе смеяться над тем, как мы познакомились, когда я брала у него интервью, работая репортером в «Эбсолютли фэбьюлос».

Я подхожу к бару и чувствую, как меня трогают за плечо.

— Кажется, это Амелия Стоун, — слышу я безупречный английский выговор, принадлежащий Тиму Бромли. Он хватает меня за руку и целует в обе щеки. Мне сегодня чертовски везет на англичан.

— Амелия, это Джон Дэвис, — говорит Тим, показывая на малоприятного седоватого типа с пузом. Мы с Джоном обмениваемся рукопожатием, и Тим жестом предлагает мне присоединиться к ним у стойки.

Тим заказывает для меня у официантки «Отвертку», но, прежде чем я даже успеваю сказать, что это именно то, что я хотела, он говорит с восхитительной британской сардонической интонацией в голосе:

— Возможно, внешне Джон не производит впечатления, но это ошибочно.

Джон добродушно улыбается Тиму.

— Ух, ты! Спасибо, Тим. — Для меня он слишком американский, некрасивый и староватый, чтобы мне было хоть какое-то дело до его слов, пока он не замечает: — Слышали бы вы, как Тим отзывается о людях, не подписывающих его чеки. — И я дружелюбнейшим образом улыбаюсь Джону.

— Это правда. — Тим пожимает плечами и подмигивает мне. Когда вам подмигивает страшилище, это уродливо.

Если же это делает очаровательный англичанин, то просто обворожительно. — Возможно, Джон и кажется несколько приземленным — да так оно и есть: сидит тут, квасит со мной — но не дайте себя одурачить. Он же издатель «Чэт».

Издатели — скучнейшие люди, и я скорее съем метлу, чем приму приглашение пообедать с издателем «Эбсолют-ли фэбьюлос», когда он придет из Нью-Йорка, — но они — клиенты Английского банка.

— Вы приехали из Нью-Йорка, Джон? — спрашиваю я. И добавляю игривым тоном: — Или мне следует обращаться к вам «мистер Дэвис»?

Джон улыбается, настаивает на том, чтобы я называла его исключительно по имени, и пускается в какую-то историю о фильме, который он смотрел в самолете, пока летел сюда. Я замечаю, что Тим одобрительно внимает нашему с Джоном диалогу, и внезапно испытываю благодарность к Джону за то, что он сейчас здесь. Что-то такое я помню еще со школы, что мужчине можно понравиться, если сойтись с его друзьями или если продемонстрировать на публике свое чувство юмора и умение флиртовать. В присутствии двух людей я чувствую себя спокойнее, чем наедине с кем-то, так как боюсь, что мне просто не о чем будет говорить с человеком. И, слушая, как Джон рассказывает про очередной фильм, который он смотрел прошлой ночью у себя в номере — этот явно равнодушен к кинематографу и, вероятно, смотрит все подряд, — я думаю о том, насколько уютнее я чувствую себя в присутствии Тима теперь, чем во время нашей первой встречи. На мне будто до сих пор защитная маска приятного внимания Кейна, я чувствую себя воплощением Сексуальной Женщины, Которая Регулярно Отражает Выпады Своих Интервьюируемых.

И тут, будто прочитав мои мысли, Тим спрашивает:

— А что же привело вас сегодня в «Эрмитаж»?

Клянусь, даже самые банальные вопросы из его уст звучат просто очаровательно.

— Ну вообще-то я брала интервью у одного музыканта, — отвечаю я и, оглядев бар и удостоверившись, что Кейна и его брюзгливого менеджера нигде не видно, но все равно понизив голос, начинаю рассказывать про свою сегодняшнюю встречу, не опуская таких подробностей, как приглашение в постель и предложение продолжить интервью завтра у него дома.

— Ну вы даете! — восторженно восклицает Тим. — Вы хоть понимаете, что с обычными людьми подобные вещи не случаются?

— Надеюсь, вы не считаете меня ужасно непрофессиональной, — говорю я.

— Нисколько! — отвечает Тим.

— Надо использовать то, что имеешь, — поддакивает Джон.

Следующие полчаса, пока я приканчиваю свою «Отвертку», я наслаждаюсь их реакцией на свой впечатляющий рассказ. И как раз в тот момент, когда я понимаю, как сильно хочу курить, и думаю, стоит ли говорить Тиму Бромли, что я курю — хотя, конечно, англичане вполне сносно относятся к этому, не в пример чрезмерно озабоченным здоровым образом жизни американцам, — он смотрит на часы и сообщает, что, к сожалению, через двадцать минут у них с Джоном встреча с какими-то рекламщиками на другом конце города и им пора. Как мне нравится, когда он говорит «к сожалению», я даже прощаю ему то, что он уходит.

— У вас есть с собой визитка? — спрашивает он, и от восторга у меня буквально сжимается сердце, но тут я понимаю, что все визитки у меня закончились еще месяц назад, а я до сих пор не удосужилась заказать себе еще.

— Нет, — отвечаю я. — Но почему бы мне просто не записать для вас свои данные?

Он улыбается, подталкивает мне салфетку с шариковой ручкой, и я записываю свой рабочий телефон и электронный адрес. Потом добавляю номер сотового и рядом пририсовываю маленькую букву «х». «Завуалированный

намек, глядя на который, он будет думать о поцелуе», — думаю я.

Придя на следующий день на работу, я мчусь в кабинет к Брайану, чтобы похвастаться своим вторым интервью с Кейном. Он спрашивает меня, когда оно должно состояться.

— В три часа. — И хотя встреча с Кейном назначена на семь, ответ сам слетает у меня с языка, вероятно потому, что я понимаю: если сказать Брайану правду, у него появятся подозрительные мыслишки. Поэтому я мысленно делаю пометку уйти из офиса в два тридцать, чтобы подтвердить эту ложь.

Брайан без лишних слов вручает мне бумажку: задание на интервью с певицей-автором песен Линдой Льюис.

К этому моменту я уже достаточно обросла цинизмом, чтобы писать от радости в штаны из-за предстоящего интервью со знаменитостью, но с того момента, как услышала по радио песню Линды Льюис «Грешница», когда шла на работу после «кокаиновой» ночи, я до сих пор оставалась под впечатлением. Это песня заставила меня пережить целую гамму ощущений — от суицидальной склонности до уверенности в собственных силах. Тогда я сразу решила, что Линда Льюис выбьется в люди. За время работы в «Эбсолютли фэбьюлос» я неоднократно убеждалась, что интуиция почти никогда меня не подводит. Но, конечно, у меня случались и промашки: люди, которым я пророчила будущее Анджелины Джоли или Стивена Спилберга, лишь на мгновение поднимались на вершину Олимпа (хотя я лично не сомневаюсь, что, если бы «Эбсолютли фэбьюлос» согласился уделить им внимание, они тоже стали бы суперзвездами).

Славу богу, что у меня есть синдром нарушения внимания: я проходила тест, и выяснилось, что он у меня присутствует, но «в небольшой степени» и «не создает помех вести нормальный образ жизни», если верить психотерапевту.

Я так давно говорила про Линду Льюис издателям в Нью-Йорке, что совсем про это забыла. Для меня одобрение нью-йоркских издателей — всегда блаженный шок, равносильный тому, что найти сто баксов в кармане джинсов, которые ты износила еще в прошлом году. «А мои рабочие проблемы начинают решаться», — говорю я себе, возвращаясь от Брайана в свой кабинет.

Я немедленно созваниваюсь с агентом Линды, Тиной, и она визжит от восторга, когда я говорю, что «Эбсолютли фэбьюлос» хочет написать про Линду. Но когда я начинаю излагать требования «Эбсолютли фэбьюлос» — о том, что интервью и фотографии нужно будет сделать на дому, что ей придется подробно осветить свои романы и что мы также напечатаем ее возраст и сверим его с данными отдела статистики, — Тина издает протяжный вздох.

— Ох, Линда ведь никому не говорит, сколько ей лет, — говорит Тина. — Она считает, что возраст — это всего лишь цифры.

О господи. Когда я писала свою первую статью, то уже тогда поняла, что люди, возраст которых нам наиболее всего интересен, считают, будто «возраст — это всего лишь цифры».

— А вы не можете сделать исключение? — спрашивает она. Я говорю, что не знаю, но вряд ли, прошу ее не класть трубку, набираю по другой линии Брайана и говорю, будто представитель Линды баламутит тут воду по поводу того, что мы хотим напечатать возраст Линды.

— Скажи, что если не желает выдавать свой возраст, то статьи не будет.

И я передаю Тине слова Брайана.

Тина вздыхает.

— Может, я смогу ее убедить, — говорит она. Я снова прошу ее подождать и переключаюсь на Брайана.

— Может, ее смогут убедить, — повторяю я.

— Хммм, — говорит Брайан. — Если агент колеблется уже сейчас, то лучше сразу покончить с этим делом.

— Но, Брайан...

— Скоро я дам тебе другое задание. Серьезно. Считай, что про это я забыл.

Я решаю про себя, что Брайан неправ. Линду можно убедить, и я смогла бы сделать это. Мне нужно как-то проявить себя на работе, а я знаю, что именно эта статья в этом поможет. Я звоню Тине и говорю, что все нормально, нужно назначить время проведения интервью, и что подробности мы обсудим позже.

Как раз в тот момент, когда я договариваюсь о встрече с Линдой в ее доме в Вест-Голливуде, начинает звонить другой телефон, который я старательно игнорирую, пока не обращаю внимание на то, что он продолжает названивать подозрительно долго. То есть человек упорно дожидается ответа и, едва положив трубку, тут же снова набирает номер.

— Я лучше узнаю, кто там меня домогается, — говорю я Тине. — Спасибо вам за все. — Разъединяюсь с ней и отвечаю на звонок.

— Амелия, это Эйми Бейкер, агент Кена Стинсона. — И я вздрагиваю, вспомнив, что сегодня вышла рубрика «Самые красивые люди». А у меня еще даже не было возможности ее просмотреть.

— Что случилось, Эйми? — спрашиваю я, но и без того уже понятно, что что-то не очень хорошее. У агентов знаменитых людей имеются только две интонации — радостная (когда вы пишете статью про его клиента, о котором вообще никто ничего не пишет), во всех же остальных случаях — раздраженная, и сейчас в ее голосе определенно сквозит последняя.

— Вам придется написать опровержение на статью, — говорит она. — Вы напечатали не тот вес и рост и полностью переврали слова его друга.

Она говорит со мной таким тоном, будто я — маленькая девочка или невероятно тупорылый человек. Меня тут же охватывает паника. Меня ведь никогда не отпускает ощу-

шение, что я вечно портачу, поэтому не в состоянии противостать подобным нападкам, пока сама не просмотрю материал.

— Эйми, дайте я взгляну на статью и сразу же вам перезвоню, — говорю я и кладу трубку прежде, чем она успевает что-либо возразить. Я мчусь в кабинет к Брайану, где лежит стопка нового выпуска, хватаю один экземпляр и пулей лечу обратно к себе. И даже не обращаю внимания на его вопрос: «Что-то случилось?»

Открыв номер на странице со статьей о Кене Стинсоне, — господи, ну не красавец ли, а? — я просматриваю то, что мы напечатали про его рост и вес. Вспоминаю, что он дал мне другие цифры, отличные от тех, что указаны в данных отдела статистики. Ха! И меня одновременно охватывает чувство вины и ярости за то, что меня обвинили в ошибке, которую я не совершала.

И тут я читаю слова его друга: «Он был таким же мужланом, как и все мы». И прекрасно понимаю, что произошло, даже у Эйми не нужно спрашивать. Жирноватый и невысокий Кен Стинсон открыл журнал в радостном предвкушении потешить свое самолюбие тем, что про него написали в рубрике рядом с по-настоящему красивыми людьми, и заметил, что его рост и вес не соответствуют тем, что он сказал мне. Далее он прочел высказывание своего друга и, вместо того чтобы посмеяться над ним, как это сделал бы на его месте любой человек с нормальной самооценкой, обозлился и позвонил своему приятелю, чтобы сорваться на нем, а приятель взял да и сказал, что его слова переврали.

Я перезваниваю Эйми, разъясняю ей «путаницу» по поводу веса и роста Кена и уверяю, что у меня есть запись разговора с его другом. И хотя я прекрасно знаю, что права, тем не менее нахожусь на грани истерики, и меня мучает вездесущее чувство вины, как будто я украла что-то в магазине, где есть вывеска с надписью, что воры преследуются по закону.

— Если вы в дальнейшем не хотите сталкиваться с подобными вещами, я бы посоветовала вам сказать своим клиентам, чтобы они честно отвечали на вопросы во время интервью и не давали телефоны друзей, в чьем мнении они не уверены, — говорю я.

— Прошу прощения? — говорит Эйми, выдержав враждебную паузу. — Вы пытаетесь учить меня, как выполнять свою работу?

И тот факт, что вместо извинения она взяла такой резкий тон, злит меня еще больше.

— По-моему, в данном случае вы в этом действительно нуждаетесь, — парирую я.

— Господи Иисусе, — отвечает она, и в тот момент, когда кровь во мне начинает закипать в предвкушении окончательного смертельного удара, она кладет трубку, а я продолжаю стоять с телефоном в руке. Меня всегда так шокирует, когда кто-то бросает трубку, что очень долго прихожу в себя, пока компьютерный женский голос в пятый раз не сообщит мне, что, если я хочу позвонить, мне нужно положить трубку и попробовать набрать номер еще раз. Меня мучает ужасный соблазн тут же перезвонить Эйми и наорать на нее за то, что она бросила трубку, но какая-то часть меня знает: только что я совершила ужасную ошибку.

Каждый, кто пишет статьи про знаменитостей, знает, что все их личные агенты в Голливуде — сумасшедшие и что самое главное здесь — вести себя так, будто все нормально. Брайан говорил мне это уже на второй рабочий день, после того как мне позвонила агентша Джимма Кэрри и наорала на меня за то, что я сказала ему, будто статья про него, которую я готовила, — гвоздь номера, хотя я вообще ничего подобного не говорила. «Ты бы позволила какой-нибудь ненормальной, которая наорала на тебя в автобусе, довести себя до слез?» — спросил меня тогда Брайан, и я покачала головой. Хотя, возможно, так оно и было бы, и с этим согласится каждый, кто постоянно ез-

дит в лос-анджелесских автобусах. У меня на глаза наворачиваются слезы, что уже совсем непонятно: ведь я выиграла эту битву.

Я решаю не бежать тут же к Брайану, чтобы жаловаться на эту сумасшедшую суку Эйми. Поэтому весь оставшийся день я сижу в офисе, слушаю грохочущие из CD-рома песни Кена и Линды Льюис, думая о том, что Эйми Бейкер совершила серьезную ошибку, не оценив меня по достоинству: все-таки я корешаюсь с серьезными британскими издателями и меня приглашают в дома выдающихся знаменитых музыкантов.

Над дверью в дом Кейна висела одна из этих видеокамер, которые есть у всех, кто зарабатывает в Лос-Анджелесе более полумиллиона долларов в год: то есть ты смотришь в этот черный ящик — который, естественно, до неузнаваемости искажает твое лицо, как в зеркале заднего вида, — и человек решает для себя, впускать тебя или нет. «Я что-то вроде аперитива, который дают попробовать прежде, чем подать», — думаю я, глядя в камеру с самодовольной улыбкой.

— Привет! — слышен до боли узнаваемый голос Кейна, и дверь с жужжанием открывается. Я толкаю дверь и вижу Кейна, который стоит на верхней площадке белых ступенек, откуда открывается вид на густо посаженный деревьями сад. На кушетке на крыльце сидит какой-то человек и бренчит на гитаре — а может, настраивает ее — и, пока я взбираюсь по ступенькам, Кен небрежно представляет нас друг другу.

— Грег — Амелия. Амелия — Грег. — Грег одновременно кивает и улыбается, молча давая понять, что считает меня очередной игрушкой Кейна на ночь, с которой даже не стоит обмениваться рукопожатием и обращать внимание. Также от моего бдительного внимания не ускользает тот факт, что Кейн не представил меня как «Амелию из «Эбсолютли фэбьюлос». Равно как ни словом не упомянул о том,

кто такой Грег: его помощник, настройщик, член группы или они просто вместе живут.

— Хотите чаю? — спрашивает Кейн, провожая меня на кухню, упакованную самыми невозможными прибабасами. Он выдвигает ящик, в котором лежат все известные человечеству сорта чая, а возможно, и неизвестные. Англичане вообще одержимы чаем.

— А у вас есть что-нибудь... покрепче? — спрашиваю я, чувствуя, что ляпнула глупость вроде той, которую можно услышать в каком-нибудь диалоге из телефильма с Тори Спеллингом. — Пиво? Или что-нибудь покрепче? — Мне даже в голову не могло прийти, что он не собирается мне предлагать алкоголь, хотя это не более чем продолжение интервью. Конечно, я беру интервью в состоянии абсолютной трезвости — по крайней мере, в большинстве случаев, — но данная ситуация сама по себе содержит намек на нечто большее, чем просто интервью, поэтому я сочла, что выпить будет весьма кстати, если даже не необходимо.

— Боюсь, нет, солнышко, — говорит он. — Но я могу сделать тебе крепкий чай.

Кейн насвистывает, бросая в керамическую кружку чайный пакетик и наливая кипяток, одновременно показывая мне, чтобы я присаживалась на кушетку, которая находится в гостиной рядом с кухней. Обиталище у него довольно просторное, я даже слышу, как наигрывает Грег, будто сидит рядом со мной на этой кушетке.

— Итак, мы не слишком подробно осветили ваше детство, — говорю я, когда Кейн садится рядом. Он вздыхает, и я его даже не виню. Ведь то, что он уже успел мне поведать, было довольно грустно: отец бросил семью, мать сильно пила — все обычные составляющие трудного детства. И мне было так неловко вчера из-за того, что пришлось у него все это выудить, что я сразу же сменила тему. Но такие подробности — это хлеб с маслом для «Эбсолют-ли фэбьюлос», так что я понимаю, что этого разговора никак не избежать.

Я замечаю, что во взгляде Кейна, брошенном на диктофон, сквозит недоверчивость, будто он вообще не ожидал, что я его включу. Неужели я и вправду такая дура? Неужели непонятно, что «продолжение интервью на дому» — это завуалированное приглашение в «мой дивный дом, чтобы потрахаться»?

Только не вздумайте ошибаться на мой счет. Я и в самом деле не против с ним переспать, по крайней мере теоретически. Но у нас будет на это куча времени потом, после того, как я смогу выудить у него все эти болезненные тайны его личной жизни, которые войдут в историю как выдающееся интервью с Кейном.

— Послушайте, Кейн, я ведь уже говорила: для того, чтобы сделать статью про вас, мне нужно побеседовать с кем-нибудь из ваших друзей — желательно знаменитых друзей, — продолжаю я. Большинство известных людей обычно с готовностью предлагают телефоны своих сестер, или Брюса Уиллиса, или Энди Дика, или еще какой-нибудь случайно пришедшей им на ум знаменитости, которую они считают своим другом. Но когда вчера я задала этот вопрос Кейну, он его проигнорировал. А сейчас с улыбкой отвечает, что поможет мне связаться с Джоном Митчеллом и одним резервным музыкантом.

— Ты такая серьезная, — с улыбкой говорит он. — Я достану тебе эти телефоны. Позвони мне завтра или послезавтра, и я обязательно помогу тебе связаться со всеми, кто тебе понадобится.

Понимая, что сейчас мне никто никаких телефонов не скажет, я перехожу к другим вопросам, и Кейн на них отвечает — но это все те же стандартные общие фразы, которые я слышала накануне, — и в то же время пытается отвлечь меня от дела.

— Знаешь, ты одна из тех девушек, на которых чем больше смотришь, тем красивее они кажутся, — говорит он, когда я спрашиваю его, общается ли он с кем-нибудь из родителей.

Я откладываю диктофон.

— Спасибо, — отвечаю я, умоляя свое самолюбие заглушить, и продолжаю наступление. — Но мне просто интересно... когда ты разговаривал с ними в последний раз?

Кейн улыбается мечтательной улыбкой и подвигается так близко, что его лицо оказывается совсем рядом с моим.

— Я серьезно, солнышко. Некоторые девушки поначалу кажутся просто сказочными, но со второго взгляда их черты уже теряют свою привлекательность. Ты же совсем другая. Ты с каждой секундой становишься все более притягательной.

Я опускаю взгляд, окончательно позабыв про работу, и следующее, что я чувствую — это крупные влажные губы Кейна на своих губах. Я потрясенно поднимаю взгляд, хотя нельзя сказать, что не была готова к подобному повороту событий.

— Кейн! — говорю я, отстраняясь. Это единственное слово, которое приходит мне сейчас на ум.

Он начинает гладить меня по плечу.

— Прости, дорогая. Ужасная грубость с моей стороны, я ведь даже разрешения не спросил. Просто не смог удержаться.

— Послушай, — говорю я, неловко заерзав и отхлебнув холодного чаю — плацебо для придания мужества. — Ты мне нравишься, но мне нужно написать статью, и мне необходимо покончить с первой частью, прежде чем я смогу приступить ко второй. — Мне понравилось, как я это сказала: по-деловому и в то же время эротично.

Может, в другое время и с другим парнем я бы попросту швырнула диктофон на пол, наплевав на то, что он может разбиться, и позволила бы ему овладеть мной на этой самой кушетке, но мое желание сделать карьеру прочно застряло у меня в мозгу, и я понимаю, что не могу просто взять и запросто его похерить.

Я долго пыталась понять, нравится ли мне Кейн. Он очень яркий и интересный, как все знаменитости, а я в их присутствии не могу оставаться самой собой до

конца. Я чувствую себя сейчас так же, как в тот раз, когда встретила с Оливером Андерсоном на какой-то вечеринке, а потом поехала вместе с ним на другую, и на каждом светофоре мы обменивались репликами. Сидя в его «порше» я как будто слышала саму себя со стороны, как будто я была невидимым свидетелем того, как Амелии Стоун удалось завоевать внимание такой известной личности, и в то же время внутренне содрогалась при мысли, что в следующей момент она ляпнет что-нибудь такое, после чего он сразу поймет, какую глупость совершил, пригласив ее к себе в свою царственную обитель.

Кейн, судя по всему, довольный услышанным, целомудренно и чуть ли не снисходительно хлопает меня по руке. Но не перестает улыбаться. Потом бросает взгляд на часы и замечает, что уже поздно.

— Тогда я, наверное, пойду, — говорю я.

Кейн кивает, поднимается, выводит меня из дома на крыльцо, проводит мимо Грега, который по-прежнему бренчит на гитаре и даже не удосуживается сказать мне «до свидания», и подводит к моей машине, припаркованной у обочины рядом с парадным входом. И с улыбкой целует меня в обе щеки.

— Спокойной ночи, дорогая, — произносит он. — Будь осторожна.

В ответ я тоже улыбаюсь.

— Так я позвоню завтра по поводу телефонов? — спрашиваю я, и это звучит скорее как просьба, а не как утверждение.

Он отступает на шаг назад. На улице так темно, что я почти его не вижу.

— Да, дорогая, — отвечает он. — А пока спокойной ночи.

* * *

На следующее утро мне звонит на сотовый агент Линды Льюис и спрашивает, не смогу ли я провести интервью

в полдень. Живет она недалеко от меня, а наш офис находится на другом конце города, поэтому я звоню Брайану, чтобы сказать, что мне нужно подготовиться к интервью дома, поэтому на работу я приду позже.

— Отлично, — отвечает он каким-то рассеянным голосом.

— Я закончила интервью с Кейном, — говорю я, удивляясь, с чего это я сообщаю ему то, что и не собиралась обсуждать.

— Хорошо-хорошо, — говорит он, и я понимаю, что у него в кабинете сейчас находится человек, который представляет для него гораздо больший интерес, чем болтовня со мной.

Но я не собираюсь отпускать его, не удостоверившись, что он по-прежнему на моей стороне.

— Кстати, я вчера случайно встретила Тима Бромли, — продолжаю я.

Это, видимо, на секунду отвлекло Брайана.

— В самом деле? Передавай ему привет, — отвечает он. Ублюдок! Он даже не слушает меня.

Я решаю проверить, есть ли ему до меня хоть малейшее дело.

— Так до завтра, — говорю я, хотя только что сказала, что приду днем.

— До завтра, — отвечает он и кладет трубку.

Уставившись на телефон, я думаю о том, как же мне хочется позвонить сейчас Стефани и рассказать ей про Кейна, про Линду Льюис и про случайно отхваченный выходной, и тут мне становится грустно.

Я ставлю диск Линды Льюис и на полную громкость врубаю «Грешницу». А вдруг Линда Льюис станет моей новой лучшей подругой?

— Это была настоящая трагедия, — говорит Линда, ее лицо мрачнеет, на глазах появляются слезинки и капают ей на колени. — Я была уничтожена.

Ну вот. На первом же интервью моя собеседница разрыдалась в моем присутствии. А я всего лишь задала невинный вопрос, о какой кошке идет речь в четвертой песне на диске; оказалось, что Маргаритку (так звали кошку) сбило машиной, ну а больше она ничего не смогла сказать и расплакалась. Не то что бы мне хотелось стать еще одной Барбарой Уолтерс или одна из моих целей заключалась в том, чтобы доводить людей до слез, но, согласитесь, если вы задали простой вопрос и человек разрыдался, значит, что-то пошло не так. У меня появляется порыв обнять ее, но после вчерашнего поцелуя с Кейном я стараюсь не забывать, что не следует переходить грань, существующую между репортером и собеседником.

Я осторожно пытаюсь вывести Линду на более приятные темы для обсуждения, к примеру, тот момент, когда ей предложили сделать студийную запись, когда она впервые услышала «Грешницу» по радио, и каково это — купаться в лучах славы, которую она вполне заслужила. Линда оживает и начинает засыпать меня анекдотами и делиться со мной мыслями, которые я с ней полностью разделяю: об ее отношении к боссам (у нее, в отличие от других людей, нет врожденного уважения к вышестоящим, из-за чего она постоянно попадает в неприятности), к собственной сексуальности (если она просто обняла кого-то, это вовсе не означает, что она не феминистка). И почти во всем, что она говорит, я угадываю собственный ход мыслей. «Господи, да я запала на эту женщину, в платоническом смысле этого слова», — думаю я, слушая о том, что ей нравится вкус соленого и сладкого одновременно, и, когда ей хочется побаловать себя чем-то особенным, она, сидя в кино, добавляет в свой поп-корн масло «Милк дадс», а ведь я делаю то же самое лет с десяти!

— Я тоже! — взвизгиваю я уже в тридцать третий раз за время интервью.

— Поразительно, — с улыбкой говорит Линда. — У нас очень много общего.

«Ей правда интересно со мной, — отмечаю я, — в отличие от всех остальных, у которых я брала интервью: они только притворялись, что заинтересованы, а на самом деле только и думали о том, как бы сунуть свой язык мне в рот».

Я настолько очарована тем, о чем она мне рассказывает, что даже не обращаю внимания на некоторые детали: например, что она позакрывала почти все комнаты в доме и не желает говорить, замужем она или нет. Я прихожу к выводу, что те поразительные ответы, которые она дает на любые вопросы, вполне компенсируют все недостатки будущей статьи.

Вопрос о возрасте я приберегаю на самый конец: я всегда так делаю, когда подозреваю, что это больное место.

— Дело в том, что в «Эбсолютли фэбьюлос» крайне озабочены тем, чтобы размещать в каждой статье возраст человека, — говорю я.

Глаза Линды широко распахиваются, и она смотрит на меня совершенно безумным взглядом.

— Я никогда не раскрываю, сколько мне лет, — отвечает она.

— Значит, Тина вам ничего не сказала об этом? — спрашиваю я, хотя и без того уже прекрасно знаю ответ. Чертовы агенты. Линда качает головой.

— А я сказала ей по телефону, что это очень важно.

И от Линды вдруг начинает веять холодом, это уже не то добродушное создание, которым она была несколько секунд назад.

— Я никогда не говорю, сколько мне лет, — снова отвечает она. — Так и передайте своему редактору.

Я делаю глубокий вдох.

— Но дело в том, что в «Эбсолютли фэбьюлос», — осторожно начинаю я, — не принимают подобных ответов. Мы обязаны получить от людей эти сведения.

— Это просто смешно! — отрезает она и, тут же догадавшись, как грубо это прозвучало, улыбается. — Отлично. Тогда просто скажите, что мне около тридцати.

— Если я не узнаю точный возраст, они просто посмотрят его в данных отдела статистики. — Я произношу эту фразу очень тихим голосом, чуть ли не шепотом. Но у этой женщины слух дрессированной собаки.

— По данным отдела статистики?! — взвизгивает она. — Разве это законно?

И, улыбаясь ей, я отчаянно надеюсь, что эта нелепая загвоздка из-за возраста не нанесет необратимый урон тому, что мне представлялось дружбой до гроба.

— Послушайте, лично я на вашей стороне, — говорю я. — Я тоже думаю, что это смешно. Просто у «Эбсолютли фэбьюлос» свои правила, и людям приходится им подчиняться. — Я снова улыбаюсь. — Вы выглядите просто потрясающе, — продолжаю я, но так, чтобы она не решила, будто я на нее давлю. — И потом, возраст — это всего лишь цифры.

И, метнув взгляд в пол, я думаю о том, как мне сейчас необходимо закурить. Когда же я снова поднимаю взгляд, то опять вижу на глазах у Линды слезы. Только на этот раз я встревожена гораздо меньше.

— Вы не можете от меня этого требовать, Амелия, — говорит она, вдруг потянувшись и схватив меня за руку. — Я не могу допустить, чтобы кто-то узнал, сколько мне лет. Пусть лучше статьи не будет, чем в ней будет указан мой возраст.

* * *

Пока я брала у Линды интервью, Брайан прислал мне сообщение, что моя статья с Кейном вошла в тиражный план и что мне нужно подготовить ее в течение двадцати четырех часов. Голос Брайана звучит отчужденно, и ему все равно, что мне придется не спать теперь всю ночь для того, чтобы вышла статья.

По счастью, Алекс, как обычно, доступен и всегда готов. И так же, как всегда, строго придерживается своей «двухграммовой» политики. В одиночестве я обычно употребляю только один грамм, но если у меня их два, то могу

и два. Разумеется, Алекс давно все это вычислил. Но все же для наркоторговца он весьма и весьма надежен, поэтому я всегда покупаю у него две дозы, вторую из которых прячу с глаз своих долой, чтоб не забабахать за ночь сразу все. Но мне никак не удается придумать такое место, где я могла бы спрятать «алекса» и сразу же про него забыть. Видимо, потому, что моя квартира размером со спичечный коробок.

Алекс доставляет товар, я вручаю ему хрустящие банкноты, еще «тепленькие» (только что из банкомата), незаметно кладу в карман два свернутых лотерейных билета, поднимаюсь наверх и вытряхиваю коку на диск с «Джей Зед». У меня не сжимается сердце от радостного предвкушения, потому что эта ночь не таит в себе никаких интриг и обещаний. Это всего лишь (так я определяю для себя) необходимый стимулятор для работы. Конечно, можно было бы просто выпить кофе, но он, к сожалению, не внушает мне интереса к работе. Подозреваю, что на переписывании второго часа интервью с Кейном мне станет слишком скучно, чтобы продолжать. А вот кока внушает мне бесконечный и неоправданный интерес ко всему, чем бы я ни занималась. «Я делаю это для того, чтобы спасти свою карьеру», — говорю я себе, сворачивая банкноту, — все соломинки я выбросила в момент ужасного раскаяния, поддавшись приступу депрессии после вечеринки у Стива Розенберга, — и делаю первые несколько дорожек.

Я уже так долго печатаю, что от сидения за компьютером начинает ныть шея, я понимаю, что мне нужно немного отдохнуть и чуть-чуть размяться, но я не позволяю себе выйти из этого ритма — прослушивание кассеты, стук по клавишам — и делаю перерывы только, чтобы вдохнуть еще несколько дорожек и покурить сигарету. Но, дойдя почти до конца второй стороны пленки, я понимаю, что все-таки несколько переработала. Сердце скачет так, будто я только что сделала забег на целую милю, а мысли расшались и никак не хотят уgomониться.

Понимая, что кока может надолго удержать меня в подобном состоянии, как тогда, когда мне нужно было смыться с вечеринки, устроенной NBC, до начала ужина, я перевожу дыхание. Я не собираюсь поддаваться этому жуткому и неприятному страху под названием «Не хватит ли меня инфаркт?», а заглушить этот прогрессирующий процесс можно только горстью эмбиена и водкой, а потом лечь спать. «Я не могу этого допустить, — повторяю я самой себе. — Мне нужно написать статью, а это должна быть, черт возьми, лучшая статья, которую когда-либо печатал “Эбсолютли фэбьюлос”».

Я встаю с целью заглотнуть эмбиен, и в последнюю минуту решаю запить его диетической кока-колой. Снотворное пошло хорошо, если не считать, что под конец у меня екнуло в желудке, и я громко рыгнула. После чего мне стало комфортнее, ну как будто я только что чихнула или кончила.

И тут же вспоминаю, что самый лучший способ успокоить нервы — это заняться мастурбацией. Я не буду пускаться в подробности, чтобы никого не ставить в неловкое положение. Но уверена, если бы у вас так колотилось сердце, и вам казалось бы, что вы балансируете на краю пропасти и вот-вот можете сорваться, вам бы наверняка тоже пришла бы в голову мысль помастурбировать.

Я возвращаюсь в спальню и включаю свою «Волшебную палочку». Эта громадная штуковина проникает в мою плоть, но от коки болезненные ощущения притупляются, поэтому уже через минуту я кончаю. Водка с фаллоимитатором сработала великолепно, я тут же чувствую себя гораздо лучше и решительно направляюсь в гостиную, оставив на постели включенный фаллоимитатор, потому что знаю: позже он мне снова пригодится.

* * *

Птицы уже давно затеяли свое ежедневное нудное щебетание, соседка слева давно ушла на работу, когда я толь-

ко делаю последние штрихи к статье о Кейне. В ней имеются некоторые пробелы, которые я заполню позже, — например, комментарии его друзей — но на данный момент я сделала все возможное. И какая-то крошечная часть моего сознания бьется в истерику по поводу того, что нужно звонить Кейну и вести себя как профессиональная журналистка, а не женщина, с которой он прошлой ночью целовался, но я настолько утомлена, что волнение по этому поводу ушло куда-то на периферию моих мыслей.

Дело в том, что если всю ночь нюхать коку, то отчасти все равно будешь чувствовать себя классно, как будто выиграл чемпионат мира. В то же время прекрасно осознаешь, что в делах черт знает что творится и что лучше с этим смириться и лечь спать. Однако после звонков с работы я делаю над собой усилие и заставляю себя позабыть про это второе ощущение.

Мне удастся выдержать поездку за рулем благодаря двум дорожкам, и сразу же по прибытии на работу я понимаю, что мне нужно позвонить Кейну, и чем раньше, тем лучше. А чтобы набраться мужества, мне нужен порошок. Удостоверившись, что никто не собирается зайти или выйти из туалета, я влетаю внутрь, захожу в кабинку, сажусь на унитаз и запираю дверь. Не зная, чего мне больше хочется — подрочить или сделать дорожку — я сижу так с полсекунды, потом начинаю паниковать и решаю, что гораздо менее рискованно сделать несколько дорожек, потому что в этом случае мне не придется подозрительно часто мотаться в сортир. Я вытряхиваю из своего пузырька немного коки на левую ладонь, достаю уже скрученную банкноту и вдыхаю наркотик. Пошло хорошо. Я делаю еще одну дорожку.

Выйдя из туалета, я направляюсь к своему кабинету и вижу, как ко мне идет Брайан. И хотя я знаю, что под носом не могло остаться белого порошка, меня невольно охватывает паника, и мне кажется, что он каким-то чудом образовался там за те секунды, что я шла из туалета.

— Амелия, у нас проблемы, — говорит он. «Я разбита, черт возьми», — думаю я про себя. — Кейн сказал тебе, что у него никого нет, так?

Я киваю. Этот факт он подтвердил ровно семнадцать раз.

Брайан кидает мне на стол фотографию, на которой Кейн целуется с костлявой блондинкой.

— Это было снято на прошлой неделе на церемонии вручения музыкальных наград в Америке, — говорит он. И спрашивает, показывая на блондинку: — Кто она?

— Я не знаю, Брайан. Он сказал, что ни с кем не встречается. И потом, если они целуются, это вовсе не значит, что они встречаются. — Внутри появился до боли знакомый стыд. Кейн — откровенный бабник. Как могла я хотя бы на секунду допустить мысль, что я для него — гораздо больше, чем очередной сексуальный объект?

— Слушай, если она попала в камеру, мы не можем это проигнорировать, — продолжает он. — Ты же говорила, что вы с ним здорово ладили. Позвони и спроси, хорошо?

Я киваю.

— Разумеется. Не вопрос, — отвечаю я вслед Брайану. И набираю номер сотового Кейна, пока не утратила свое мужество. Я испытываю громадное облегчение, вспомнив, что у меня есть его голосовая почта, и стараюсь изо всех сил, чтобы мой голос звучал непринужденно и мелодично: «Привет, Кейн. Это Амелия из “Эбсолютли фэбьюлос”. Я хотела поблагодарить вас за вечер. Да, кстати, у меня к вам несколько дополнительных вопросов. Была бы весьма благодарна, если бы вы оставили мне телефоны тех людей, которых я могла бы расспросить о вас». — Я кладу трубку, ненавидя себя за то, что вся покрылась холодным липким потом. Но оставленное сообщение безупречно, решаю я. И если его услышит блондинка с фотографии, она ни за что не заподозрит, что губы Кейна касались моих.

«Разумеется, он перезвонит, — уверяю себя я. — А как же иначе?»

День выдался какой-то гадкий. Еще несколько походов в туалет взвинтили меня настолько, что от каждого телефонного звонка я буквально подпрыгивала на пять футов от земли и отвечала, стараясь держаться как можно спокойнее и собраннее. Сегодня были сплошные звонки от второсортных и третьесортных публицистов, которые источают доброжелательность и лесть, предлагая мне написать про какой-то непонятный товар и непримечательных людей, на которых любому уважающему себя журналу вообще наплевать.

Где-то после ланча я уже смиряюсь с мыслью о том, что Кейн не перезвонит, и набираю номер его менеджера. К моему удивлению, Джанет отвечает мне довольно любезно. Когда я объясняю ей, что мне нужно задать дополнительные вопросы и побеседовать с кем-нибудь из друзей Кейна, она говорит, что скоро мне перезвонит. Я мучаюсь вопросом, не побежать ли в туалет, чтобы быстренько подрочить, но решаю этого не делать. Менее чем через минуту она перезванивает. Но разговаривает со мной уже далеко не столь дружелюбно.

— Слушайте, я только что говорила с Кейном по телефону, и он просил передать вам, что ответил на все ваши вопросы, — говорит она.

— Прошу прощения? — спрашиваю я, и, хотя понимаю, что сказала это для того, чтобы изобразить удивление, на самом деле это было не так.

— Он утверждает, что вы приходили к нему домой? — Это уже скорее не вопрос, а обвинение, и мне очень хочется пробраться к этой стерве через трубку и надавать ей пощечин. Она сказала это таким тоном, будто я забралась к нему в дом как какая-нибудь маньячка.

— Да, была, — подтверждаю я. — Но...

— Пожалуйста, больше не приходите к нему домой и не звоните, — говорит она. — Мы не желаем, чтобы вы беседовали с кем-либо о нем. Что же до женщины на фотографии, это просто его подруга.

Джанет кладет трубку прежде, чем я успеваю что-либо ответить. С минуту я сижу ошарашенная и в то же время решительно настроенная не позволить этому придурковатому английскому певцу довести себя до слез.

Спустя час, за который я совершила еще несколько походов в туалет, я понимаю, что не смогу выдержать диалог с Брайаном один на один, и отправляю ему сообщение по почте, в котором объясняю, что Кейн отказывается отвечать на вопросы и я не могу получить комментарии третьих лиц. Ни извинений, ни объяснений. Просто сижу и жду. Несмотря на всеобщее утверждение, что кока заряжает вас чертовским зарядом энергии, иногда это не срабатывает.

«Значит, статью мы зарежем», — присылает он мне в ответ. Даже не сказал: «Я знаю, как ты устала» или «Как ты могла это допустить?» Брайан, видимо, попросту на меня забил, но все равно я испытываю огромное облегчение, как будто только что уговорила не вручать мне вполне заслуженный талон за превышение скорости, поэтому решительно настроена снова завоевать благосклонность, попытавшись спасти статью про Линду Льюис. Мне даже пока не указали сроков сдачи, но если я закончу ее как можно скорее и пораньше подам, то, возможно, это произведет на него впечатление.

Для начала, разумеется, нужно решить этот нелепый вопрос, касающийся возраста. Пробежав взглядом листок с назначением на интервью, я вижу, что курировать эту статью должен старший редактор из Нью-Йорка, Брюс Янг, поэтому сразу же набираю его номер. Брайан с Робертом постоянно напоминают нам о том, чтобы мы не беспокоили нью-йоркских коллег глупыми вопросами, но за те полтора года, что я здесь проработала, я еще ни разу никого из них не побеспокоила. И общалась только тогда, когда они звонили сами, чтобы пройтись по моим статьям. Поэтому я убеждаю себя, что все нормально, и набираю номер Брюса.

— Брюс Янг, — доносится измученный голос из трубки.
— Привет, Брюс. Это Амелия Стоун из Лос-Анджелеса.
— Кто? — в голосе проскальзывают бешенство и раздражение.

— Из лос-анджелесского офиса. Штатный корреспондент.

— А. Ну? — Господи. Ведь знаю, что редакторы славятся своей манерой общения, но неужели нельзя хотя бы попытаться быть чуточку более вежливым?

— Послушайте, я составляю отчет о статье про Линду Льюис и...

— А мы что, пишем про нее статью? — перебивает он меня.

— Да, она есть в плане, — говорю я, поражаясь его некомпетентности. — И вы значитесь редактором.

— А, ну ладно. Ну и что там про нее?

Что-то подсказывает мне, что лучше все бросить и ничего не говорить, но я уже просто не могу остановиться, и это приводит меня в крайнее отчаяние.

— Послушайте, тут одна загвоздка. Линда не хочет говорить, сколько ей лет...

— Она должна сказать, сколько ей лет. Таковы правила компании. — У парня явно нет никаких сомнений по поводу того, что меня можно спокойно перебивать.

— Я знаю, но есть еще кое-что. Интервью получилось просто потрясающим. Она плакала. И говорила со мной о таких вещах, о которых, по ее словам, не рассказала бы никому и никогда. Я просто уверена, что статья получится выдающейся. — Обычно я не употребляю слово «выдающаяся», но Брюс, судя по всему, из тех парней, которые на это падки.

— Тогда узнайте, сколько ей лет. Позвоните в отдел статистики.

— Она сказала, что пусть лучше статью не напечатают вообще, чем в ней будет говориться о ее возрасте, поэтому я просто...

— Так нарежьте статью. Или, если вы уже ее сфотографировали, тогда узнайте ее возраст и напечатайте. Можете вставить, чего она там хочет. Хотя я лично считаю, что это полный отстой. Эта ведь та самая «Грешница»? Вы не разыгрываете меня?

И хотя Брюс фактически оскорбил Линду, ощущение было такое, будто он влепил мне пощечину. На долю секунду я возмущаюсь этому нелепому отсутствию симпатии к человечеству, хотя, по правде, мое возмущение, как и почти все остальное, было направлено на саму себя.

— Это нелепое правило, — резко отвечаю я, смахнув набежавшую-таки слезинку.

— Прошу прощения? — Впервые за все время нашей беседы я, судя по всему, вдохновила его на нечто большее, чем просто заученные фразы. И я уже было собиралась ответить ему меткой фразой, почему именно я считаю такое правило дурацким, как вдруг перед моим кабинетом возник Брайан.

— Пошли к Роберту в кабинет, — говорит он. У него такое выражение лица, какого я никогда прежде не видела: нечто среднее между испугом и яростью.

Я киваю, давая понять, что освобожусь через секунду, надеясь, что он уйдет и тогда я смогу закончить наш разговор с Брюсом.

— Сейчас же! — кричит Брайан, да так громко, что я подпрыгиваю на месте чуть ли не на три фута над полом.

— Я должна идти, — говорю я Брюсу и вешаю трубку, даже не дожидаясь, когда он скажет «до свидания». И вдруг я понимаю, что сейчас произойдет, и начинаю страстно желать, чтобы в этот момент случилось самое мощное землетрясение, которое бы стерло с лица земли всю Калифорнию.

— Пожалуйста, Амелия, иди за мной, — говорит Брайан. Слово «пожалуйста» он произносит официально и с какой-то неловкостью.

И пока я следую за Брайаном по коридору, из дверей кабинетов высовываются головы и тут же ныряют обратно.

Козлы любопытные. Брайан проходит мимо своего кабинета, следуя на шаг впереди меня, и напрямик направляется в кабинет к Роберту. Я всего один раз была в его кабинете и забыла, какая здесь суровая и неуютная атмосфера. Я присаживаюсь на уголок коричневой кушетки, Брайан располагается напротив. Роберт сидит, откинувшись на спинку своего стула «Херман Миллер». Все молчат, и в какой-то момент я начинаю думать, что мне самой придется начать разговор.

— Мы знаем, чем вы сегодня занимались, — наконец произносит Роберт, уставившись в пол.

— В туалете, — поддакивает Брайан, порозовевший от гнева.

— Вы ведь были не слишком-то осторожны, — говорит Роберт, по-прежнему не отрывая взгляда от пятнышка на ковре. Я собираюсь защищаться, сказать ему, что то, чем я сегодня занималась, в Голливуде делают все, но я, видимо, попросту лишилась дара речи.

— И потом, знаешь ли ты, сколько неприятностей ты доставила нам в последнее время, Амелия? — продолжает Брайан, и вид у него такой, будто он сейчас расплачется. — А этот случай с Амандой Бейкер. Что такое ужасное ты ей сказала?

«Я должна была знать, что эта анорексичная бездушная девка позвонит кому-нибудь и нажалуется», — думаю я. Я снова собираюсь защищаться и объяснить, что это она ложно обвинила меня в том, что я искажаю слова людей, но я явно утратила способность складывать буквы в слова и не могу сконцентрироваться. Я пытаюсь сосредоточиться на том, что происходит сейчас в этой комнате, но мой мозг не подает мне абсолютно никаких сигналов.

— А этот смехотворный спектакль с Кейном? Сказать мне, что ты встречаешься с ним днем, чтобы продолжить интервью, когда на самом деле приходила к нему домой, да еще ночью!

«Ну и шалава эта Джанет, настучала все-таки», — думаю я и молчу.

— О чем ты только думала? — спрашивает Брайан, но это вопрос риторический по определению, потому что итак понятно, что он уже давно все решил, и, что бы я сейчас ни сказала, его мнение от этого ни на йоту не изменится. От замешательства у меня кружится голова. «Меня хотят уволить?» — думаю я и тут же говорю себе: «Меня не могут уволить, потому что эта работа — единственное, что у меня есть. У меня нет друзей. Нет парня. И у меня нет здесь семьи. У меня никого нет. А в этом городе быстро забывают о людях, у которых никого ничего нет».

«Это только предупреждение, — упорно подсказывает мне мозг. — Если бы меня собирались уволить, то говорили бы любезным и извиняющимся тоном и сказали бы, что им очень жаль, что так вышло. Ведь всегда неприятно, когда приходится кого-то увольнять».

Я заставляю себя вслушаться в слова Брайана.

— ... ладно, если бы дело было только в наркотиках...

«В наркотиках»? Господи. Раз в жизни мне потребовалось взбодриться, и у меня уже «проблемы с наркотиками»?

— ...но мы, честно сказать, давали тебе больше шансов, чем ты того заслуживаешь...

«Больше шансов, чем я заслуживаю?» — думаю я. Да откуда им знать, черт побери, чего я заслуживаю?

— ...проблема в общении с людьми...

А вот это мне твердили все время, сколько я себя помню. В детстве, когда я расстраивалась и плакала, папа всегда только смеялся и называл меня маленькой актрисой или капризной принцессой, а мама, приходившая в восторг оттого, что ее вечно депрессивный муж улыбался, тоже смеялась. Потом, подводя итоги, папа говорил, что со мной это происходит оттого, что у меня проблемы с общением.

«Сосредоточься на словах Брайана, — твержу я себе, — пока еще не слишком поздно».

Я поднимаю взгляд и изо всех сил пытаюсь не заплакать. Брайан, судя по всему, закончил. Я замечаю, что Роберт шевелит губами, но мой мозг просто не в состоянии уяснить себе тот факт, что он что-то говорит мне из-за того, что усердно разглядывает ворс на ковре. Когда же я полностью включаюсь, то отчетливо слышу слова:

— У вас один час на то, чтобы собрать вещи и покинуть это место.

Я киваю и каким-то чудом выхожу из кабинета, не проронив ни слезинки.

Следующее, что я помню: как я стою у своего стола и укладываю документы в коробку, которую кто-то поставил рядом со стулом. Господи, неужели весь офис проинформировали о том, что меня решили уволить, а я об этом ни сном, ни духом?

И пока я укладываю документы, удаляю все с жесткого диска, снимаю со стен своего кабинета картинки и записки, я изумленно размышляю над тем, что никто из этих бесхребетных мудаков даже не подошел ко мне и не выразил сочувствие, как этому занудному парню, Раулю, которого уволили несколько месяцев назад. Да, я ни с кем из них не подружилась — Брайан, по сути, был единственным человеком, с которым я здесь общалась — но неужели ни йоты человеческого сострадания не проникло в эти холодные сердца? «Они что, решили, будто увольнение — это заразно?» — думаю я, зашвыривая в коробку неиспользованные блокноты, кипы канцелярских листочков и упаковки ручек «Юниболл», и, поднимая коробку, посылаю «Эбсолютли фэбьюлос» ко всем чертям. Кока, которую мой организм перерабатывал последние двадцать четыре часа, явно из него полностью вышла, оставив меня изнеможенной и обезвоженной, но мое стремление поскорее убраться отсюда пересиливает унижение. Я направляюсь к лифту, молясь про себя, чтобы не натолкнуться там на Стефани, потом в конце

концов добираюсь до своей машины, где и разражаюсь истерическими рыданиями.

Потом вспоминаю, что в гараж может спуститься Брайан, Роберт или еще кто-нибудь из «Эбсолютли фэбьюлос», поэтому усилием воли вывожу машину из гаража. Потом каким-то образом добираюсь до дома, захожу в квартиру и сразу же ложусь спать.

— Э то ужасно нечестно, — говорю я маме. — И вообще, я могу подать на них в суд за беспричинное увольнение.

— Ох, детка. — «Ох, детка» — это все, что я слышу за время нашего неприятнейшего разговора. В последнее время мне казалось, что я перестала разочаровывать свою мать, и она смирилась с тем фактом, будто я вечно делюсь с ней новостями, которые не вызывают у нее ничего, кроме разочарования, поэтому в ее голосе слышится лишь грусть, и меня это возмущает.

— Мама, все будет хорошо, — успокаиваю я. — Даже лучше, чем хорошо. — Этот разговор происходит после практически бессонной ночи, потому что после того, как я вчера вернулась с работы, я ненадолго вырубилась, а потом, проснувшись, сразу позвонила Алексу и всю ночь нюхала свой грамм, бесконечно прокручивая «Black Eyed Peas»*. Прослушивание до одурения этой песни дало волю пространному рассуждению, и я поняла, что издательский мир попросту не оценил моих дарований и что пора найти другое место, где мне воздадут по заслугам. — Я подумываю заняться чем-нибудь другим, — говорю я ей. — Может, попытаю счастья в кино. Я ведь в Голливуде живу.

---

* Американская хип-хоп команда из Лос-Анджелеса.

Мама еще пару раз потчует меня своим «Ох, детка» и не говорит ни слова в утешение, что, по моим понятиям, должна делать каждая любящая мать. Никаких заверений в том, что я, конечно же, права, и заявлений, что никто не смеет недооценивать ее девочку, она ведь совершенно особенная.

— Позвони лучше отцу и поговори с ним насчет денег, — говорит она наконец, прежде чем положить трубку. — И держи меня в курсе.

Дело в том, что мои финансы вверены попечителю. Когда мне исполнилось восемнадцать и я должна была получить деньги, папа убедил меня переписать их на них с мамой. Так что у мамы с папой одинаковая ответственность, но все полномочия по принятию решений мама переложила на папу, и он решает, увижу ли я когда-нибудь эту наличность. Тот факт, что теоретически деньги принадлежат мне, но я не увижу их, пока мне не исполнится сорок пять или сколько-то там, обычно вызывает споры. Но убеждать отца в том, что мне нужны наличные и что я их заслуживаю, по-моему, сложнее и связано с большими угрызениями совести, чем работать за гроши.

Однако сейчас, естественно, у меня нет возможности эти самые гроши заработать. «Я хочу работать, — думаю я, набирая номер отца. — Но мне не дают». И, рассказывая папе о случившемся — ему преподносится версия, будто меня уволили, несмотря на то, что я очень добросовестно выполняла свою работу, а оба босса конченные засранцы — я даю себе обещание, что выдержу этот разговор и не заплачу.

— Значит, шансов нет, что они передумают и возьмут тебя назад? — спрашивает он.

— Папа, ты что, не слышал меня? — хнычу я, невероятно раздосадованная его невнимательностью. — Я сама не хочу возвращаться. И вообще, я уйду из издательского дела и собираюсь попробовать себя в кино.

Он вздыхает.

— Сколько тебе нужно на жизнь? — спрашивает отец, целиком проигнорировав мои планы на будущее. — Каков твой бюджет?

Папа вечно мучает меня дурацкими «бюджетными» вопросами: сколько я трачу на химчистку, на прокат видеокассет и прочую ерунду. Это действует на меня чертовски угнетающе. Какое-то преступление против жизни — то заnudство, с которым он подсчитывает каждый цент, несмотря на то, что их довольно много.

— Вышли мне пару штук, и я сегодня же займусь поисками новой работы, — говорю я, и почему-то мне сразу же хочется разреветься. «Ну и дерьмо же я. Ни на что не годная испорченная соплячка, которая не в состоянии сама себя содержать в том возрасте, когда почти все уже обзаводятся семьями и сами себя обеспечивают». Папа выдает мне лекцию о том, как важно уметь правильно тратить деньги, и обещает в ближайшие два дня выслать чек. Я умудряюсь закончить разговор до того, как уже буду не в состоянии сдерживать рыдания.

Я плачу, зарывшись под покрывало с упаковкой бумажных салфеток, и вижу, как мои подушки постепенно пропитываются соплями и слезами. Но тут я решаю, что мне не следует впадать в депрессию, потому что достаточно пару раз подрочить — и все будет в порядке.

«Совсем немножко, — думаю я, выбираясь из постели и направляясь к сумочке, — просто мне нужен дополнительный стимул». Я вынимаю громадный пластиковый пакет с кокой, снимаю со стенки фотографию Гретны Грин, высыпаю коку, разделяю ее дисконтной картой «Мейси» и вдыхаю. Мне сразу же становится лучше, и я решаю, что если бы меня не уволили и я бы по-прежнему работала в «Эбсолютли фэбьюлос», то не смогла бы с такой пользой использовать свое время.

Я пишу письмо одной знакомой девушке, ассистентке из Ассоциации паевых фондов, с просьбой выслать мне список вакансий. АПФ — одно из крупных городских

агентств, и у них имеется список открытых вакансий, которые не напечатали в объявлениях. А чтобы его просмотреть, нужно иметь знакомого, который бы у них работал, так что недоступность списка вакансий населению сама по себе является процессом отбора. «Их нет в объявлениях... я просто увидела список вакансий из АПФ», — не раз приходилось мне слышать. Значит, я должна была стать одной из них.

Я делаю дорожку, и через несколько минут девушка из АПФ присылает мне ответ. Я делаю распечатку списка вакансий и начинаю подчеркивать те должности, наименование которых наиболее всего ласкает слух, лишь однажды сделав перерыв, чтобы нюхнуть еще несколько дорожек. Мне уже приходилось выполнять обязанности ассистента, когда я влачила жалкое существование в качестве помощницы редактора главного журнала в Сан-Франциско, но я понимаю, что, если действительно хочу взять штурмом кинобизнес, мне, по всей вероятности, придется начинать с нуля. А список вакансий от АПФ как раз предоставляет для этого массу возможностей:

«Почтовый клерк в «Уияльм Моррис», — гласит одна позиция. «Второй помощник первоклассного продюсера, работа в «Сони», — гласит другая. И тут глаза натыкаются на позицию, которая, судя по всему, была напечатана специально для меня: «Личный помощник исполнительного директора “Имэджэн” Холли Мин на неполный рабочий день. Идеальный вариант для писателей и актеров, которым не хватает наличности». Кажется, я уже встречала где-то это имя. И, сосредоточившись на словах «идеальный вариант для писателей», я понимаю, что, по всей вероятности, мне вообще следует заняться написанием собственных сценариев.

Подумай об этом. Абсолютно каждый в этом городе, даже парень, который упаковывает продукты в супермаркете, считает себя «сценаристом». И они все тащатся со сво-

ими лаптопами* в «Старбакс», регистрируют свои творения в Гильдии писателей и рассуждают о «недочетах во втором действии», хотя никто из них, по сути, сочинять и не умеет. И большинство из них даже с этим соглашаются. «Ну, вы знаете, вообще-то, я не писатель, — слышала я от одного парня на премьере его фильма. — Мне просто пришла в голову классная идея».

А вот я — настоящий писатель. Я с двенадцати лет писала новеллы, специализировалась, черт побери, в искусстве творческого письма и набила руку на поприще профессиональной журналистики в двух различных журналах. «Я покажу всем этим псевдописателям, как это делается», — думаю я, представляя себя в качестве талантливого сценариста Холли Мин. Я буду составлять ее расписание — когда она, Рон Ховард** и Брайан Грейзер*** должны будут встретиться с Расселом Кроу, Томом Хэнксом или кем-нибудь еще. Буду прочитывать ей ее сценарии, и со временем она поймет, что те комментарии, которые я вставляю по поводу различных создаваемых ею творений, гораздо более блестящие, чем сами сценарии. «А девочка-то — находка, — скажет однажды Холли, схватит меня за руку и потащит на встречу с Роном Ховардом. — Вот какие мозги нам нужны». А Рон настолько ценит мнение Холли — ему достаточно одного ее слова! — что будет умолять меня написать ему что-нибудь такое, что бы его очень сильно зацепило. Я буду колебаться не более секунды и потом, вспыхнув, скажу, что вообще-то я все это время писала сценарий. Холли подмигнет мне из другого угла комнаты, потому что, разумеется, она его уже прочитала, сказала, что он блестящий, и спланировала это разоблачение. Я вытащу из своего шикарного портфеля «Коуч» (который Холли подарит

---

* Ноутбук.

** Один из ведущих голливудских продюсеров и режиссеров.

*** Американский продюсер.

мне уже через месяц, осознав, что еще никогда в жизни у нее не шло все так гладко) копию сценария и оставляю ему. Потом мы с Холли отправимся в «Старбакс», где будем курить и строить планы по поводу открытия собственной компании, исходя из ее продюсерской проницательности и моих писательских дарований, и, когда мы вернемся в офис, Рон уже прочтет сценарий, назовет его шедевром и предложит мне миллион долларов, ну в крайнем случае, семьсот пятьдесят тысяч уж точно.

Я набираю номер Холли и разговариваю с ее ассистенткой Кэрен.

— Вообще-то, вместо Холли собеседования провожу я, — говорит она, — потому что она слишком занята.

«Ясное дело», — думаю я, пытаюсь вычислить, сможем мы ли мы с Кэрен подружиться или же она будет яростно защищать очевидное превосходство Холли надо мной.

— Отлично, — говорю. — Я могу выслать вам по факсу свое резюме?

— О, в этом нет необходимости, — говорит она. — Я все равно сегодня встречаюсь с людьми. Вы не могли бы подойти часам к трем?

Назначив встречу, я открываю свой шкаф и пытаюсь определить, какой из моих нарядов произвел бы на Холли наилучшее впечатление. Стремительно переводя взгляд с маек на джинсы, я понимаю, что буквально выдохлась и что лучше бы мне освежиться кокой перед собеседованием. Вряд ли я смогу посетить личную ванную Холли — я почему-то уверена, что она у нее есть — чтобы подروчить, если во время собеседования у меня начнется отходняк. Я выбираю консервативное коричневое платье, но никак не могу оторваться от созерцания своего шкафа, когда замечаю, какого он ужасного цвета. Того же грязно-белого, что и комната, да и вся квартира вообще. Однако если перекрасить квартиру представляется недостижимым, то перекрасить шкаф в какой-нибудь темный цвет вполне возможно. «Если получу работу, — решаю я, — то отпраздную ее сегодня

покраской шкафа». И ощутив такой заряд бодрости, какой не посещал меня уже тысячу лет, я решаю отправиться перед интервью сначала в спортзал, чтоб как следует там потренироваться, а потом в сауну, чтобы вышибить из организма остатки наркотиков. «Меня следует почаше увольнять, — думаю я, выдвигая ящик со спортивной одеждой. — Во всяком случае, у меня появился стимул».

* * *

— Да вы что! Журнал «Эбсолютли фэбьюлос»! Вы серьезно? — восклицает Кэрен, широко раскрыв глаза. — Круто! Как же вы решились бросить такую работу?

Я сразу поняла, что Кэрен, полноватая представительница Долины, мне не пара. Не успела я вручить ей свое резюме и объяснить, как жажду устроиться на неполный рабочий день, чтобы посвятить все остальное время написанию сценариев, как она заявила, что я прекрасно подхожу на это место. Когда же я упомянула, что недавно бросила репортерскую деятельность в «Эбсолютли фэбьюлос», с ней буквально случилась истерика.

— Я хочу быть одной из тех, кто что-то делает, а не описывает, — отвечаю я. Когда же она сочувственно кивает, я мысленно отмечаю про себя, что надо запомнить эти слова для последующего нелегкого разговора с мамой и папой.

— Я целиком на вашей стороне, — говорит Кэрен. — Просто работать в «Эбсолютли фэбьюлос» — это так круто, о такой работе можно только мечтать. Поэтому то, что вы решились уйти оттуда, меня искренне восхищает.

Я улыбаюсь, чувствуя, что у меня вот-вот потечет из носа, и говорю, что это место как раз то, что нужно.

— Но прежде чем вы согласитесь, позвольте мне вам немного о нем рассказать, — продолжает она. — Вы должны будете помогать Холли еще и по хозяйству: делать покупки, забирать одежду из химчистки, выгуливать ее собаку. Главное, конечно — это выгуливать собаку. Ее бойфренд подарил ей добермана-пинчера, и она была в полнейшем

восторге, но Холли работает двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, и у нее совершенно нет на него времени! Я была вынуждена сказать ей: «Господи, Холли, тебе нужен еще один помощник».

Я киваю и улыбаюсь Кэрен, зная, что Холли больше не потребуются ее идиотские советы, потому что с этого дня она будет слушать мои. Жизнь Холли, судя по всему, настолько же увлекательна, насколько и сложна, а поскольку в мои планы входит стать частью ее жизни, я решаю про себя, что с удовольствием выслушаю все, что бы ни сказала Кэрен. Я все киваю, слушая, как Кэрен обещает платить мне 10 долларов в час, как я должна буду раз в месяц выписывать Холли счет и выгуливать собаку хотя бы раз в день, и все это время не перестая удивляться, почему Кэрен говорит так, будто я уже получила эту работу, когда я даже не знаю точно, началось ли собеседование. Я устала, поэтому на время теряю способность концентрироваться и перестая слышать трескотню Кэрен. Я, просто не отрываясь, смотрю на ее мясистые щеки, пока она объясняет, как Холли любит порядок. В определенный момент движение щек прекращается, и я не сразу снова прихожу в себя.

— Так что, — говорит Кэрен, как-то странно на меня глядя, — вы можете начать с сегодняшнего дня?

— С сегодняшнего дня? — спрашиваю я, уверенная, что пропустила что-то значительное. — Вы хотите сказать, что берете меня на работу?

— Конечно, беру! — восклицает она, поднимаясь и протягивая мне руку. — Поздравляю!

Нельзя сказать, что немедленно приступить к новой работе, за которую я даже не боролась, а также вручение ключей от дома Холли, списка продуктов на неделю и названия ее химчистки было именно то, чего я ожидала, если учесть, что саму Холли я даже в глаза не видела. Но меня охватывает такая эйфория и самолюбие настолько льстит, что я получила работу, которая значилась в списке АПФ,

на первом же собеседовании, что я решаю для себя не терзаться сомнениями.

Я выкуриваю одну сигарету за другой, пока еду к дому Холли в Картей-Сиркл, но, когда приезжаю по адресу, который записала на фирменном бланке «Имэджэн», у меня возникает ощущение, что я этим самым адресом ошиблась. Потому что вижу перед собой стандартный жилой дом тошнотворного цвета, то есть совершенно не такой, в каком, по моему мнению, должен был бы жить продюсер «Имэджэн». Когда же я зашла внутрь, где представшее моему взору ковровое покрытие и низкие потолки настолько напомнили мне о моем первом жилище, в котором я обитала, закончив колледж, у меня возникает мысль, что, в общем-то, я живу не так уж и плохо. «Но это, вероятно, ее собственный дом, она сделала хорошее вложение», — убеждаю я себя, стараясь войти в доверие к ее мерзкому рычащему псу.

Я выросла вместе с золотыми ретриверами и, вообще-то, собак люблю, но, выпуская Тигра из его клетки, я со страхом понимаю, что доберман-пинчеры — это довольно здоровые и грозные существа. Когда Кэрен поинтересовалась, умею ли я выгуливать собак и заботиться о них, я ответила энергичным кивком, потому что решила про себя, что только идиот может не знать, как обращаться с собаками. И потом, я же всю свою жизнь прожила рядом с этими животными. Но дело в том, что наши собаки спокойно носились по округе, где люди редко когда использовали такие понятия, как «поводок» и «совок для сбора собачьих экскрементов». Однако я слишком поздно поняла — только когда оказалась у нее дома — что эта цыпочка рассчитывает на то, что я еще, помимо прочего, и собачье дерьмо буду убирать. «Актеры не так придиричивы», — думаю я, надевая на Тигра поводок и выводя его на улицу. Вдруг я вспомнила, что, когда Брэд Питт только приехал в город, он переодевался в костюм цыпленка и раздавал на улицах флайеры.

Я сворачиваю с Тигром за угол, поражаясь тому факту, что, оказывается, выгуливать собак вовсе не так весело и забавно, как это кажется, когда смотришь на собачников в Раньон Каньон. Унылые и практически пустынные улочки Картей-Сиркл представляют собой пейзаж далеко не впечатляющий. А Тигр — совсем не пушистый мягкий симпатичный зверек. Это скорее похоже на выгул хмурого старого дедушки, а не собаки, и я абсолютно уверена, что у меня это плохо получается. Интересно, ему не будет больно, если натянуть поводок? И, подтягивая к себе Тигра, я воображаю, как нечаянно могу хлестнуть его по загривку и как мне потом придется объяснять заплаканной Холли, что я не знала, что с собаками так поступать не следует.

Когда я вновь запускаю Тигра в его клетку на кухне — разве это нормально, держать собак в клетках? и почему мы никогда не поступали так с нашими собаками? — я чувствую, как тот энтузиазм, с которым я приступила к своей новой должности, постепенно начинает улетучиваться. «Нужно немножко пожить запасами», — думаю я, вспомнив, что не забыла перед собеседованием положить в сумочку свой флакон, и бросая на нее взгляд.

Разумеется, я здесь совершенно одна, но тем не менее я проскальзываю в ванную комнату Холли, высыпаю на руку немного коки и вдыхаю. «Я понимаю, что так начинать свой первый рабочий день нельзя, — обращаюсь я про себя к Холли, вдыхая дозу. — Но заставлять меня убирать дерьмо за твоей собакой и сажать ее в клетку тоже нехорошо».

Заново ощутив прилив энергии, я решаю нюхнуть еще немного, потом прощаюсь с Тигром, запираю дверь на ключ и понимаю, что мне совершенно не хочется идти сейчас для Холли за покупками в магазин, равно как и забирать из химчистки ее одежду. Кэрен, вообще-то, сказала, что я просто могу заняться этим «попозже», но не уточнила, когда именно — сегодня или на неделе. Теперь, когда кока начал циркулировать по моим венам, я понимаю, что

мне нужно сделать и что-то для себя и что покраска шкафа — отличный способ отметить этот поворотный момент в моей жизни.

Я сажусь в машину и еду к магазину красок в Беверли. Вообще-то я никогда не считала, что умею красить. Но мне нужно доказать миру, что увольнение и работа в качестве личной ассистентки — это не так уж и плохо, и если покрашу этот шкаф, то буду гордиться тем, что могу гораздо больше. А завтра я начну работу над сценарием.

Припарковывая машину, я вдруг ощущаю крайнее утомление и нервозность. Но мысль о том, чтобы все бросить, вернуться домой, лечь в постель и уснуть к чертовой матери, просто не представляется реально возможной, поэтому я захожу в магазин и объясняю парню за прилавком, что мне нужна серая краска.

Он начинает выносить мне маленькие кусочки картона с образцами краски всевозможных оттенков, уточняя, хочу ли я серебристо-серый или зеленовато-серый? Мне хочется дать ему по шее. Он что, не понимает, что плевать я хотела на все эти цветовые нюансы и что люди препираются из-за всех этих розовато-лиловых, серо-коричневых и светло-голубых оттенков только потому, что им больше нечем заняться?

— Мне нужен просто серый цвет, — говорю я, закипая от ярости. Он нервно смотрит на меня, потом говорит, что сейчас пойдет и смешает для меня краску. Пока я его жду, у меня начинает течь из носа, и я лезу в сумочку за салфеткой «Клинекс», упаковку которых, слава богу, догадалась захватить с собой утром. Вот интересно, а этот парнишка догадался, что я под кайфом? Может, он там вовсе не «краску смешивает», потому что зачем ее смешивать, если я все равно выбрала обычный серый цвет? Может, он просто вышел позвонить? Я кусаю ногти, подравнивая их пилкой, которую ношу в сумочке, пока наконец он не возвращается — может, через двадцать минут, а может, и через пару часов — с банкой краски в руках.

— У вас есть кисти? — спрашивает он, и я уже не сомневаюсь, что он меня проверяет. Я качаю головой, он снимает с полки у себя за спиной кисть и кладет ее на прилавок рядом с банкой. Потом все пробивает, я расплачиваюсь с ним с самым деловым видом, какой только могу на себя напустить. «Я тебе дам, — думаю я, пока он отсчитывает сдачу, — ишь чего решил: будто я чокнутая, ненормальная или наркоманка какая-нибудь». Но он лишь улыбается и желает мне хорошего дня.

Покраску шкафа и написание сценария благополучно пришлось отложить до следующей недели, потому что приходится заниматься ежедневной рутинной. Я приезжаю к Холли, выгуливаю Тигра, убираю его дерьмо и притворяюсь, что все это происходит не со мной, потом приезжаю домой, слегка расслабляюсь с «алексом» и подвожу итоги дня. Я только и делаю, что повторяю себе, что как только дочитаю «Ас Уикли», то сразу же засяду за сценарий, но почему-то дочитать у меня никак не получается, или же если у меня это все-таки получается, то к тому моменту у меня уже наступает такой сильный приход, что мне нужно его как-то разбавить: принять ванну, выпить или побаловаться с моей Волшебной палочкой.

Наконец — кажется, в четверг, хотя, возможно, это была уже и пятница — я опротивела сама себе. Я бросаю взгляд на лаптоп, который покоится на книжной полке поверх груды моих голливудских биографий, подхожу к полке и снимаю его оттуда.

За свою жизнь я прочитала всего несколько сценариев и понятия не имею, как они создаются, но я просто сажусь и начинаю писать. Я уже установила на компьютер программу «Файнал драфт», так что создаваемый мною диалог настолько похож на настоящий сценарий, что я немедленно воодушевляюсь. Я придумываю героиню по имени Мелинда, которую никто не понимает и не ценит и которую увольняют из журнала. Я пишу, в перерывах

курю и нюхаю кокаин и понимаю, что если буду продолжать такими темпами и не посплю еще недельку, то под конец месяца допишу сценарий и брошу его на стол Холли. Я смутно понимаю, что, конечно, не мешало бы придумать и сюжет, но думаю, что пока пусть все идет так, как идет. Я уже представляю, как буду говорить об этом в «Вэрайети». «Я просто села за компьютер, и текст полился сам собой», — будет написано в статье обо мне, в которой будет подробно рассказано о битве за мой сценарий.

А текст и вправду выходит сам собой. Потому что, когда я слышу, как моя соседка за дверью уходит утром на работу, я уже нахожусь на пятнадцатой странице, когда же я совершаю полдневный перерыв, чтобы съездить к Холли, у меня готово уже почти тридцать страниц того, что мне лично представляется шедевром. «Ну почему, — думаю я, — голливудские сценаристы не прибегают к коке для стимуляции творческого процесса?» И, водружая на полку в шкафу испачканную кокаином фотографию в рамке — с той целью, чтобы ее в мое отсутствие не достали кошки — я понимаю, что, возможно, именно этим они все и занимаются.

Выгуляв Тигра и снова заперев его в клетке, я понимаю, что не только напишу сценарий за месяц, но и выкрашу этот треклятый шкаф. Вернувшись домой, я достаю краску и кисть и начинаю смелыми мазками преображать дверцы. Слишком поздно я понимаю, что, наверное, мне следовало перед этим делом снять одежду, и еще вспоминаю, что обычно шкафы оклеивают липкой лентой, чтобы получались ровные прямые мазки. Да и черт с ним. Сняв с себя практически всю одежду и побросав ее в кучу на пол, я понимаю, что покраска — довольно приятное занятие: это же здорово, обмакивать в эту жижу кисть и потом с ее помощью изменять внешний облик дверок шкафа. К тому же я всегда любила запах краски.

Усердно пытаюсь закрасить следы кошачьих лап, оставленные одной из моих кошек на нижнем незакрашенном участке шкафа, я слышу, как звонит телефон. Кругом валяется разбросанная одежда, поэтому я просто швыряю кисть обратно в банку и мчусь прямо по своей одежде, как призывник на учениях, хотя еще даже не видела, кто звонит, и не решила, хочется ли мне на этот звонок отвечать. Но потом я вижу, что звонит Кэрен из офиса Холли, и в последний момент хватаю трубку.

— Алло! — мелодичным голосом произношу я, слишком поздно поняв, что руки у меня в серой краске, уже успевшей заляпать некогда розовый телефон. За последние пару недель я нанюхалась больше коки, чем вообще когда-либо могла себе вообразить, но единственный полезный результат, который это дало в плане моей работы на Холли, это то, что я перестала убирать за Тигром дерьмо. И пусть обитатели Картей-Серкл хоть круглыми сутками пачкают в нем свою обувь. Но я чуть ли не до одурения созванивалась с Кэрен, отчитывалась о фантастически прекрасных отношениях, которые сложились у Тигра с соседским баскетом, и щебетала о том, какая прелесть эта зверюга, хотя, в общем-то, старалась при этом преподносить себя как блестящий перспективный сценарист. Я стараюсь вести себя так, будто у меня нет никакого определителя, чтобы она думала, будто я всегда отвечаю по телефону, как жизнерадостная учительница со Среднего Запада.

— Амелия? — говорит она. — С вами хочет поговорить Холли.

Ушам своим не верю. Сейчас состоится мой первый разговор с женщиной, которая занимает большую часть моей жизни, со всеми своими клетками для собак, помощницами, нанимающими других помощниц, и стандартными жилыми домами цвета блевотины.

— Это Холли Мин, — раздается в трубке, и на долю секунды я теряюсь. Это я ей звоню или она мне? Все в последнее время кажется таким сюрреальным, будто покры-

тым тонким слоем серой краски, что я то и дело прихожу в замешательство.

— Привет, Холли, — отвечаю я с излишней бодростью. — Как же здорово наконец-то услышать ваш голос.

— О, мне тоже, — говорит она. — Послушайте, у вас есть для меня минутка?

Этого-то я и ждала — разговора, после которого выяснится, что мне не нужно больше быть на побегушках и убирать дерьмо за ее собакой, что я должна писать сценарии, которые она будет продюсировать, ну, или уж на самый крайний случай — распивать с ней кофе, спиртное и вместе обедать. Хотя странно, для этого еще рановато: она же пока не успела узнать, насколько я необыкновенная.

— Кэрен сказала, что я плачу вам десять долларов в час за то, что вы выгуливаете Тигра, — говорит она.

— Да. — Не такого начала я ожидала, но мне удастся скрыть свое удивление.

— Вы выгуливаете Тигра целый час?

— Нет. — И тут же понимаю, что не надо было этого говорить. Ну какого черта этот идиотский инстинкт всегда говорить только правду пробуждается во мне в самые неподходящие моменты?

— Вот об этом-то я и хотела с вами поговорить, — продолжает она. — Я тут подумала... если я плачу вам десять долларов за то, чтобы вы его выгуливали час, в то время как вы, по вашим словам, делаете это всего двадцать минут, значит, получается, что вам платят за лишние сорок минут времени, которое вы не отработали.

Из моей правой ноздри потекло, я вытираю нос.

— Но вы же живете в двадцати минутах езды от меня, так что пусть я выгуливаю его двадцать минут, но ведь вместе получается целый час. — Мне не хотелось бы вступать в спор со своей наставницей/продюсером/спасительницей, и я смутно понимаю, что мне не понравится возможное окончание этого разговора.

— Я понимаю, — отвечает она довольно снисходительным тоном. — Просто... вы ведь знаете, что я работаю в «Имэджэн», так? И мне платят за то, что я там работаю. Но «Имэджэн» не оплачивает мне то время, которое уходит у меня на то, чтобы добираться на работу и обратно. Мы поняли друг друга?

— Э-э... кажется.

— Отлично, — говорит она. — Кэрен сказала, что вы прекрасно справляетесь, поэтому мне очень не хотелось бы расставаться с вами из-за такой мелочи. Значит, так. Вы будете получать десять долларов в час, начиная с той секунды, как приходите на работу. Если же вы выгуливаете Тигра только двадцать минут, то я буду платить вам одну треть от этой суммы. Все по-честному.

Оглядывая свою спальню с разбросанной по ней одеждой, недокрашенный шкаф, разлитую по полу серую краску и свою вцепившуюся в телефон дрожащую серую руку с кровоточащими заусенцами, я молча киваю.

— Конечно, Холли, — говорю я, хотя мне очень хочется бросить трубку и больше никогда не слышать ни ее, ни Кэрен, ни ее чертову собаку. — Отлично.

Я кладу трубку и швыряю телефон через всю комнату. Он благополучно приземляется прямо в банку с краской, расплескав по всей комнате еще больше серой жижи.

Закат. Всегда ненавидела это слово и это время суток. Говорят, что людей мучает депрессия в то время суток, в какое они родились, но я родилась в девять утра и обычно в это время чувствую себя прекрасно, если уже не сплю. Но время — когда день еще не закончился, а ночь толком не началась — буквально сводит меня с ума.

С момента нашего с Холли разговора я потеряла всякую способность что-либо адекватно оценивать, полагаю, прошло несколько часов, которые я провела в гостиной, будучи не в состоянии пошевелиться. Я уже минимум час ощущала потребность пописать, но либо мои придатки ут-

ратили канал связи с мозгом, либо посылаемые им сигналы поступают в извращенном виде, потому что я продолжала оставаться на месте. Все это время я сидела и, бог знает сколько времени, упорно нюхала коку.

«Я накачалась до самых жабр», — думаю я, вспомнив выражение воинствующей лесбиянки, которое нечаянно услышала однажды ночью. Мне оно нравится, как всегда, когда я слышу какой-нибудь перл и потом выдаю за свой. «Что оно вообще, черт побери, может означать? Жабры у рыб. Я что, так накачалась, что теперь мне кажется, что я рыба? — рассуждая таким образом, я продолжаю нюхать кокаин и так и не иду в туалет.

В определенный момент до меня доходит, что меня бьет озноб, и я отчетливо понимаю, что такого раньше никогда не случалось. Возможно ли в раскаленной лос-анджелесской квартире заполучить гипотермию? Я вытряхиваю содержимое флакона на лежащую передо мной коробку из-под диска. «Вот черт, — думаю я. — Не может быть, чтобы у меня ничего не осталось». Мне и нужно-то совсем немного, всего несколько дорожек, чтобы прошел озноб и я ожила.

И тут у меня появляется новый план. Умудрившись подняться на ноги — это оказалось не так уж сложно, как только я себя убедила, что от этого зависит моя жизнь, — я плетусь в ванную, открываю аптечку и заглатываю сразу пять таблеток эмбиена прежде, чем успеваю подумать, какой эффект может произвести сочетание кокаина со снотворным. Единственное мое желание — полностью отключиться. Не на всю жизнь, заметьте, а хотя бы до того момента, когда мне станет немного лучше. Я выпиваю бутылку «Эрраухед», чтобы снотворное, по возможности, распространилось по всему организму, ложусь в постель и дожидаясь чувства полного изнеможения. Но ничего не происходит, поэтому я возвращаюсь в гостиную, зажигаю сигарету и жду еще немного времени. Обычно эмбиен очень резко вышибает меня из сознания и погружает в ве-

реницу парадоксальных снов — но в следующую секунду я уже успокаиваюсь и с огромным наслаждением перехожу из реальности в то место, где на время исчезают все мои проблемы.

Но на этот раз эмбиен не помогает. Напротив, он только еще сильнее меня взбадривает. Я его немного перебрала в последнее время, увеличив прописанную мне дозу, но мой врач совершенно не понимает, какая у меня серьезная бессонница, поэтому советует мне делить таблетку на четвертинки, когда фактически они начинают действовать в количестве двух или трех штук. Однако в последнее время уже приходилось принимать до пяти штук. Я, правда, так и не потрудилась рассказать об этом врачу, иначе он непременно прочел бы мне лекцию о том, что следует быть более осторожной, поэтому я всегда потчую его баснями, будто путешествовала и в дороге растеряла остатки содержимого пузырька, чтоб он выписал мне очередной рецепт.

Примерно минут через двадцать — хотя, может, и через пару часов — я понимаю, что мой организм и не думает погружаться в нечто похожее на сон. Мои руки и ноги как будто заново ожили, и, уверенной поступью проследовав на кухню, чтобы достать последнюю упаковку «Кэмел лайтс» из купленного на прошлой неделе блока, я понимаю, что хочу побыть сейчас среди людей. Эта радикальная мысль приводит меня в ужас, но, когда я обнаруживаю, что блок пустой, потому что я докурила последнюю сигарету из пачки, про которую думала, что она предпоследняя, я еще больше убеждаюсь, что меня сейчас может спасти только общение с людьми.

Я решаю зайти в «Барниз Бинери», в бар на моей улице, который был построен еще где-то в 20-х годах, поэтому выглядел соответствующим образом. Добравшись туда, я прямоком направляюсь к стойке, где заказываю «Амстел лайт», рюмку текилы и пачку «Кэмел лайтс». Мне так сильно хочется выпить текилы, что я даже не дожидаясь, когда бармен с козлиной бородкой поставит передо мной

соль и дольку лимона, а просто выпиваю ее залпом и запи-
ваю большим глотком пива. Потом осматриваюсь и вижу,
что за одним столиком сидит толпа здоровенных мускули-
стых парней в рубашках Университета Южной Калифор-
нии. Я тайком осматриваю сперва противоположную сто-
рону помещения, потом обращаю взор на столпившихся
у караоке людей, затем на группу девушек, пробирающих-
ся через черный ход. Наконец я поднимаюсь со своего без-
опасного наместа у стойки, решив, что полезнее всего сей-
час будет поискать кого-нибудь, у кого есть кока,
и начинаю переходить от стола к столу.

Я подхожу к столику с УЮК, хлопаю по плечу высокого
бледноватого парня и спрашиваю, не знает ли он Гаса. И, хо-
тя Гас нас не знакомил, и вообще парень вряд ли в курсе, кто
такой Гас, мне нужно хоть как-то начать разговор.

Он с улыбкой качает головой.

— А Гас — твой бойфренд?

Теперь уже моя очередь с улыбкой покачать головой.

— У мен нет бойфренда, — отвечаю я.

Парень говорит, что его зовут Саймон, и предлагает
присесть.

— Почему бы нет? — говорю я. — Мои друзья пока не
подошли. — И в общем-то, это правда, как я думаю. Здесь
нет никого из моих так называемых друзей.

Я сажусь за столик, тут возвращается друг Саймона
с «Голдшлагером»*, и я с видом знатока начинаю нести
всякую чепуху, что вот, мол, в «Голдшлагере» до сих пор
плавают золотые блески еще со времен калифорнийской
золотой лихорадки. Помнится, мне сообщил об этом один
парень в каком-то баре в Сан-Франциско, но я была так
пьяна, что не смогла сказать ему, что, по моему мнению, он
их уже достаточно наглотался. Но Саймон со своими при-
ятелями — Джошем, Тоддом и, кажется, двумя Джонами —
покупаются на это, и вот я уже вовсю с ними болтаю. Мы

---

* Алкогольный коктейль.

рассказываем друг другу всякие забавные истории о том, как нам доставалось в школе за распитие спиртных напитков.

Когда я заканчиваю свой рассказ о том, как однажды напилась, а потом написала об этом в «Хэйр», учась на первом курсе, Саймон возвращается из туалета, нагибается и что-то шепчет мне на ухо. Еще прежде, чем он открывает рот, я точно знаю, что он сейчас скажет. Клянусь, ни одна натасканная на наркотики собака не сравнится со мной, когда дело доходит до попытки вычислить потребителей кокаина.

— Я оставил своему приятелю несколько дорожек на подоконнике над первой кабинкой в мужском туалете, — говорит мне Саймон и подмигивает. — Почему бы тебе не забрать их себе?

Это настолько щедро со стороны Саймона, что я почти даже прощаю ему его ужасные джинсы «Гесс» и это дешевое подмигивание. Я киваю и потихоньку выбираюсь из-за столика.

В мужских туалетах мне приходилось бывать не меньше миллиона раз, но они всегда были пустые, в то время как в женских было полно народу, поэтому я знаю, как зайти туда с таким видом, будто это совершенно обычное дело. Однако у лысого парня, который писает в писсуар, явно в этом отношении опыта поменьше, судя по его шокированному взгляду. Я же просто пожимаю плечами и шепотом говорю:

— В женский ужасная очередь, — запираюсь в первой кабинке, замечаю рассыпанные на подоконнике дорожки и дожидаясь, когда парень уйдет. Как только он уходит, я достаю скрученную трубочкой купюру, поднимаюсь на унитаз и вдыхаю дорожки. Я испытываю немедленное облегчение, ну или, во всяком случае, нечто похожее на него.

Однако как только я возвращаюсь за столик, со мной начинает происходить нечто странное: такое ощущение, будто я утрачиваю способность говорить. Сначала мне бы-

ло хорошо, но уже в следующую секунду я не могла выдавить из себя ни слова. Это напоминало то, как я сидела дома на диване, не в состоянии пошевелиться, но сейчас я встревожилась гораздо сильнее, потому что находилась в компании людей, которые не должны заподозрить, что со мной что-то не так. По счастью, Саймон, видимо, ничего не замечает. Он что-то рассказывает, его друзья хохочут, и мне тоже хочется посмеяться, но меня тошнит, а голову будто сдавило тисками, хотя я не очень хорошо понимаю, как это должно было бы выглядеть. Голова раскалывается, мне хочется прилечь, хотя настоящей усталости я не ощущаю.

— Мне нехорошо, — еле-еле выдавливаю я из себя.

Саймон кивает, как будто так и должно быть.

— Кей начинает действовать? — спрашивает он как бы между делом.

— Кей? — переспрашиваю я. И мысленно представляю себе эту букву в алфавите.

Кто-то из друзей Саймона, нечаянно нас услышав, тут же вскрикивает:

— Так вот куда подевался спешл-кей, который ты должен был оставить мне!

Я перевожу взгляд с Саймона на его приятеля, и хотя я мало что соображаю в этот момент, но еще в состоянии провести ужасную аналогию.

— Спешл-кей? — спрашиваю я. Саймон с друзьями вроде как раздражаются хохотом, но ощущение такое, будто все звуки в природе выключили, потому что я ничего не слышу. Но даже в таком состоянии я понимаю, что такое спешл-кей: это кетамин, убойный транквилизатор.

— Но... — я пытаюсь объяснить Саймону, что он-то сказал мне, будто это кока, но не могу вспомнить, действительно ли он говорил так или я сама так решила.

— Выйду подышу, — говорю я, Саймон кивает. Отчасти меня оскорбляет то, что он не предложил проводить меня, хотя, по большому счету, я испытываю от этого облегче-

ние. «Мне просто нужно выйти и побыть на свежем воздухе, тогда мне станет лучше», — убеждаю я себя, продираясь сквозь толпу к выходу. Посреди парковочной площадки под уличным фонарем стоит громадный мусорный бак, который и представляется мне идеальным местом для того, чтобы посидеть и отдохнуть.

Какая-то часть моего сознания понимает, что я, видимо, серьезно накачалась, раз выбрала столь отвратное место и это меня не смущает. От бака даже не воняет, что очень странно, так как обычно эта вонь распространяется по всей округе. Я жадно вдыхаю воздух, удивляясь тому, что мне не становится лучше. Потом ложусь и закрываю глаза.

В какой-то момент меня начинает трясти за плечо один из этих мексиканцев, служащих автостоянки. Мои веки начинают трепыхаться, я понимаю, что меня, как одеялом, накрыли грязной коричневой курткой.

— Отвести вас в больницу? — спрашивает он, но я качаю головой. Вопрос кажется мне совершенно нелепым, но, когда он пытается меня усадить, я замечаю, что все вокруг в блевотине. Униженная донельзя, я пытаюсь сесть, но ноги у меня будто парализованы.

— Два тридцать ночи, — произносит парень после потока каких-то совершенно неразборчивых слов, и, взглянув мимо него, я вижу, что меня всю рассматривают еще несколько мексиканцев, как какую-нибудь диковину. И вдруг я совершенно отчетливо вспоминаю, что дорожку, которую мне оставил Саймон, я вдохнула примерно в десять часов, и получается, что с того момента прошло достаточно много времени, и это плохо. Я совершенно четко осознаю, что лучше всего мне сейчас пойти домой, но также понимаю, что шевелиться мне сейчас нельзя ни в коем случае.

— Я в порядке, — умудряюсь я выдать из себя и снова ложусь, только на этот раз подальше от своей блевотины. Мне просто хочется немного вздремнуть.

Я часто слышала о том, что, когда люди приходят в себя, они не понимают, где находятся, но в тот момент, когда я открыла глаза, я сразу же, еще прежде, чем успела опустить взгляд и увидеть свое жуткое одеяние и стерильную обстановку, поняла, что нахожусь в больнице. Можете назвать это антиамнезией, потому что я имела несчастье отчетливо вспомнить, как нюхала сделанную Саймоном дорожку, как меня потом парализовало, как я узнала, что это спешл-кей, и как я решила вздремнуть у мусорного бака на парковочной стоянке «Барниз Бинери». Мне хочется, чтобы у меня появился хоть какой-то стимул выскочить из постели и потребовать у кого-нибудь разъяснений по поводу моего местонахождения, но мне просто неохота. Потому что кое-что в этом кошмарном стечении обстоятельств предстает до ужаса само собой разумеющимся.

Меня охватывает разочарование. Почему, ну почему комбинация коки, эмбиена, алкоголя и спешл-кей не сговорились меня прикончить? Почему я не один из тех счастливичков, которые оказались жертвой несчастного случая и не остались в памяти людей как «самоубийцы», зато в один момент избавились разом от всех своих проблем? Я понимаю, что эти мысли должны повергать в невероятную тоску, и мне даже хочется поплакать, но мне почему-то кажется, что это тоже не стоит моих усилий.

А потом на смену резкому возбуждению приходит столь же неожиданное утомление. У меня такое чувство, будто я допоздна смотрела фильм, и мне очень хотелось узнать, чем он закончится, но я не смогла перебороть усталость и уснула, хотя прекрасно понимала, что так этого и не узнаю.

* * *

Позже в тот день ко мне приходили отец с матерью и еще один человек, который представился доктором Рональдом Рэндом. К этому времени я не только полностью пришла в себя, но даже уже слонялась по палате. Кроме того, мне успели вкратце изложить, что произошло, и эти новости равно оказались неутешительными. А именно: после того, как я полностью отключилась возле мусорных баков, один из служащих автостоянки позвонил в «скорую», за мной приехали и отвезли меня в «Кедры», где хранится моя медицинская карта, которую ведет мой гинеколог. Когда маме позвонили и сказали, что у ее девочки передоз, она связалась с отцом и с этим сморщенным коротышкой доктором и привезла их обоих из Сан-Франциско, чтобы спасти меня.

— Мама, пожалуйста, мы можем поговорить с тобой наедине? — спрашиваю я, как только эта троица появляется в палате. Я буквально сражена этим триумвиратом, у меня такое чувство, будто они все вместе сейчас ринутся в атаку, поэтому я снова бросаюсь на постель и натягиваю на себя покрывало. Мама нервничает больше, чем обычно, она смотрит на меня недоверчиво, будто пытается примириться с той мыслью, что ее дочь — одна из тех девушек, у которых случился «передоз». Она бросает взгляд сначала на отца, потом — на доктора Рэнда и говорит:

— Рональд пусть останется.

Папа выходит из палаты, и я сажусь в постели. Доктор Рэнд прочищает глотку:

— Почему я не объяснил, зачем я здесь? — спрашивает он, кивая. — Просто обычно моя работа связана с помощью

родителям, чьи дети вступили в какие-нибудь религиозные секты или культы.

— Вы депрограммер? — спрашиваю я. Встречалась я как-то на вечеринке с одним парнем, который рассказал мне, как родители отправили его к подобному типу после того, как он решил для себя, что больше не желает быть саентологом.

— Вообще-то я психолог, специализирующийся на проблемах поведения, — отвечает доктор Рональд Рэнд, — но мне удалось добиться немалых успехов на поприще возвращения детей в лоно семьи.

— Но я не состою ни в какой секте, — говорю я. — И никогда не состояла. У меня просто была неважная ночь, потому что я переборщила с наркотиками.

Я не могу смотреть на маму, когда произношу слово «наркотики», хотя прекрасно понимаю, что она обо всем знает. Несколько лет назад мы с родителями целый месяц были в Париже. За это время я умудрилась, причем довольно легко, просочиться в самые низы тамошнего общества. Коки там было достаточно. И хотя я регулярно возвращалась домой после вечеринок в тот самый час, когда мои мама и отчим выходили осматривать достопримечательности, тем не менее они догадывались, чем я занимаюсь. Но мы, не договариваясь, выработали нечто вроде политики «не задавать лишних вопросов».

У доктора Рэнда невероятно взбудораженный вид. Как же! Ему удалось выудить из меня слово «наркотики».

— Наркотики! — радостно взвизгивает он. — Конечно, наркотики! — И бросает на маму такой взгляд, будто она должна как минимум вручить ему медаль, потом снова переводит его на меня. — То есть вам нужно постоянно дуть?

— Дуть? — спрашиваю я. Кто он такой, черт побери, этот доктор Рональд Рэнд, и какого черта мать притащила именно этого человека, чтобы он поговорил со мной о наркотиках? — Вы имеете в виду делать дорожки?

— Ну, дуть, делать дорожки, нюхать порошок, — говорит он нарочито небрежным тоном.

— Послушайте, — отвечаю я, опустив взгляд. — Мне нравится нюхать коку, очень нравится. — Я слышу, как мама тяжело вздохнула. Когда-то давно она рассказывала мне, как ее знакомый однажды зачем-то дал ей коки, после чего она всю ночь пылесосила в доме ковры, чтобы избавиться от запаха. Но как только слова откровения вылетают из моей глотки, я чувствую странное облегчение. — Но все равно то, что произошло прошлой ночью — чистая случайность. Я думала, мне дали коку, а это оказалось что-то другое.

Доктор Рэнд сочувственно кивает, и впервые за все время, что он находится в поле моего зрения, я начинаю проникаться к нему симпатией. Он присаживается на мою койку и с нежностью смотрит на меня.

— Вы хотите перестать нюхать коку? — спрашивает доктор Рэнд.

Я понимаю, что он имеет в виду, хочу ли я завязать, но этот гомик просто не в состоянии называть вещи своими именами. Еще со школы я помню парочку ребят, которых отправили на реабилитацию, после того как застукали за раскуриванием травки во время футбольного матча. И потом, мне не раз приходилось встречаться с людьми, посещавшими различные анонимные общества, хотя до сих пор не могу понять, чем там занимались эти ребята. Вероятно, ходили по театрам или посещали кружок кройки и шитья, или делали еще что-нибудь «правильное» вместо того, чтобы жить как все «нормальные» люди. Но лично я с трудом вижу себя в подобной роли.

— Я даже представить не могу, как бы развлекалась в трезвом виде, — говорю я.

— Полагаю, при желании вы нашли бы чем заняться, — продолжает доктор Рэнд. Я смотрю на маму, и она кивает.

— Зачем мне что-то искать, когда меня вполне все устраивает, — отвечаю я, откидываясь на подушки.

— Амелия, — произносит доктор Рэнд уже твердым голосом. — При всем моем уважении мне кажется, что такой образ жизни приносит только вред.

Первое мое желание — наброситься на него и ударить, но вместо того, чтобы подняться с койки, я лежу и раздумываю над его словами. Над тем, какой я стала нервной с тех пор, как начала постоянно употреблять кокаин, как на следующий день меня изводят мысли о суициде, которые можно заглушить только все той же кокой. Я понимаю, что надо завязывать с кокой, равно как и то, что не могу без нее. К тому же мне не хочется кончать жизнь самоубийством. Получается замкнутый круг. «Конечно, здоровый образ жизни — это полный отстой, — думаю я, — но все же лучше, чем смерть». Придя к такому выводу, я киваю. Доктор Рэнд хлопает маму по спине. У нее на глаза уже навернулись слезы.

— Мы подыскали для вас местный реабилитационный центр, — говорит он. — Почему бы вам не позвать отца?

— Ох, — отвечаю я, более встревоженная упоминанием об отце, чем мыслью о реабилитационном центре. — Отец совершенно меня не понимает. Когда он рядом, мне не по себе. Он постоянно заставляет меня испытывать неловкость и чувство вины, вечно критикует, попрекает деньгами и...

— Но, кроме прочего, он вас очень сильно любит, — говорит доктор Рэнд. — Вы никогда не задумывались над тем, что все его слова и поступки продиктованы лишь желанием, чтобы у вас все было хорошо? — Я молчу. — Попробуйте, — продолжает доктор Рэнд, — представить себе кинотеатр: одну из этих махин, в которых проводят показ десяти разных фильмов одновременно. А теперь представьте, что вы и ваш отец заходите туда вместе. Но вы направляетесь в один зал, а отец — в другой. Уходите вы в одно и то же время. И случается так, тот фильм, который смотрели вы, вам ужасно не понравился, а вот отцу его фильм — наоборот. Вы не понимаете, как такое возможно, ведь думали, что он сидит в том же зале и смотрит ту же дребедень, что и вы. Почему бы вам не взглянуть на ваши отношения с отцом под таким углом: как будто вы — два человека, которые зашли в один кинотеатр, но видели совершенно разные фильмы?

Может, мой одуревший от наркотиков мозг был просто уже не в состоянии соображать, либо я слишком устала, чтобы продолжать эту борьбу, но что-то в этой нелепой аналогии с кинотеатром, проведенной доктором Рэндом, меня зацепило. Я вдруг начинаю понимать, что отец совсем не такой ужасный, скорее он просто не знает, как вести себя со мной. По лицу доктора Рэнда скользнула еле заметная улыбка.

— Ваш отец готов заплатить за курс реабилитации, — продолжает доктор Рэнд. — И, перебрав несколько вариантов, он решил, что наиболее всего вам подошел бы «Пледжс».

Этим-то он меня и купил. Все знают, что «Пледжс» — лучший из всех реабилитационных центров. И каждый, кто хоть раз читал «Эбсолютли фэбьюлос» или любой другой еженедельный журнал, знает, что многие знаменитости лечились там от наркозависимости. Я видела фотографии местных многочисленных бассейнов, тренажерных залов и даже конюшен. «Скорее всего, — думаю я, — там можно будет отлично провести время, пока меня будут учить, как бросить коку».

В палату заходит улыбающийся папа, и меня вдруг захлестывает волна невероятной благодарности родителям, ведь они прилетели сюда и по-прежнему меня любят, не смотря на то, что я такая дрянь.

Мама, молчавшая, казалось дольше, чем всю предыдущую жизнь, спрашивает:

— Тебе помочь чем-нибудь? Кошек я могу забрать к себе, пока ты снова не встанешь на ноги.

Я представляю себе свою квартиру, груды одежды и разбрызганную повсюду серую краску. И киваю.

— Дома у меня кошмар.

Мама тоже кивает и говорит:

— Когда все закончится, может, вернешься домой? — Мама вечно об этом долдонит. Она, наверное, сойдет с ума от радости, если я, как и раньше, буду жить в своей старой

спальне. Но в данный момент меня это не раздражает; я рада, что она по-прежнему хочет, чтобы я была рядом, хотя у меня нет ни малейшего намерения перебираться обратно на север.

— Из-за денег пока не беспокойся, просто постарайся как можно быстрее поправиться, — добавляет папа.

Потом они оба наклоняются и обнимают меня. А доктор Рональд Рэнд — я вас не разыгрываю! — обхватив одной рукой маму, а второй — отца, прижимается к нам лицом, будто все мы — одна большая дружная семья.

Когда мы подъезжаем к «Пледжс», я поражаюсь, какую фантастическую работу проделали сотрудники реабилитационного центра, чтобы придать ему обыденный и даже несколько деревенский вид. Это заведение, с обшарпанной гостиной, двориком для курящих, загаженным переполненными пепельницами, грустным «лечебным» кабинетом и раздолбанной баскетбольной сеткой, больше походит на лагерь в Йосемите, в котором мне как-то довелось побывать и после которого прошло еще двадцать лет всевозможных передраг, — чем на лечебницу для звезд. Мне нравится, что здесь нет и намека на роскошь. Я бы не выдержала, если бы это походило на шикарный круизный лайнер, где у бассейна возлежат компании звезд с великолепными телами.

В холл вприпрыжку входит улыбчивый мужчина лет сорока с чем-то и представляется Томми, добавив, что он будет моим консультантом. Интересно, кто их назначает и по какому принципу? Может, какой-нибудь регистратор-знарок, просмотрев мои данные, думает: «Гм... журналистка, проблемы с кокаином, много курит... может, Томми?» Что-то в его внешности заставляет меня испытать мгновенное облегчение, поэтому можно считать, что он мне понравился, хотя меня немного начинает воротить от его жизнерадостности.

— Вы здесь уже когда-нибудь были? — спрашивает он меня в тот момент, когда я отрываю окровавленный заусенец, который теребила с начала осмотра больницы.

— Здесь? — переспрашиваю я. И, осмотревшись, добавляю: — Вы имеете в виду в этой комнате?

Томми раздражается диким гоготом.

— Ах, как же я люблю новичков, — говорит он. То, как он смотрит, напоминает мне одну сумасшедшую, проповедовавшую здоровый образ жизни в больницах.

Тут в комнату заходят несколько весьма потрепанного вида типов: мексиканец в футболке с надписью «Вам не нужно починить водопровод?» и нервный лысый мужик, которому самое место было бы сидеть где-нибудь на автобусной остановке с бутылкой в коричневом бумажном пакете в руке.

— Джоэл, Стэн, познакомьтесь с Амелией, — орет Томми. «Джоэл» он произносит с сильным придыханием, как «Хо-эл».

Стэн подходит ко мне шаркающей походкой, не отрывая глаз от пола, а Джоэл сверлит взглядом, в котором скользит похотливая ухмылочка. И хотя я в ужасе от своих товарищей по несчастью, я понимаю, что мне не мешало бы с ними подружиться, поэтому улыбаюсь и протягиваю Джоэлу руку. Стэн продолжает смотреть в пол, вытянув руки по швам, к нему я не подхожу.

— Добро пожаловать, — говорит Джоэл, игнорируя мою руку, а вместо этого обхватывает и так крепко прижимает к себе, что исходящая от него вонь, видимо, навсегда теперь вьется в мои ноздри. Я уверена, что Томми сейчас оттащит от меня этого отвратного типа и скажет ему, чтобы он перестал домогаться женщин. Но, взглянув на него, я вижу на его лице лишь милую улыбку, будто мы с Джоэлом — очаровательнейшая пара из всех, которые он когда-либо видел.

Пока я пытаюсь вырваться из объятий Джоэла, Томми продолжает мне улыбаться.

— Ох, Амелия, — говорит он. — Совсем скоро вы научитесь принимать любовь.

Я злобно смотрю на Томми, но он либо ослеп, либо невменяем, потому что широченная улыбка с его лица не исчезает. Мама осматривается с таким видом, будто сейчас к ней может кто-нибудь подскочить и вырвать у нее сумочку, и в данном случае я вполне понимаю ее страх.

— Итак, Томми, — говорит она голосом, в котором слышится крайняя степень беспокойства. — Нам нужно в аэропорт, а то мы опоздаем на самолет.

— Да-да, — отвечает Томми, переводя взгляд с меня на маму. — Она здесь в надежных руках, не переживайте. — И бросает взгляд на часы. — Группа начинается через пять минут, так что попрощайтесь, и я провожу Амелию. Вещи свои она распакует попозже.

Мама меня обнимает, папа стоит со слезами на глазах, но я сейчас совершенно не в состоянии разделить их эмоции, потому что у меня слишком много вопросов. Какая группа? Это ведь такое абстрактное понятие. Мне хочется немедленно прочесть Томми лекцию о том, что он ни словом не упомянул, чем конкретно мне сейчас придется заняться, и что следует быть более осторожным в выборе слов, чтобы не привести человека в ужас. Но теперь уже папа заключает меня в объятия, и я упускаю возможность что-либо сказать.

— Пока, Амелия, — говорит мама. — Будь умницей. — Обнимая ее, я чувствую, как она дрожит. Мне в голову вдруг приходит мысль, что должно быть ужасно — девять месяцев носить ребенка в своем чреве, потом растить, преодолевая бесконечные трудности, и все ради того, чтобы в итоге привезти свое чадо в какой-то обшарпанный реабилитационный центр, где ему придется близко общаться с такими ребятами, как Джоэл и Стэн. И в следующую же долю секунды я чувствую, что вот-вот разревусь от стыда и раскаяния. Но я делаю шаг назад и выпрямляюсь.

— Со мной все будет в порядке, мама, — успокаиваю я. — Обещаю.

Папа с мамой идут по направлению к выходу, потом оборачиваются, чтобы помахать мне. Мое сердце буквально разрывается на части. Помнится, когда меня впервые привели в детский сад и мама собралась уходить, я никак не хотела выпускать ее руку. Воспитательнице Сю пришлось, в конце концов, выдернуть мою руку из маминой, после чего я долго и безутешно рыдала. Конечно, уже в тот же день я начала вовсю играть и веселиться, но именно такие переходные моменты мне всегда давались нелегко.

Я машу вслед их удаляющимся спинам, и, когда мама снова оборачивается, чтобы послать мне воздушный поцелуй, Джозел кладет свою жирную ручищу на мое правое плечо.

— Не переживайте, мистер и миссис Амелия! — кричит он. — Я о ней позабочусь!

«Группа» — это сокращенное наименование «групповой терапии», которая начинается с того, что каждый называет свое имя, а потом произносит слово «алкоголик» — в точности как в этом до нелепости скучном фильме с участием Фэй Данауэй. Потом Томми призывает людей «делиться своими проблемами», что в данном случае означает ныть о том, как нам хочется употребить. Под «употреблением», судя по всему, подразумевается все: алкоголь, героин, обезболивающее, в общем, что угодно. Обдумав все, я чувствую сильнейшее желание переговорить с главой «Пледжс» по поводу этой идиотской привычки, от которой, судя по всему, страдают они все: машинально произносить слова, не несущие никакой смысловой нагрузки. Сказал, и все. Я представляю себе, как сейчас буду что-то говорить, но понимаю, что у меня отнялся язык в прямом смысле этого слова. В детстве меня считали очень стеснительной. Не помню, правда, чтобы я чувствовала себя таковой настолько, насколько мне об этом долдонили, и мне это ужасно не нравилось. Я мечтала стать общительной, уверенной в себе и открытой задолго до того, как узнала значение этих слов. Когда мы с семьей отправи-

лись в Аляску — а было мне тогда лет десять — я подружилась с девочкой откуда-то с Юга по имени Эйми, которую все называли «живой», и я решила, что именно такой, как она, и хочу быть. По маминым словам, перемены во мне произошли буквально за одну ночь, потому что вместо застенчивой девочки, пугливо тискавшей мамину руку, у нее вдруг появилась шумная дочь-экстравертка. Но время от времени во мне просыпалась та стеснительная Амелия — особенно в присутствии незнакомых людей — и, должна сказать, это была одна из причин, по которой я выпивала и принимала наркотики. Они пробуждали во мне мою «живую» сторону. И пока я обо всем этом размышляла, в частности, о том, какую сильную травму получу, если меня заставят сейчас «делиться» с этой «группой», ко мне поворачивается Томми.

— Ребята, это — Амелия, — говорит он, и я вдруг в ужасе понимаю, что все на меня уставились, будто я — кокаин, который они так долго ждали. Помимо Стэна с Джоэлом здесь присутствует еще пара мужчин постарше в коричневых свитерах, слишком загорелая блондинка, чернокожий парень с откровенно гомосексуальными замашками и только один великолепный сексуальный образчик — каштановые волосы, голубые глаза, одежда в стиле Аберкромби*, — который сидит в уголке. И ради него я выдавливаю из себя некое подобие улыбки.

— Не хочешь представиться нашей группе, Амелия? — спрашивает Томми, хотя именно это он только что за меня и сделал.

— Да, конечно, — говорю я, притворяясь спокойной. — Мне тридцать лет, я работаю — ну, по крайней мере, работала до недавнего времени — в журнале «Эбсолютли фэбьюлос». — Парень с голубоватой внешностью начинает хихи-

---

* Здесь имеется в виду Джон Аберкромби (1944 г. р.) гитарист, яркий солист современного джаза. Успешно соединил электронные эффекты, свойственные рок-музыке, с традиционной импровизационной лексикой.

кать, но я не обращаю на него никакого внимания, глядя прямо на Томми. — Э-э-э... что еще вы бы хотели узнать?

— Амелия, мне кажется, это единственное место в Лос-Анджелесе, где людям безразлично, сколько тебе лет и чем ты занимаешься, — говорит Томми. Гей с Блондинкой хохочут. — Расскажи нам о своей проблеме.

Я чувствую себя униженной потому, что сказала не то, чего от меня ожидали, и одновременно испытываю возмущение. Ведь очевидно, что у всех этих людей — у Джозла, у этого хихикающего гея, у Блондинки и даже у красавчика в углу — нет постоянной работы либо, если даже она у них есть, они явно не очень востребованы там. И хотя я в настоящее время тоже нигде не работаю, у этих людей вид такой, будто они никогда вообще ничем полезным не занимались. Где же, черт побери, все эти знаменитости и первоклассные продюсеры? Я должна была попасть в их группу!

— Амелия, — произносит Томми, и до меня доходит, что все по-прежнему смотрят на меня. — В чем заключается твоя болезнь?

Ах, да. Моя болезнь. Когда я читала брошюрку про «Пледжс», которой снабдил меня еще в больнице доктор Рональд Рэнд, я обратила внимание, что врачи так раздули мою «болезнь», будто это рак последней стадии или болезнь Паркинсона, однако про алкоголизм тоже упомянуть не забыли.

— Видите ли, дело в том, — говорю я, ожидая поймать на себе взгляд болезненно наигранного сострадания. — У меня правда есть, то есть были, проблемы с кокаином. Да, я действительно люблю коку. Когда он у меня есть, то я не могу остановиться до тех пор, пока он не закончится. — Я делаю паузу в надежде, что сейчас на меня посыплются поздравления, какая я молодец, что честно рассказала про свои проблемы с наркотиками, но все молчат.

— Что же касается алкоголя, то я спокойно могу как пить, так и не пить, — продолжаю я. — По правде говоря, от спиртного у меня либо болит голова, либо я вообще себя

плохо чувствую. Но с ним у меня определенно нет никаких проблем. — И я одариваю Томми лучезарной улыбкой.

— Значит, ты вообще не пьешь? — спрашивает Томми, и, я готова поклясться, что вид у него при этом изумленный.

— Почему? Пью, — отвечаю я. — Но в меру. Могу выпить чуть больше, если начинается отходняк, когда переберу коки. Но с алкоголем у меня однозначно нет проблем. Мне даже вкус спиртного не нравится.

Блондиночка мне кивает с понимающим видом. Может, у нее такая же ситуация? Тоже проблемы с наркотиками, а она оказалась в этой комнате с людьми, которые истово именуют себя алкоголиками?

— В таком случае, — говорит Томми, — я предлагаю тебе не пить... скажем, пару лет, чтобы ты поняла, будешь ли ты скучать по спиртному.

Чувствуя, как у меня сейчас отвалится челюсть, я все же пытаюсь придать себе равнодушный вид, одновременно стараясь определить, шутит Томми или говорит всерьез.

— Пару лет? — переспрашиваю я с еле заметной улыбкой.

— Ну да, — подтверждает он, сложив руки на груди. — Если ты сможешь в течение двух лет не употреблять алкоголь и при этом не чувствовать в нем потребности, значит, ты смело сможешь сказать про себя, что ты — не алкоголичка. — Тут он снова улыбается, и меня впервые посещает мысль, что Томми — просто прилично одетый мудака. Но я не хочу вручать этим людям дополнительное оружие против себя, и так уже достаточно.

— Вообще-то, — возражаю я с улыбкой, — я планировала завязать с кокой... вообще со всеми наркотиками, а также меньше употреблять спиртного. Я слышала про одну программу... кажется, она называется «программа по прекращению распития спиртных напитков». Мне рассказывал о ней один человек, который прошел ее вместо того, чтобы записаться в клуб анонимных алкоголиков, на котором настаивали его близкие. Вы о ней что-нибудь слышали?

Все присутствующие раздражаются хохотом, я же краснею как рак, одновременно притворяясь, будто мне тоже смешно и даже знаю, почему. Тот парень говорил мне, что это программа не для алкоголиков, а для людей, которые либо просто выпивают чуть больше, чем надо, либо не уверены, что после спиртного смогут отказаться от наркотиков. Я-то полагала, что пациенты «Пледжс» хорошо об этом осведомлены. Но все продолжают смеяться, в том числе и Блондинка — а я-то считала, что она на моей стороне! — и это меня уже начинает бесить.

— Что здесь такого смешного, черт возьми? — грубо прерываю я всех, одновременно тревожась из-за того, сколько ехидства прозвучало в моем голосе.

Когда все замолкают, Томми оборачивается к красавчику в углу.

— Джастин, не хочешь объяснить Амелии, что здесь такого смешного?

Джастин улыбается и становится при этом еще красивее, чем минуту назад, когда он хохотал. Поймав на себе мой взгляд, он обращается ко мне.

— Амелия, — говорит он, и меня невольно охватывает дрожь из-за того, что такой красивый парень назвал меня по имени, даже, несмотря на столь удручающие обстоятельства. — Этой программы уже давно не существует.

Томми спрашивает у Джастина:

— И почему это произошло?

— Женщина, основавшая эту программу, попала в автокатастрофу, в которой погиб ребенок, находившийся в ее машине. К тому же выяснилось, что она была в нетрезвом состоянии, — отвечает Джастин. — С тех пор программу запретили.

— И это так смешно? — спрашиваю я в надежде пристыдить всех присутствующих.

— Нет, это не смешно, — отвечает Джастин. — Смешно то, что, когда я на нее записался, я задал тот же самый вопрос.

— И я, — вставляет Блондинка.

— Ну и молодцы, — говорю я, не понимая, почему они решили, что у меня это вызовет какой-то интерес. — Но дело в том, что хоть я и пристрастилась к наркотикам, тем не менее — не алкоголичка. — Все замолкают. Может, они только сейчас наконец-то поняли ту простейшую вещь, которую я все это время пыталась им растолковать.

— Но ты хотя бы готова признать, что алкоголизм и наркомания — это болезни? — спрашивает Томми. И лицо у него при этом такое доброе, что я уже готова со всем согласиться, хотя прекрасно знаю, что он неправ.

— Но это не одно и то же, — пытаюсь возразить я.

— Я знаю, что ты так думаешь, — продолжает он. — Именно поэтому и спрашиваю: ты готова хотя бы признать, что больна?

Я перевожу взгляд с одного человека на другого, только сейчас заметив еще несколько людей и то, что у всех присутствующих бесчисленное количество татуировок на теле. Неужели одним из неперенных условий пребывания в «Пледжс» является определенное количество вогнанной под кожу на различных участках туловища туши? Но, несмотря на их неотесанность и смехотворный оптимизм — если учесть место их настоящего пребывания, — в данный момент мне кажется до странности невозможным ненавидеть их и дальше. «И потом, — думаю я, — Томми ведь не так уж много просит».

— Отлично, — говорю я. — Я готова это признать. — Группа раздражается аплодисментами, как будто я только что прочитала какое-нибудь виртуозное стихотворение собственного сочинения, и я подавляю в себе желание попросить их перестать хлопать и расслабиться. Томми поднимается, подходит ко мне и обнимает.

— Добро пожаловать в «Пледжс», Амелия, — произносит он, крепко прижимая меня к себе. И по совершенно непонятным мне причинам я начинаю рыдать. А все присутствующие снова аплодируют.

В тот же день, но уже позже, я снова расплакалась. Я сидела в своей комнате, рассматривая неприхотливую обстановку, и редела. Вдруг в дверь просунулась голова Питера, того самого гея.

— Ты в порядке? — спрашивает он. Ну почему люди вечно задают этот вопрос, когда ответ очевиден?

Я качаю головой, продолжая плакать.

Он изображает на своем лице гримасу сочувствия.

— Почему ты плачешь? — продолжает допытываться он, и я в изумлении поднимаю на него глаза.

— Почему я плачу? — переспрашиваю я. — А почему ты не плачешь? Мы с тобой, черт побери, в реабилитационном центре!

Питер моргает и улыбается так, будто ему в жизни не доводилось грустить. «Может, он счастлив, что попал сюда, ведь здесь столько мужиков!» — думаю я. И вдруг понимаю, что Питер не испытал и тысячной доли того, что пришлось пережить мне, поэтому даже выразить не могу, как мне отвратителен его собранный вид и то, как он в замешательстве наклонил голову.

— Пожалуйста, — прошу я его, — оставь меня одну.

Он уходит, я перестаю рыдать и уже даже в состоянии полистать книгу про «Пледжс», которой Томми снабдил меня после «группы». Однако немного погодя я начинаю прислушиваться к разговорам во дворике для курящих.

После «группы» я немного покружилась среди людей, стараясь сохранять спокойствие, пока какая-то девушка рассказывала, как она грабила людей у банкоматов, чтобы достать денег на героин, а один парень потчевал «группу» рассказами, что он нюхал «бензо» и прочие вещи, о которых я даже никогда не слышала. А в это время другой на редкость уродливый парень, у которого в ухе было не меньше полусотни дырок, шутил и гоготал вместе со всеми. «Я даже не могу затесаться в «группу», куда принимают всех», — подумала я, увидев, как Джастин похлопал по спине Дырявого.

Поэтому я возвращаюсь в комнату, чтобы попытаться дочитать книгу про «Пледж». Но когда я ее открыла и пробежалась глазами по всей этой чепухе о том, как нужно вести здоровый образ жизни, например, совершать определенные шаги, среди которых такие, как попытка полюбить то, что вызывает в тебе наибольшее отвращение, я подумала: «Какое это имеет отношение к здоровому образу жизни?»

Вот тогда-то я и начала плакать. Но теперь я снова могу сосредоточиться на книге, но чувствую, что меня куда более интересуют доносящиеся обрывки разговоров. «Со стороны эти люди несколько не удручены тем, что попали сюда, — думаю я, представляя, как они сидят, курят «Америкэн спирит» и отпускают всякие шуточки. А ведь они же не коллеги, собравшиеся в обеденный перерыв, и не студенты колледжа, выбежавшие покурить. В моих глазах они — самый низший сорт, потому что ниже их нынешнего положения опуститься уже некуда. Что случилось с этими людьми, раз их не удручает та ситуация, в которой они оказались?»

Я решаю не давать больше волю слезам, так как мне сказали, что в любую минуту может прийти моя соседка по комнате. Я жду ее как Божью благодать и просто продолжаю прислушиваться к разговорам, в то же время пытаюсь читать эту проклятую книжонку. Я уже внушила себе, что моей соседкой окажется симпатичная нормальная женщина, что мы с ней будем вместе курить, есть конфеты и строить планы на экстравагантные неординарные творческие вечеринки вроде тех, которые я видела в фильмах про подобные заведения.

Фантазируя о своей чудесной соседке, одновременно я думаю, что совершила ужасную ошибку, приехав сюда, прислушиваюсь к всеобщему смеху и читаю о том, что должна извиниться перед каждым, кому когда-либо чем-то навредила. «Я совершенно не такая, как эти жизнерадостные идиоты», — думаю я, размышляя над тем, что, вероятно, мне стоит позвонить маме и поделиться с ней своими догадками. Я как раз обдумываю этот вопрос, когда в про-

мозглую мрачную комнату заходит Кимберли, грозная дама, которая сидит за столом в регистратуре.

— Тук-тук, — говорит она, хотя уже вошла. Видимо, эта такая распространенная шутка в реабилитационных центрах для наркоманов. — Я пришла проверить твои сумки.

Джоэл предупреждал меня об этом. Он сказал, что Кимберли придет проверить мои вещи на предмет коки и таблеток. «До какой же степени безнадежно состояние этих людей, — думаю я, — если они проносят в больницу наркотики?» Кимберли хватает с пола мою розовую сумку и вынимает из нее коммуникатор*.

— Это тебе не понадобится, — говорит она, с улыбкой засовывая его себе в карман. И хотя я смутно припоминаю, как кто-то говорил, что подобное может произойти, у меня все же появляется ощущение, будто меня нагло обворовали, и не сомневаюсь, что Кимберли доставляет садистское наслаждение обрубить мою связь с внешним миром. Она продолжает рыться в моей сумке и наконец выуживает из нее пузырек с «Листерином».

— О, нет, Джоуз**, — восторженно воркует она, взвешивая его на ладони.

— Вам нравится дурной запах изо рта? — резко спрашиваю я.

— Очень смешно, — отвечает она, хотя в ее голосе не слышится ни нотки иронии. — В нем содержится спирт.

И тут я взрываюсь.

— Господи, да не собираюсь я, черт возьми, пить «Листерин» в качестве спиртного, — говорю я.

Кимберли явно не собирается отвечать, а просто кладет пузырек в другой карман и смотрит на меня взглядом серийного убийцы.

— Ты подготовилась к АМ? — спрашивает она.

---

* Карманный компьютер (наладонник).

** Строчка из песни «Another Girl's Name» (группа «Ocean Colour Scene»).

Я молча смотрю на нее, даже не собираясь объяснять, что понятия не имею, о чем это она там спрашивает.

— К анализу, — повторяет она.

Я все так же тупо смотрю на нее.

— К анализу мочи, — произносит она наконец и добавляет: — Тебе придется пописать в стаканчик.

Затем поворачивается и направляется к выходу, я поднимаюсь и следую за ней. Я должна была догадаться, что они будут постоянно брать у меня анализы на предмет обнаружения наркотиков. И хотя я представить себе не могу, какой дурак будет принимать наркотики, находясь в реабилитационном центре, успев увидеть Джоэли и еще кое-кого из здешних обитателей, я начинаю кое-что понимать. Я иду вслед за Кимберли в приемную, где она достает из ящика стола чистый пластиковый стаканчик и вручает мне. Теперь хотя бы понятно, что нужно делать.

— О'кей, сейчас вернусь, — говорю я, направляясь в туалет.

— Ха-ха, — говорит Кимберли, следуя за мной. — Как бы не так. — И тут до меня доходит, что эта стерва пойдет в туалет вместе со мной. Господи! Она что, решила, что я сейчас под кайфом и у меня в кармане наготове «хорошая» моча, которую я налью в стаканчик, если она не проконтролирует каждое мое движение?

Мы заходим в туалет, и я спускаю трусики, думая о том, как здорово, что я не стесняюсь собственной наготы в присутствии других людей, иначе бы мне не избежать неприятностей. Я поднимаю крышку унитаза и уже собираюсь присесть, как понимаю, что до меня здесь перебивали тысячи мерзких наркоманских задниц, а судя по тому, что уже узнала о гигиене в «Пледжс», следы их пребывания здесь наверняка сохранились. Когда я захожу в общественный туалет, у меня никогда не хватает терпения постелить салфетку, поэтому я просто встаю над унитазом. А сейчас мне что, придется привстать, чтобы пописать в стаканчик под строгим присмотром лишенной чувства юмора подозрительной девки?

Я убеждаю себя не обращать на нее никакого внимания, привстаю над унитазом и подсовываю под струю стаканчик, благодаря бога за то, что не боюсь возможной неудачи. Стаканчик наполняется, я ставлю его на приступку у стены, затем довожу процесс до конца и мою руки. Кимберли стоит, разглядывая стаканчик с мочой.

— Теперь она ваша, — говорю я, показывая на стаканчик.

Кимберли подходит, поднимает стаканчик и удивленно рассматривает.

— Амелия, — произносит она, — тебе следует пить больше воды.

— Почему? — спрашиваю я, раздумывая над тем, не двинуть ли ей как следует.

— Здоровая моча, — объясняет она, — должна быть почти прозрачной. — Мы вдвоем рассматриваем жидкость в стакане, цвет которой близок к оранжевому.

— Прекрасно, — говорю я. — Спасибо за совет. Теперь я могу идти?

Кимберли кивает и выскальзывает из туалета. Я иду вслед за ней, размышляя над тем, не собирается ли она занести в мою карточку еще и цвет моей мочи.

Как же мне не хватает моего коммуникатора: так хочется хоть пообщаться с кем-нибудь из знакомых. Конечно, можно встать в очередь и позвонить по телефонному автомату, который оккупировал Рич — восемнадцатилетний юноша из Баулдера*, с того самого момента, как я сюда приехала. Как бесчеловечно: двадцать взрослых людей и один телефон на всех, но, с другой стороны, столь же нелепо обвинять женщину, которая не является алкоголичкой, в том, что протасила с собой зубной эликсир с целью тяпнуть его втихаря, да еще всем своим видом показывать, будто она собирается сжульничать, сдавая мочу. Даже если Рич, этот мальчишка из Колорадо, когда-нибудь слезет с телефона, я все равно не буду звонить ни маме, ни вообще кому-либо. Мне

---

* Город в штате Колорадо.

никто не доверяет, поэтому, если я назову всех этих людей психами, в это все равно никто не поверит. И уже не в первый раз я понимаю, что у меня нет настоящих друзей. Но впервые эта мысль не доводит меня до слез. Может, у меня уже просто не осталось их?

На следующее утро, чувствуя себя крайне изможденной, я иду в столовую, Томми улыбается мне своей широченной улыбкой и объявляет, что сегодня мне придется проверить-ся у доктора Тисла, который живет и работает в «Пледжс». Девушка, которая должна была стать моей соседкой по комнате, видимо, пришла в чувство и решила отказаться от лечения, поэтому прошлую ночь я спала в своей вшивой комнатушке в одиночестве. «Спала», разумеется, довольно оптимистичное описание того состояния, в котором я пребывала. Потому что ночью я только и делала, что лежала, уставившись в потолок, да время от времени вставала поку-рить и почитать книжку про «Пледжс» в надежде, что это мне поможет уснуть.

За завтраком, в то время как все сидят и весело болтают, я вообще ни о чем не могу думать, пока не выпиваю третью чашку кофе, после чего осведомляюсь у загорелой блондинки, Робин, чем она зарабатывает себе на жизнь. Она рассказывает, что была моделью, щеголявшей по подиуму в одних стрингах, и пичкает меня забавными историями из своей жизни. У меня возникает ощущение, что для нее этот центр — очередной этап ее яркой жизни, что-то вроде летнего отпуска в Хэмптонс или зимних каникул в Аспене, и я даже завидую тому, с какой легкостью она к этому относится. Может, со мной что-то не так, раз я считаю это место таким ужасным?

По окончании завтрака Робин провожает меня до кабинета доктора Тисла и обещает встретиться уже в «группе». До меня наконец-то доходит, что «группа» длится непрерывно, заполняя собой все свободное время, что мы не едим, не спим и не моем за собой посуду. Про бассейн и конскую терапию никто пока не обмолвился ни словом.

Доктор Тисл — или Док, как все обращаются к нему — кивает и что-то записывает, пока я рассказываю про свои эксперименты с кокой, но, когда дохожу до эмбиена, он неодобрительно смотрит на меня и качает головой.

— До пяти таблеток за ночь? — ошеломленно спрашивает он. Этот парень не раз выслушивал людей, которые литрами вкалывали себе наркотики и каждые пять минут глотали по восемь пилюль — если верить тому, что я слушала во время и после «группы», — поэтому мне непонятно, почему упоминание о снотворном вызвало у него такую реакцию.

— Послушайте, я же их не ради удовольствия принимала, — говорю я. — А из-за бессонницы.

— Я понимаю, — отвечает он. — И когда вы прекратили их принимать?

— На днях, — отвечаю я. — Выйдя из больницы.

Док качает головой.

— Это было очень неразумно с вашей стороны. Вы должны были сказать врачам, какую дозу принимали. Они бы поставили вам капельницу, чтобы очистить кровь. У вас мог случиться сердечный приступ.

Ничто так не выводит меня из равновесия, когда мне говорят, будто я совершила глупость, поэтому я с трудом подавляю в себе сильнейшее желание свернуть Доку шею. В больнице меня никто не спросил, сколько и чего я приняла, так что мне и в голову не пришло, какими могли быть последствия.

— Да, но вы же видите, доктор, что сердечного приступа у меня не случилось, значит, мы можем сделать вывод, что я выжила вопреки собственной глупости, — отвечаю я.

— Вы еще не скоро сможете спокойно спать по ночам, — говорит он.

Я знаю, что этому парню необходимо прочитывать лекцию, но мне так отчаянно хочется как можно быстрее от него удрать, что решаю, пусть этим займется кто-нибудь другой.

Я в который раз пытаюсь сконцентрироваться на книжке про «Пледжс», когда в дверь просовывается голова Томми.

— Просто хотел посмотреть, как ты тут устроилась, — произносит он своим вечно бодрым голосом.

— Прекрасно, — отвечаю я. Потому что, несмотря на свое упадническое настроение, мне почему-то не все равно, что думает обо мне мой консультант, и мне вовсе не хочется, чтобы он знал, как я напугана и несчастна. Я даже пытаюсь улыбнуться. — Люди здесь просто замечательные, — добавляю я, хотя это откровенная ложь.

Томми молча смотрит на меня.

— Почему бы нам с тобой не прогуляться? — предлагает он.

Прогулка, как и все остальное в данный момент, меня совершенно не привлекает, но у меня нет выбора. Сидеть здесь и думать о том, как я испоганила собственную жизнь, докатившись до того, что оказалась узницей этого заведения, где живу по соседству с кучей неудачников?

— Я возьму сигареты? — спрашиваю я.

— Разумеется, — отвечает он, помогая мне встать. — Я только за.

Я хватаю пачку «Кэмел лайтс» с зажигалкой, сую ноги в шлепанцы и вслед за Томми выхожу во двор. Он

подбирает камешек со сплошь уставленного пепельницами стола и идет по территории «Пледжс» по направлению к улице.

— Я хочу сказать тебе кое-что, только ты не обижайся, — говорит Томми, швыряя камешек на землю и пропуская меня на шумную улицу, по обе стороны которой находятся небольшие магазинчики и рестораны быстрого питания. Впервые за несколько дней, прошедших с того момента, как я здесь поселилась, я столкнулась с цивилизацией, и меня приводит в ужас мысль, что реальный мир все это время находился всего в нескольких шагах от меня.

— Валий, — говорю я, зажигая, кажется, восемьдесят седьмую сигарету за этот день. Я должна была понимать, что обида — это самое приятное переживание за день, учитывая, что моя жизнь постепенно превращается в угнетающую рутину, озаряемую лишь «Кэмел лайтс» да печеньем. И потом, Томми мне нравится.

— Ты поражаешь меня своей бездуховностью, — говорит Томми. Он смотрит на меня с грустью, сощурившись, как будто мое лицо — это солнце, а он забыл надеть солнечные очки.

Я ожидала, что он действительно меня чем-то расстроит: к примеру, скажет, что я никак не могу приспособиться к своему окружению или запустила свою внешность, но это замечание меня нисколько не обидело. Я даже не очень хорошо поняла, что он имел в виду.

— Бездуховностью? — спрашиваю я, выдыхая дым. — Я не очень религиозна, это правда. И, кстати, — добавляю я с улыбкой, — ты меня нисколько не обидел.

Впервые за все время Томми не улыбается. Он останавливается, и мы оказываемся лицом друг к другу.

— Духовность вовсе не обязательно подразумевает религиозность, — отвечает он.

Я понимаю, к чему он клонит. Я знаю, что трезвенники одержимы мыслью обратить всех и каждого к Господу, хотя и именуют Его «высшей силой», чтобы не спугнуть тех,

кто не является католиками или кем-нибудь еще. И я понимаю, что Томми сейчас будет говорить о Боге.

— Разумеется, — отвечаю я, понадеявшись, что разговор окончен и теперь мы сможем спокойно пройти обратно до больницы.

— Можно просто пойти на пляж и полюбоваться океаном, и это будет проявлением духовности — говорит он, сохраняя полное спокойствие. — Или — в зоомагазин, опуститься на пол и поиграть со щенками, или просто побыть на природе и вдыхать аромат цветов.

Для гетеросексуала Томми слишком впечатлителен, и эта его лекция о духовности даже вызывает у меня улыбку. Я вынуждена признать, что сидеть на пляже, играть со щенками и нюхать цветы — чертовски здорово. И я даже не могу вспомнить, когда делала это в последний раз.

Сегодняшняя группа ничем не отличается от вчерашней, просто сегодня каждый из выступающих решает по своему усмотрению, кто будет говорить дальше. Я сижу, обрываю заусенцы и чувствую себя в полной безопасности, потому что, как мне кажется, мне прекрасно удастся оставаться незамеченной. Чему я очень рада с момента начала сборища, потому что мне приходится выслушивать очередную хренотень. Оказывается, «розовое облако» — это такое место, куда попадаешь, когда ведешь здоровый образ жизни, и все вокруг кажется настолько прекрасным, что даже приходится щипать себя, чтобы удостовериться, будто не спишь, а добрая половина обитателей «Пледжс» клянется, что они там побывали. Я, наверное, никогда не пойму, почему эти люди придумывают столь смехотворные названия — им же не ставят оценки за то, как они ведут себя во время реабилитации. «Может, они просто актеры, — думаю я. — Как и все в Лос-Анджелесе».

Наконец, наступает черед красавчика. Сначала он представляется — «Джастин, алкоголик», — потом произносит следующее:

— Должен сказать вам правду: я не знаком со всей этой белибердой насчет розового облака. — Он отбрасывает волосы со лба, и в этот момент я в него влюбляюсь. Потому, что у него такие красивые скулы и потому, что он, судя по всему, единственный в этой комнате, кто говорит правду. — Я скучаю по коже каждой клеточкой своего тела. Мне не нравится вести здоровый образ жизни. Просто для меня это настолько... неестественно.

— Это в тебе говорит твоя болезнь, — вставляет Томми.

Я ожидаю, что Джастин сейчас резко ответит, сказав, что болезнь не может говорить, и большинство людей вообще не верит во всю эту хрень, но он, напротив, согласно кивает.

— Я знаю — это так, и знаю, что это чувство пройдет, такое уже было, просто меня... бесит, что я болен. Мне кажется несправедливым, что мои друзья спокойно могут ходить на вечеринки без того, чтобы оказаться в конце концов в компании таких придурков, как вы.

Я-то думала, что все сейчас обидятся, а они только кивают и смеются, а Робин даже хлопает в ладоши. «Наверное, она хочет с ним переспать», — приходит мне в голову вполне логичная мысль. Но мне совершенно непонятно, что творится со всеми остальными. Получается, будто они знают, что они — «придурки», и находят это забавным! Обычно, когда люди осознают подобные вещи, это их сильно тревожит, но ни в коем случае не забавляет, думаю я. Даже сам Джастин хохочет, и я чувствую, как его поведение начинает меня невероятным образом смущать. Он показался мне таким классным, хотя вполне возможно, что он такой же псих, как и все остальные. По крайней мере, это объясняет, почему у него такой чертовски жизнерадостный вид, несмотря на то, что он сейчас сказал, как его все бесит.

И в тот момент, когда я раздумываю над тем, заслуживает ли Джастин быть обожаемым мною, я слышу, как он произносит мое имя. Я одновременно шокирована, польщена и перепугана, хотя пытаюсь оставаться спокойной.

— Я — Амелия, наркоманка, — начинаю говорить я и делаю паузу, чтобы все в унисон повторили мое имя, как ученики какой-нибудь школы для «особых» детей. Мой страх перед выступлением внезапно улетучивается, уступая место раздражению, гневу и нежеланию быть такой же душой, как все остальные. — И я, черт побери, тоже считаю все это полной хренью. Я не понимаю, зачем я здесь. — Тут я, к своему ужасу, начинаю плакать, и до меня вдруг доходит, что уже не могу остановиться. — Так не должно было случиться, — произношу я сквозь сотрясающие меня рыдания. — Я не должна была оказаться здесь. Я из хорошей семьи. Мои родители уважаемые люди. Мне следовало быть умнее. — И я драматически заканчиваю тираду сокрушающим всхлипом, а гей Питер хлопает меня по спине. Когда же я поднимаю глаза, я вижу, что все молча смотрят на меня.

— Амелия, — мягко говорит Томми. — Выбери следующего.

Слезы все еще текут у меня по лицу, когда я показываю на Гавайскую Тропиканку.

— Я — Робин, алкоголичка, — говорит она. И вдруг поворачивается ко мне. — Знаешь, Амелия, я хочу сказать тебе большое спасибо за то, что ты с нами поделилась. Ничего откровеннее и прекраснее я в жизни не слышала. Я ведь чувствовала все то же самое, когда попала сюда. Так что еще раз спасибо тебе. Ты напомнила, почему я так благодарна судьбе, что я здесь.

Мне хочется сказать Робин, что она пробыла в этом месте не больше недели, но в то же время в сердце у меня что-то всколыхнулось, и на долю секунды меня осенило: возможно, мое место здесь. Если даже эта эксцентричная модель, некогда щеголявшая в бикини и с фальшивыми сиськами, чувствовала то же самое всего неделю назад, а сейчас хлопает в ладоши, когда ее называют придурочной, то, может, у меня есть шанс чему-то у этих людей научиться, и мои страдания закончатся.

Дальше рассказывает Джоэл, и Томми объявляет, что пора сворачиваться. Потом смотрит на меня.

— Прежде чем мы закончим, мне хотелось бы поблагодарить тебя за искренность, Амелия.

Меня уже начинает приводить в смущение все это внимание, чего прежде со мной никогда не случалось.

— Этой болезни не удалось избежать ни заключенным, ни выпускникам Йейля, — продолжает Томми, глядя мне прямо в глаза. — И это не твоя вина. Разве больные раком мучают себя мыслями, почему заболели? — Его явно понесло, потому что он добавляет: — Запомни, твоя болезнь может принимать всевозможные формы, и убеждать себя в том, что ты дерьмо, только потому, что сидишь сейчас на раскладном стуле в реабилитационном центре, является как раз одной из них.

Я улыбаюсь Томми. Возможно, в его словах действительно что-то есть. А может, меня чуть-чуть обрадовало то, что выпускники Йейля, тоже в конце концов оказываются в реабилитационном центре.

Группа заканчивается: мы держимся за руки и произносим молитву о безмятежности и покое, которую я слышала до того, как появилась здесь, лишь однажды, в начальных строках песни Шинед О'Коннор. И вынуждена признать, что она успокаивает меня гораздо больше, чем все молитвы, которые я читала когда-то в храме. Кроме того, у нее есть дополнительное преимущество: она не на иврите.

Я наклоняюсь, чтобы подобрать сигареты. В этот момент ко мне подходит Робин и обнимает меня.

— Большое тебе спасибо, — говорит она, не разжимая объятий.

— Тебе спасибо, — искренне отвечаю я, удивляясь самой себе, что не попыталась выбраться из ее рук.

— Я тебя люблю, — говорит она. Я аж вздрагиваю. Уже через несколько дней я обратила внимание, что люди здесь объясняются друг другу в любви почаще некоторых молодых людей. «Спасибо, что передал соль, — можно услышать

от кого-нибудь за кофейным столиком, — я люблю тебя». Или: «Меня привел в трепет твой рассказ. Я люблю тебя». А сейчас впервые за все время кто-то обратился с этими словами ко мне.

И тут происходит самое невероятное.

— Я тоже тебя люблю, — говорю я, и, хотя понимаю, что произношу это скорее из чувства долга, но как только эти слова слетают у меня с языка, я сразу же чувствую огромное облегчение, которого не испытывала уже много-много месяцев.

Не знаю, когда именно я стала воспринимать центр как самое нормальное место на земле, потому что это произошло само по себе. Казалось, только что я была в ужасе от своей соседки по комнате — чернокожей женщины среднего возраста из Вегаса, которая кричит во сне, а через три дня уезжает, поняв, что вполне в состоянии «время от времени» курить крэк*. И тут же я помогаю накрывать на ужин стол, без малейшего возмущения выслушивая жалобы Джозла на то, что у него три месяца не было секса. Дни и ночи в «Пледжс» отличаются такой эффективной последовательностью — застолье, группа и прогулки происходят изо дня в день в одно и то же время — что всего через несколько дней понимаешь, какое это счастье, когда кто-то говорит тебе, что нужно куда-то идти и чем-то заниматься. Я даже поймала себя на том, что стала употреблять их дурацкие словечки — и, видимо, тоже неосознанно — и, кажется, впервые за все время, что я себя помню, я чувствую себя счастливой. Меня даже несколько позабавило, когда я узнала, что есть два «Пледжс» — один в Малибу (и там есть конюшни и кинозвезды), а второй — вот этот самый, в котором лечение стоит в шестнадцать раз дешевле, и поэтому обитатели с нежностью называют его «Гетто Пледжс».

---

* Наркотик растительного происхождения, производимый из коки.

Я не буду спорить, что присутствие такого красавца, как Джастин, тоже сыграло немаловажную роль. После той «группы», когда я рассказала, как я всех и все ненавижу, он предложил мне прогуляться. Мы гуляли, курили и болтали обо всем на свете. Оказалось, что он родом из Палисейдс, приехал учиться в Университете Южной Калифорнии, но, за исключением некоторых моментов, наши с ним жизни складывались почти одинаково. До того как Джастин пристрастился к коке, он был сценаристом и продюсером и теперь делал все возможное, чтобы вернуться в бизнес. Мы поочередно убеждали друг друга в том, что как его, так и моя работа, безусловно, в нас нуждаются, и мы вновь займемся делами, как только очистимся и станем вести здоровый образ жизни. И я не успела опомниться, как Джастин стал моим лучшим другом в центре. Я всегда старалась не давать волю своей безумной симпатии к нему — Томми настоятельно предупреждал нас о том, что случается, когда люди заменяют наркотики сексом, и буквально умолял нас воздерживаться от этого, пока мы будем проходить курс лечения. Я была в шоке, когда обнаружила, что, несмотря на то, какой образ жизни вела последние лет двадцать, все еще строго выполняю все правила.

И вот однажды мы с Джастином долго и упорно созываем всех на «группу», и я вижу, что Томми ведет по подъездной аллее по направлению к баскетбольной площадке новенькую. Однако, в отличие от предыдущих новичков, которые шли с опущенной головой и в болтавшейся на костлявых телах одежде, эта была на шпильках, в облегающих штанах из спандекса и обтягивающей майке с леопардовым рисунком — наряд довольно элегантный, но тем более шокирующий, потому что этой особе уже явно перевалило за сорок. И тут я вздрагиваю, потому что понимаю, что это обтянутое леопардовым спандексом чудо — Вера, снабжавшая меня наркотиками еще до того, как я познакомилась с Алексом.

— Вера! — кричу я и бросаюсь обниматься. Она рассматривает меня вопросительно и даже несколько ошарашенно. Томми переводит взгляд с меня на нее.

— Так вы знакомы? — восхищенно спрашивает Томми. Его приводит в восторг все, что, по его мнению, может помочь людям вести правильный образ жизни.

— Да, я... — и я уже собираюсь пуститься в рассказ о том, как познакомилась с Верой на одной вечеринке в Беверли, где она всю ночь бесплатно угощала меня кокой, но она заговорщицки подмигивает, и я закрываю рот. Я пробыла здесь уже несколько недель, поэтому знаю, что мы можем смело рассказывать о своих самых ужасных грехах и у нас не будет никаких неприятностей. Я ведь собственными ушами слышала, как Питер, этот хихикающей гомик, оказавшийся по-настоящему классным парнем, рассказывал о том, как мужчины-проститутки в бане вводили ему героин через задницу — но Вера же пока ничего этого не знает.

— Да, мы посещаем один и тот же храм, — довольно убедительно отвечает Вера. Лицо Томми буквально светится от восторга, и на нем отражается даже некоторое смущение: ведь я-то говорила, что больше десяти лет туда не ходила.

— Да, мы посещаем один и тот же храм, — говорю я, не сильно переживая из-за этой лжи, потому что, если бы действительно посещала храм в Лос-Анджелесе, кто-нибудь обязательно познакомил бы меня с Верой. Просто здесь, в центре, все только и долдонят о том, что нужно быть «честным» и что «тайны усугубляют болезнь», поэтому с некоторых пор я чувствую себя до крайности неловко, если приходится лгать.

Несмотря на показную уверенность Веры, ее кричащий наряд и весь внешний лоск, по ее глазам я вижу, что на самом деле она чертовски напугана. В «Пледжс» все только и делают, что «отдают всех себя» и «помогают другим», поэтому если поначалу мне казалось нечестным заставлять нас мыть за собой посуду и драить сортиры — будто они уборщиц нанять не могут — то потом с удивлением обнаружила, что мне по-настоящему приятно что-то для кого-то делать. Потому как в такие моменты меня оставляют мысли о том, что я стала наркоманкой, которая в тридцать лет ока-

залась в реабилитационном центре. А после, когда эти мысли возвращаются, они уже не угнетают меня так сильно.

— У нас еще осталось несколько минут до начала «группы», — говорю я Томми. — Почему бы нам с Верой не прогуляться? Я объясню суть дела.

Томми кивает и улыбается, Вера же с явным облегчением позволяет взять себя за одну из обтянутых спандексом рук и вывести туда, куда повел меня Томми в тот день, когда мы обсуждали состояние моей духовности. До «Пледжс» я никогда в жизни не употребляла таких выражений, как «суть дела», и не только из-за того, что это штамп, а еще и потому, что звучит отвратительно. Однако по мере своего пребывания здесь я стала менее требовательна к себе.

— Слушай, здесь здорово, просто поначалу немного угнетает, — объясняю я Вере, зажигая две сигареты и передавая ей одну из них. — Я сама первые несколько дней была просто в шоке. Единственное, что меня утешало, так это когда Томми говорил что-то вроде: «Когда приезжаешь сюда впервые, это настолько не похоже на все, что ты делал раньше, все равно что прогуляться по луне». И эти слова помогли мне понять, что первоначальные смятение и депрессия — совершенно нормальное явление.

Вера нервно курит, разглядывая движение транспорта по Венецианскому бульвару.

— Все это, конечно, просто супер, но я приехала сюда скрыться от тюрьмы.

— Так тебя накрыли? — спрашиваю я, и Вера кивает. Здесь есть два наркодиллера — мужчины, которых тоже накрыли и которые пытались убедить судью скостить срок, если они пройдут тридцатидневный курс лечения. Но они, когда попали сюда, действительно хотели избавиться от зависимости. И как же чудесно было наблюдать за тем, как эти нехорошие ребята на глазах становятся мягкими и пушистыми.

— Слушай, у меня просьба: ты не могла бы никому не говорить, что покупала его у меня? — спрашивает Вера.

— Да им это совершенно безразлично, — отвечаю я. — Здесь никого не осуждают.

— Просто не хочется светиться, — говорит она, и я улыбаюсь, потому что уже знаю, что убеждать в чем-либо алкоголика или наркомана — а они все немного параноики, зацикленные на себе и терзающиеся страхом разоблачения (да я и сама такая), — совершенно бесполезно.

— Не вопрос, — отвечаю я. И не более чем на долю секунды с нежностью вспоминаю розовые канцелярские листочки, в которые она заворачивала кокаин.

— Не знаю, следовало ли мне сюда приезжать, — вдруг говорит она, стремительно переводя взгляд со здания центра на улицу, как будто прикидывая, возможно ли удрать. У нас тут на днях сбежал один парнишка, Джек: сначала заселился, а потом посреди «группы» сорвался с места, сел в свой грузовик и был таков. Тогда я узнала, что насильно здесь никого не держат. Томми говорит, что реабилитация предназначена для людей, которые в ней действительно нуждаются. Но сейчас я решила не делиться с Верой этой мудростью.

— Может, тебе просто побыть здесь денек и посмотреть, каково это? — предлагаю я. — Ну а потом, если тебе здесь все-таки не понравится, ты вполне сможешь это исправить.

Вера кивает, и я мысленно хлопаю себя по спине в знак одобрения, что привела те же аргументы, которые говорил Томми, когда Питер клялся, будто умрет, если немедленно не уйдет отсюда и не примет метамфетамин.

И, одной рукой обвив Веру за талию, я веду ее обратно к воротам «Пледжс», поражаясь тому факту, что обнимаю обтянутую спандексом бывшую торговку наркотиками, скалясь при этом, как маньяк.

Позже в тот вечер нас пригласили на мини-собрание в глубине территории «Пледжс», где собираются «выпускники» — бывшие пациенты этого заведения. Как только ты «заканчиваешь обучение», собрания выпускников происхо-

дят здесь круглосуточно, и ты можешь посещать их сколько душе угодно. И возможность хотя бы раз в неделю пообщаться с ними — это все равно что ребенку получить разрешение посидеть за одним столом со взрослыми. В книге про «Пледжс» рассказывалось, что это процесс довольно тяжелый, то есть нужно составлять списки неприятных людей и просить у них прощения. Выпускники готовы показывать, как это делается, то есть «оказывать услуги». Тем самым они избавляются от собственных проблем. А смысл этой затеи в том, что однажды мы и сами окажемся на их месте. Я должна искать «кого-нибудь, у кого есть то, что мне нужно», но, поскольку единственное, что мне сейчас по-настоящему нужно — это умение вести здоровый образ жизни, а, судя по всему, им обладают все выпускники, я не уверена, по какому критерию мне следует производить отбор.

— Мне нравятся Усы, — шепчет мне на ухо Джастин, пока люди собираются в «группу». Мы целиком сосредоточились на поиске выпускников, и он кивает головой в направлении симпатичного стройного парня с закрученными кончиками вверх усами. У Усов слегка удрученный вид, но я с энтузиазмом улыбаюсь Джастину.

— Только пообещай, что он не убедит тебя отращивать такие же, — шепчу я, и Джастин качает головой, приложив руку к груди. Джастин вполне может хоть бороду отрастить и остаться при этом красавцем, но его неизменная щетина — такая радость для женского пола, что ее лучше ничем не портить.

Рядом с Усами сидит девушка с коротко подстриженными каштановыми волосами, похожая на эльфа, и я тут же решаю для себя, что она-то и будет моим руководителем. Потом меня сразу же начинают терзать сомнения, что ее уже перехватили или она откажется, потому что я ей не понравлюсь или Вера, Робин и остальные девушки тоже захотят обратиться к ней с этой просьбой, и ее просто на всех не хватит. Но также понимаю, что это маловероятно. Хоть Томми то и дело долдонит о том, как важно иметь подобных руко-

водителей, большинство из нас не торопится с этим вопросом.

Все собрание я наблюдаю за девушкой-эльфом. Она ничего не рассказывает, зато всем улыбается, а по окончании собрания я сразу же бросаюсь к ней и прошу ее стать моим наставником. Она кивает и улыбается.

— Кстати, — сообщает она, обнимая меня. — Меня зовут Рэчел, героин. Стаж — пять с половиной лет.

— А я — Амелия, — говорю я, пожимая ей руку, хотя мы только что обнялись. — Заядлая кокаинщица. Двадцать один день. — В центре это стандартная форма знакомства друг с другом. Из алкоголиков здесь мало кто появляется — остался только Стэн, парень, с которым я познакомилась в день моего прибытия сюда — поэтому достаточно сказать, какой наркотик ты употреблял и сколько времени, и это уже многое прояснит. Иногда даже сам угадываешь, какие наркотики человек употреблял: метамфетамин — люди часто дергаются и моргают, кокаинщики, как правило, отличаются маниакальной энергией, отчего создается впечатление, что они все еще под кайфом, героинщики же с виду очень вялые, родом, как правило, из Силвер-Лейк или Лос-Фелис*, но все, в отличие от принимаемых наркотиков, прекрасно друг с другом уживаются.

— Что ж, мисс Амелия, кокаинщица, — произносит она. — Вы считаете, что наркотики и спиртное превратили вашу жизнь в ад?

— Скорее всего, — отвечаю я. Отчасти я ненавижу себя за такое подбострастие, но в то же время мне приятно, что не всегда приходится вести себя столь вызывающе, как раньше.

— Мы прекрасно поладим, — говорит она и с улыбкой уходит.

---

* Небольшие городки в штате Калифорния.

В день своей выписки я решаю проверить сообщения на своем телефоне. Все здесь то и дело с маниакальной одержимостью проверяли свою головную почту, я же практически убедила себя в том, что меня и не существовало вовсе до того, как я попала в «Пледжс». Мы то и дело рассуждаем о том, что заново родились здесь, но я решила, что и впредь буду думать, будто все, что произошло со мной до этого, случилось на самом деле не со мной. Даже когда я рассказываю обо всем в группе и после группы в курилке — про девушку, которая весь рабочий день нюхала кокаин, потом спешл-кей с какими-то незнакомцами, а потом отрубилась у мусорных баков — у меня создается впечатление, будто я говорю о ком-то другом, о какой-то своей бывшей проблемной знакомой, но только не о себе. Здесь, в центре, я узнала, что вовсе не такая, какой, по моему мнению, являюсь. Что я скорее нервная и впечатлительная, а вовсе не стервная и скандально известная. К тому же я начала понимать, что помимо всего прочего я еще надежная и чуткая, и мне совершенно не наплевать на окружающих. Я содрогаюсь при воспоминании о том, как вела себя со Стефани, Брайаном и всеми остальными, но Томми с Рэчел твердят, чтобы я не сожалела о прошлом и что когда буду готова, то со всем этим справлюсь.

Но в последний день я понимаю, что акклиматизация к прошлой жизни пройдет гораздо менее болезненно, если я заранее справлюсь с сообщениями или хотя бы удостоверюсь, что мне никто их не оставил. Поэтому я заставляю себя набрать номер, хотя трубка таксофона весит целую тонну. Я так привыкла слышать, как холодный компьютерный женский голос информирует меня о том, что у меня нет сообщений, что буквально прихожу в шок, когда их оказывается двадцать три. Господи, да мне за весь предыдущий год вряд ли позвонили столько людей.

«Амелия, это Стефани», — слышу я, приготовившись к словесным оскорблениям. Но дальше она произносит следующее: «Я слышала, что произошло в “Эбсолютли фэбьюлос”. Господи, какая глупость. Какая же я дура — отправила тебе это письмо, тоже мне, снежная королева. Ты мне позвонишь? Мне еще кто-то сказал, будто бы ты в реабилитационном центре! — И тут она делает акцент на этом слове, дико расхохотавшись. — Пожалуйста, позвони и дай знать, что с тобой все в порядке. Ты сейчас на севере, у родных?»

Я нажимаю цифру 2, чтобы сохранить сообщение, хотя понятия не имею, что ей скажу. «Реабилитационный центр» она произнесла как «школа пантомимы» или «тюрьма». Она считает, что подобное невозможно. Помню, до того, как попала сюда, я думала точно так же.

Остальные сообщения оставлены случайными знакомыми, некоторые из которых услышали, что меня уволили, а другие просто решили это проверить. Я неожиданно для себя понимаю, что на самом деле знакома с людьми, которым на меня не наплевать, а я столько времени мучилась одиночеством, считая, что меня ненавидит весь мир. Видимо, это та самая «логика алкоголика», о которой постоянно говорит Томми. В одной из первых «групп» кто-то сказал, что алкоголики и наркоманы воспринимают все в черно-белом цвете, то есть либо все ужасно, либо замечательно. Либо мы любим, либо ненавидим, а то, что в жизни еще мно-

жество переходных тонов, обыкновенных нормальных событий и людей, не доходит до нашего сознания, потому что нам это или просто не дано, или мы создаем вокруг себя ореол жертвы. Я вдруг по-настоящему глубоко прочувствовала это «откровение», так же как и все те, которые мне приходилось слышать о том, как наше сознание постоянно убеждает нас в том, чего на самом деле нет, только для того, чтобы мы страдали еще сильнее. Томми называет это «зверем», Джастин любит говорить: «Твое сознание — опасное место, не ходи туда одна!» И сейчас, когда я стою здесь и прослушиваю сообщения, оставленные в моей прошлой жизни, своими новыми ушами, все эти незначительные комментарии и откровения, которые мне довелось услышать за последние четыре недели, начинают накапливаться во мне и приобретают еще больший смысл, чем тогда, когда я их впервые услышала.

Прослушав сообщения, оставленные на моей домашней голосовой почте, я проверяю свой коммуникатор, который Кимберли вернула мне утром без всяких церемоний. И вот тут-то я буквально выпадаю в осадок.

«Амелия, дорогая, это Тим Бромли, полагаю, вы меня помните», — слышу я голос, который никогда не забуду.

Не могу поверить, что это действительно произошло. Томми не раз говорил о том, что если мы будем вести здоровый образ жизни, то все наши мечты обязательно сбудутся, но он также не раз упоминал, что в течение первого года не следует завязывать никаких серьезных отношений. Я точно знаю, что могу сделать исключение для прекрасного англичанина, по которому я так чахла, но все же пытаюсь сохранять спокойствие, прослушивая сообщение до конца.

«Я не собирался оставлять это сообщение на автоответчике, просто до меня дошли эти слухи про «Эбсолютли фэбьюлос».

Сердце упало так же стремительно, как подскочило, когда я поняла, что он звонит только затем, чтобы выразить сочувствие по поводу моего увольнения. И на долю секун-

ды я ощущаю к нему ненависть, потому что нет ничего ужаснее жалости.

Он продолжает:

«Что ж, их убытки могут обернуться прибылью. У вас невероятная жизнь, от вас можно услышать совершенно удивительные вещи. Не хотите вести в «Чэт» колонку о своих увлекательных и безумных приключениях? Я буду платить вам за это больше, чем вы получали за все эти дрянные статьи про знаменитости. И потом — надеюсь, эти слова не покажутся вам такими уж напыщенными — но эта работа поможет вам проникнуть в культурную стратосферу, вы сможете сделать себе имя. Позвоните мне, как только прослушаете сообщение, хорошо? Да, кстати, я уже придумал великолепное название для колонки. — И он делает театральную паузу, хотя момент и без того достаточно драматичный. — «Тусовщица». Что вы об этом думаете? Просто это звучит так искренне интригующе и так вам подходит.

Я чуть ли не подпрыгиваю до потолка от радости, когда иду на свою последнюю «группу». Погода так разгулялась, что все, в том числе и Томми, сидят в шортах, и меня переполняют надежда и радость, будто моя жизнь только что перешла в какую-то солнечную фазу, в которой нет никаких проблем. Я умираю от желания поделиться новостью — про сообщение, оставленное Тимом, — но Томми начинает «группу» на предельно серьезной ноте, как бывает всегда, когда кто-нибудь уходит.

— Позволь сказать тебе, Амелия, что хоть я и горжусь тобой, но ты только-только вступила на свой правильный путь, — говорит он, стараясь не отводить от меня глаз. — Запомни, мы — все равно что инвалиды, которым отрезало ноги и новых у нас уже никогда не будет.

Ну и мерзкий же тип этот Томми, нашел способ поздравить меня с тем, что мне удалось выжить — хотя по большей части я здесь расцвела — в течение тридцати дней

в этом далеко не великолепном реабилитационном центре. И хотя он на моих глазах проделал тот же самый номер с Джастином и Робин, да и вообще с каждым, сейчас это прозвучало как-то особенно резко.

— Статистика людей, ведущих здоровый образ жизни, невероятно обескураживает, — продолжает он. — Большинство из нас в нее не входят. Сегодня, по прохождении тридцатидневного курса интенсивной программы, тебе это кажется невообразимым. Но там, в настоящем мире, когда ты снова вернешься к своей обычной жизни, на передний план выйдет другое. Может, ты получишь работу, о которой всегда мечтала, или встретишь мужчину всей своей жизни, и тогда позабудешь об этом только потому, что стала другой.

— Вообще-то я... — пытаюсь я что-то сказать, но Томми продолжает, подняв палец:

— Ты даже не знаешь, сколько людей говорят то же самое, когда уходят отсюда, — изрекает Томми. — А потом возвращаются — через год или даже через месяц. Алкоголизм и наркомания — коварные и серьезные заболевания, именно поэтому они так опасны.

Конечно, это омерзительно — так испортить мне настроение в последней «группе» — но я, кажется, понимаю, почему Томми так поступает. До нас то и дело доходили слухи о том, что человек сорвался или «соскочил». Но Томми пообещал нам, что если мы будем ежедневно посещать собрания, будем предельно честными, работать со своими наставниками и ежедневно кому-то помогать, то сможем выдержать. И хотя я целиком и полностью с этим согласна, но уже могу сказать, что люди вроде Веры и Робин, которые поговаривали о том, чтобы вместе открыть фирму по организации вечеринок во всевозможных голливудских клубах, относятся к этому несколько по-иному. Рэчел постоянно подчеркивала, что, если я «не хочу ничего потерять», моей «первичной целью» должен стать здоровый образ жизни, и я говорила, что вполне справлюсь. Я постоянно убеждала

ее, что ей не нужно беспокоиться из-за меня, так как мне вообще никогда не нравилось пить, а уж одна мысль о коке в данный момент действительно внушает мне подлинное отвращение.

Когда Томми замолкает, я рассказываю о сообщении Тима и о том, как я счастлива, что вступила в эту новую фазу своей жизни. По окончании «группы» я подхожу к Томми, чтобы еще раз посмаковать эту новость.

— Это замечательно, Амелия, — говорит он, как будто я похвасталась, что только что опорожнила пепельницу, битком набитую окурками.

— Томми, ты, кажется, не понимаешь, — начинаю я. — В моей профессии получить предложение вести колонку в одном из крупнейших и лучших глянцевого журналов в мире значит очень и очень многое. — Я понимаю, что говорю снисходительным тоном, и это особенно неуместно, если учесть, что Томми буквально в одиночку спас мне жизнь, но мне так хочется, чтоб он заключил меня в объятия и поздравил.

Но он только спрашивает:

— Ты говоришь, что будешь писать в этой колонке о своих «безумных приключениях?» — Я киваю, и он продолжает: — Учитывая, что твоя главная теперь цель — вести здоровый образ жизни и помогать людям, я не представляю, откуда ты возьмешь все эти «безумные приключения».

Поразительно, но эта мысль не приходила мне в голову. И только я собираюсь впасть в уныние из-за того, что мне придется оставить лучшее из всех возможных предложений, о которых я могла раньше только мечтать, не успев к ней даже приступить, я вдруг понимаю, что у меня достаточно богатое прошлое, от которого можно будет оттолкнуться.

— Томми, того, что у меня уже было, хватит на десять тысяч колонок, — говорю я, и он наконец-то улыбается.

— Можешь не рассказывать, — смеется он, наконец. — Я достаточно наслушался за последний месяц!

Мы обнимаемся, и я поочередно прощаюсь со всеми, кто находится в комнате.

Робин с Питером рыдали, когда уходили. Я никогда не была ревой — ни в школе, ни в лагере. Но когда ко мне ковыляет на своих шпильках обтянутая спандексом Вера, плачет и говорит, что будет по мне скучать, я чувствую, как на глаза наворачиваются слезы. «Ну что, мир, — думаю я, — я иду».

— **Н**е хотите, чтобы на контракт взглянул ваш адвокат? — спрашивает меня Тим, откинувшись на спинку своего кресла и положив на стол ноги в кроссовках «Конверс». Мы сидим в его угловом кабинете в пентхаусе на Сансет, намеренно нероскошном и элегантном, уставленном книгами по СМИ и политике, большинство из которых, видимо, были написаны лучшими друзьями Тима. И даже то, что он надел прекрасный полосатый костюм от Армани с кроссовками «Конверс», нисколько не уменьшает мою симпатию к нему. Однако сейчас, когда остались считанные минуты до того момента, как он станет моим боссом, во мне что-то изменилось: он больше не сводит меня с ума.

Мне льстит, что Тим думает, будто я такая деловая значительная персона и даже имею собственного адвоката, но, если учесть, что у меня даже нет своего стоматолога, и я в любом случае с радостью поставлю свою подпись на пунктирной линии в контракте, я только качаю головой и знаком показываю, чтобы он дал мне ручку.

Тут в кабинет заходит издатель «Чэт», Джон Дэвис.

— Могу я одним из первых поздравить первую и единственную «Тусовщицу» «Чэт»? — спрашивает он, обнимая меня.

— Джон, вы даже не представляете, как я благодарна вам обоим за эту возможность, — отвечаю я. — Тим рассказал

мне, что, когда ему пришла в голову мысль нанять меня на работу, вы сразу же ее поддержали.

— Не нужно меня благодарить, — говорит Джон. — Надеюсь, что я буду первым, кому вы пожмете руки, когда станете всемирной знаменитостью.

И хотя в данной ситуации я должна была бы ощущать сильнейшее напряжение, на меня почему-то снисходит странное спокойствие. Может, это потому, что я уже тридцать пять дней веду здоровый образ жизни — сроду бы не подумала, что такое возможно — но на самом деле я просто нисколько не сомневаюсь в своих способностях вести эту колонку. И то, что они собираются платить мне 2500 баксов в месяц, когда я буду писать, все что мне взбредет в голову — ни тебе интервью, ни прослушивания пленок — просто Божья благодать, хотя я ее вполне заслуживаю.

И пока Джон разглагольствует о том, какая это будет сенсация и что моя колонка побьет Кэндас Бушнелл, Хелен Филдинг и даже «Дьявол носит Прада», я в это время прикидываю, стоит ли говорить им о том, что я теперь веду здоровый образ жизни, поэтому не могу представить, как соединить мою новую жизнь со всеми этими безумными приключениями. С тех пор как я покинула реабилитационный центр, я только и делала, что играла со своими кошками, встречалась за кофе с Джастином и Рэчел и ездила на собрания в «Пледжс», но Тим совершенно четко дал понять, что нисколько не против, если я буду черпать материалы из своего прошлого.

— Мне безразлично, случилось это прошлой ночью или в прошлом году, главное — чтобы это было на самом деле.

Подписав контракт, я говорю Тиму, что сдам материал к концу недели, чувствуя себя при этом самой что ни на есть Кэрри Брэдшоу из «Секса в большом городе», только без Маноло, прекрасной квартиры и трех повернутых на сексе лучших подруг.

— Мне нужно тебе кое-что сказать, — говорит Джастин, заказав двойное латте и закулив «Кэмел лайтс». Мы с ним

сидим в «Старбакс», и каждый впервые после выхода из больницы готовится к встрече с друзьями, с которыми виделись в последний раз до нее.

Я собираюсь встретиться со Стефани, а Джастин хочет пообедать со своим старым товарищем Джейсоном, с которым они вместе арендовали квартиру, так что сейчас мы заняты тем, что Рэчел называет «взаимовыручкой», то есть вместе готовимся к чему-то значительному и важному, одновременно планируя обсудить это событие по его окончании. Я ощущаю странное спокойствие перед встречей со Стефани, а вот Джастин совершенно выбит из колеи из-за предстоящей встречи с Джейсоном.

В центре он часто вспоминал про Джейсона, в особенности, что тот терпеть не мог, когда Джастин выпивал, из-за чего дело чуть ли не доходило до драки. И хотя Джастин пока еще находился в Доме Трезвости близ «Пледжс», он планировал обсудить с Джейсоном возможность его переезда к нему.

— Ты хотел мне что-то сказать?.. — спрашиваю я, обмакнув палец в латте на предмет проверки его температуры. — Черт, — говорю я, облизывая с пальца горячую жидкость.

— Я о... — Джастин как-то мнется, таким я его еще не видел.

— О чем? — меня тут же охватывает паника. А вдруг он сейчас осознается, что периодически убегает из Дома Трезвости, чтобы покурить метамфетамин. — Ты сорвался?

— Господи, заberi свои слова обратно, — отвечает Джастин, покачав головой.

— Ну, а что тогда? — спрашиваю я. — Что бы это ни было, вряд ли это так уж плохо. Помнишь, что говорил Томми? Все в этой жизни банально.

Джастин кивает и опускает глаза.

— Мы с Джейсоном не просто вместе арендовали квартиру, — начинает он, и не успел он договорить последнее слово, как я уже знаю, о чем будет его великая исповедь, и, в общем-то, меня это даже не удивляет.

Я должна была догадаться. Потому что, когда Джастин рассказывал про свои свидания, он всегда говорил не «он» или «она», а «этот человек». И, разумеется, несколько странно, что тридцатипятилетний мужчина живет вместе с другим мужчиной, уж не говоря о том, что они с ним вечно скандалят. И хотя еще в первую нашу встречу я почему-то фантазировала, что когда-нибудь наша дружба трансформируется в настоящую любовь, что-то внутри меня изначально опровергало подобный поворот событий, видимо, какое-то шестое чувство подсказывало, что он «сориентирован» несколько в ином направлении.

— Я знаю, — говорю я.

— Правда? — спрашивает он с огромным облегчением. — Но как ты догадалась?

Я улыбаюсь.

— Солнышко, я ведь живу в Вест-Голливуде, а выросла на окраине Сан-Франциско. Так что мы, натуралы, здесь, скорее, в меньшинстве.

Джастин смеется.

— Я знаю, иногда действительно создается такое впечатление, — соглашается он. — Но я нисколько не стыжусь. Хотя Джейсон считает, что мне стыдно. Но я думаю, это только потому, что у меня низкий голос и я не ношу облегающей одежды, поэтому все и принимают меня за натурала. — Он качает головой. — А натуралы говорят: «Ничего себе, ты совершенно не похож на гомика», — будто комплимент отвечивают.

— Ясно, — говорю я. — Когда кто-нибудь узнаёт, что я еврейка, я обычно слышу следующее: «Ты — еврейка? Но ты такая симпатичная!» И никогда не знаешь, то ли спасибо сказать, то ли послать ко всем чертям.

Джастин снова смеется.

— Я рад, что смог тебе это рассказать, — мягко произносит он, перестав смеяться.

Я широко улыбаюсь.

— Я тоже.

Он отпивает свой латте и слизывает с верхней губы пену.

— Хочу, чтоб ты знала: если мне когда-нибудь захочется переспать с женщиной, то это будешь ты.

— Что ж, если я когда-нибудь захочу переспать с геем, то хочу, чтобы это был ты.

— Заткнись! — восклицает он, бросая в меня салфетку. — Я серьезно.

— И я, — говорю, тоже швырнув в него салфетку.

— Мы точно ненормальные, — констатирует он, и мы оба хохочем, будто вынюхали несколько цистерн закиси азота. Мне на ум приходит выражение «под жизненным кайфом», и я хочу поделиться им с Джастинном, но сквозь хохот мне не удастся выдать из себя ни слова.

Мы со Стефани встречаемся у подножия Раньон Каньон. Это она предложила совершить пешую прогулку. И, если раньше я попыталась бы убедить ее заняться чем-то другим, то теперь знаю наверняка, что в Лос-Анджелесе — да и в целом мире — есть столько всего, чего я никогда не видела и о чем даже не знала, потому что выпивка доставляла мне гораздо большее удовольствие.

Я не знаю, как все пройдет: захочет ли Стефани обсудить со мной мое поведение с Гасом или будет вести себя так, будто ничего не произошло, но я точно уверена, что в любом случае попрошу у нее прощения. Теперь, когда у меня началась новая жизнь, я понимаю, как ужасно себя вела. И это началось гораздо раньше поцелуя с Гасом той ночью и на этом не закончилось. Теперь я начинаю понимать, что думала, будто мне все должны, если я чего-то хочу, и что я почти не соблюдала дистанции, общаясь с друзьями. Но я также научилась не бичевать себя за это. Рэчел постоянно напоминает мне о том, что алкоголики и наркоманы — эгоцентрики, и что я не плохой человек, а просто «больной». А сейчас выздоравливаю.

— Привет, — говорит Стефани, неловко обнимая меня, когда я подхожу ко входу в Гарден, где она меня уже ждет. — Прекрасно выглядишь.

— Ты тоже, — искренне отвечаю я. Я ведь раньше и не замечала, какая она симпатичная.

Мы идем в ногу, и я обращаю внимание на то, что наши шаги совершенно одинаковой длины. Я вспоминаю о том, что у женщин, которые много времени проводят вместе, одинаковый менструальный цикл. Это кажется мне отвратительным — ведь получается, что их организмы начинают друг под друга подстраиваться — и несмотря на то, что мы некоторое время не общались, наша со Стефани жизнь по-прежнему протекает по одной и той же колее.

— Стефани, я хочу извиниться перед тобой за то, что повела себя как последняя сука, — вдруг говорю я.

— Амелия, я тебя умоляю. Это же я написала то мерзкое письмо. Почему бы нам просто не забыть о случившемся и спокойно жить дальше?

Я останавливаюсь.

— Один момент. Сначала позволь мне сказать, что я очень сожалею о том, как себя вела... ну... я ведь делала только то, что хотела. Ходила, куда считала нужным, выбирала тех собеседников, с которыми хотелось говорить именно мне. А тот поцелуй с Гасом был вообще верхом эгоизма, поэтому мне очень жаль.

У Стефани приятно удивленный вид.

— Я по тебя соскучилась, — произносит она, вновь возобновляя шаг, я следую за ней чуть поодаль. — Мне было очень тяжело не общаться с тобой. Ну, а потом, когда я услышала, что у тебя произошло на работе и тебя отправили в реабилитационный центр и все такое прочее, я буквально не смогла удержаться. И позвонила.

— Я тоже по тебе соскучилась, Стеф, — говорю я. Мы останавливаемся, и я крепко ее обнимаю. — Я очень сожалею о своих поступках, — повторяю я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

Она тоже меня обнимает.

— И я. Мы можем снова стать подругами? — Я киваю, зная, что она почувствует мой кивок, потому что я сейчас

уткнулась ей в шею. Через несколько секунд мы разжимаем объятия, и я осведомляюсь о Джейн и Молли.

— У Молли все хорошо, а вот Джейн с головой ушла в коку, — отвечает Стефани, качая головой. — Мы почти не общаемся.

— Как грустно, — искренне говорю я, надеясь, что Джейн отыщет какое-нибудь место вроде «Пледжс». Хотя в то же время понимаю, что если она ничем не отличается от тех наркоманов, с которыми мне доводилось общаться, то мои звонки и уговоры ее только разозлят.

Мы со Стефани поднимаемся все выше на Раньон. Мне уже приходилось однажды совершать подобную прогулку, но тогда я была с тяжелого похмелья и даже не обратила внимание, что отсюда, сверху, виден почти весь Лос-Анджелес.

— Господи, какая красота, — восторгаюсь я.

Стефани кивает с несколько рассеянным видом. Потом говорит:

— Кстати, я сама стала пить намного меньше.

Я киваю: я ожидала услышать от нее нечто подобное, ведь если бы она не боролась со своими привычками, теперь я бы, наверное, осудила ее.

— Пожалуйста, не думай только, будто я превратилась в ярую ненавистницу людей, которые употребляют спиртное.

Я много об этом размышляла, потому что, когда только попала в центр, без устали трубила всем и каждому, что я думаю о законченных алкоголиках. Однако потом поняла, что и алкоголизм, и наркомания — это болезни, с которыми надо бороться. Просто алкоголики — это люди, не представляющие своей жизни без выпивки, а наркоманы — без дозы. Но сколько бы мы со Стефани ни кутили, в реабилитационном центре оказалась я, а не она. Именно в «Пледжс» я узнала, что существует большая разница между алкоголиками и людьми, которые просто много пьют.

Мы идем дальше, и вдруг Стефани останавливается.

— Да, кстати, чуть не забыла — меня же повысили, теперь я главный редактор.

— Господи, это потрясающе! — Я настолько привыкла принимать успехи других людей за личное оскорбление — будто они получили то, что по праву должно было принадлежать мне, неважно даже, обладаю ли я достаточными навыками или нужно ли мне это вообще — что мне самой как-то непривычно искренне радоваться за другого. — Поздравляю.

— Это просто какое-то безумие: чем больше я плюю на все, тем больше меня хвалят. Я же неудачница по определению.

И тут мне приходит в голову, что, возможно, Стефани гораздо более амбициозна, чем хочет казаться, и ругает себя в моем присутствии, так как знает, что я сравниваю себя со всеми, и мне это доставляет боль.

— Это просто смешно, — говорю я. — Да ты в двадцать раз умнее каждого из твоих коллег и тебе даже не надо пытаться это доказывать. Поэтому тебя постоянно и повышают.

Стефани улыбается, в то же время глядя на меня с недоумением.

— О'кей, может, скажешь наконец, кто ты такая и что ты сделала с Амелией? — спрашивает она, и мы обе начинаем смеяться.

— Поздравляю, — слышу я, вновь подходя к своему складному стульчику. Прошло несколько часов после нашей со Стефани прогулки, и мне только что вручили значок в «Пледжс» за два месяца здорового образа жизни. — Результат неплохой. — Пока остальные получают свои значки, я украдкой смотрю на говорившего и понимаю, что стою лицом к лицу с Дэмианом Мак-Хью, соседским мальчишкой-звездой, игравшим в дурацких комедиях, у которого проблемы с алкоголем, и он потратил на это больше денег, чем на карьеру. Ему пришлось пережить публичный бой с бутылкой — его рвало в барах, он облизывал лица репортеров —

пока я тут мучилась в «Пледжс». Тогда мы еще в шутку говорили, что «припасем» для него здесь место, поэтому я совершенно не ожидала, что однажды он появится здесь и пожмет мне руку, когда мне вручат значок.

— Я — Дэмиен, — говорит он, протягивая мне руку.

Я уже собралась сказать «я знаю», но вовремя вспомнила, что это не круто. — Амелия. — И с улыбкой пожимаю ему руку, но он не выпускает мою ладонь. — Рада познакомиться, — добавляю я, пытаюсь вырвать руку.

Собрание в этот момент сворачивается, и люди наперегонки мчатся наружу, чтобы накачаться как можно большим количеством никотина, насколько позволяет человеческий организм.

— Курить хочешь? — спрашивает он. Я киваю и выхожу вслед за ним, поражаясь тому, каким нереальным кажется происходящее: всего месяц назад я писала статью про знаменитостей, потом попала в реабилитационный центр, а сейчас вот курю рядом с Дэмиеном. Он проходит мимо толп курящих через парадный вход по направлению к баскетбольной корзине, прикуривает сигарету и протягивает мне зажигалку.

— А ты знаешь, что, когда некоторые люди бросают пить, их сильно разносит? — спрашивает он вдруг. — У тебя явно все признаки.

— Благодарю, — ошарашенно отвечаю я. «Это что, новый метод съема?» — думаю я, решив, что если бы это было и не так, то все равно неплохой вариант. Видимо, в качестве обмена любезностями я должна ему сказать, что его тоже «разносит», но это неправда, а лгать с такой легкостью, как прежде, мне уже тяжело. — Так ты прошел тридцатидневный курс? — спрашиваю я.

Он кивает.

— Да. — И уставился на сигарету, будто не я, а она задала этот вопрос.

— Ну и? — спрашиваю я. — Как тебе?

Он выпускает изо рта кольцо дыма.

— Лучше бы мне сделали операцию на сердце, — отвечает он.

И я не могу удержаться от смеха. Если подумать, то аналогия вполне понятная, но у меня почему-то такое ощущение, что Дэмиен брякнул это просто так, не задумываясь.

— Даже так? — спрашиваю я.

— Если бы операция на сердце была вопросом жизни и смерти, — добавляет он, поморщившись.

— Понятно, — говорю я. — Жуткая вынужденная мера.

— Что-то вроде того, — отвечает он и, не отрывая от меня глаз, швыряет на землю окурок и придавливает его подошвой своего «Найк эйрмакс». — А тебе как?

— Вообще-то, — говорю я, — мне понравилось. Я как будто заново родилась. — Я понимаю, что это — избитое выражение, но я не знаю, как еще объяснить произошедшие со мной перемены.

— В самом деле? — спрашивает Дэмиен, скептически меня оглядывая. И жестом показывает в направлении зала для собраний. — Тебе не кажется, что все это похоже на.. ну, не знаю... на что-то вроде секты? Такое ощущение, будто нам здесь промывают мозги.

Я пожимаю плечами. Конечно, я не раз слышала подобное от других людей, и у меня выработался стандартный ответ.

— Думаю, — отвечаю я, — мои мозги нужно было как следует промыть. — И я улыбаюсь, чтобы хоть как-то сгладить свои слова, которые, возможно, прозвучали резковато, ни на минуту не забывая, однако, что говорю с парнем, которому за каждую секунду в эфире платят около 10 000 долларов.

Он улыбается и делает шаг ко мне.

— Одно твое слово — и через десять минут мы будем плавать голыми в моем бассейне, — говорит он.

Я настолько ошарашена, что даже сомневаюсь, что не ослышалась.

— Что? — спрашиваю я.

— Одно твое слово — и ты оглянуться не успеешь, как мы окажемся в моем бассейне, — повторяет он, опустив на этот

раз эротическую подробность. И до меня доходит, что Дэмиен только что предложил мне, девушке, с которой он познакомился буквально пять минут назад и чье имя наверняка даже не помнит, сбежать со встречи выпускников и поехать к нему домой. Видимо он решил, что его имени и упоминания о бассейне будет вполне достаточно для того, чтобы я на это купилась.

— Благодарю, — отвечаю я, — но я вынуждена отказаться.

— Никто не узнает, — продолжает он. — Разве тебе не хочется убежать подальше от этого места и от всех этих людешек? — И он прикуривает еще одну сигарету.

Я поднимаю глаза и вижу, что к нам подходит Томми, за спиной которого плетется Вера. Потом снова обращаю взор на Дэмиена.

— Знаешь, нет. — И я показываю в сторону группы курильщиков, целиком состоящей из женщин. — Но я не сомневаюсь, что кто-нибудь из них наверняка согласится.

Дэмиен кивает.

— Круто, — говорит он, несколько не смутившись моим отказом. И я с улыбкой иду прочь. — Эй, поздравляю с двумя месяцами, — добавляет он, помахав рукой. «Неужели все так просто?» — думаю я, глядя, как он идет к курильщикам. Когда же я оглянулась и увидела, как ему с улыбкой кивает какая-то блондиночка с шарфом на голове, то прихожу к выводу, что, видимо, так оно и есть. Хоть это и Калверсити, но мы все-таки в Голливуде.

Я сижу в «Старбакс» в самой «голубой» части Вест-Голливуда, глядя в пустоту перед собой, и допиваю остатки гранд-латте, когда мимо проходит Адам. Не заметив меня, он тут же встает в конец очереди, и первое мое желание — немедленно нырнуть под стол. Я просто поверить не могу, что вступила в ряды тех, кто сидит в кофейнях с лаптопами — это такой же голливудский шаблон, как и продюсерская постель — но, когда сегодня утром дома мне пришлось приступить к написанию своей первой колонки, я запаниковала. Я столько ночей провела в этой загаженной кошачьей шерстью душной квартире, под кокой, что мне казалось, будто эти стены вот-вот на меня рухнут, как только я уставлюсь в экран компьютера. И тут мне в голову пришла мысль, столь ясная, будто написанная в кружочке над головой у мультяшки: «Можно позвонить Алексу».

Я удалила его номер из своего коммуникатора, но я же все равно помню его наизусть. Забуду ли я его когда-нибудь? Вот тогда-то и началась паника.

В центре мы не раз обсуждали, как в какой-то момент одержимость наркотиками проходит, что со мной и произошло через несколько дней моего пребывания в «Пледжс». Но теперь, снова оказавшись дома после того, как я заново родилась и получила фантастическую работу, о которой

можно было только мечтать, мысль о кокаине засела у меня в мозгу, как будто это самая обыденная в мире вещь.

Тогда-то я и поняла, что надо оттуда выбираться. Поэтому я схватила лаптоп, сигареты и приехала сюда, и, хотя я понимаю, что поступила правильно, уйдя из дома, мне все равно неприятно, что я теперь похожа на одну из этих размалеванных показушниц, которых некогда так рьяно осуждала.

Но потом я вспоминаю неизменные слова Рэчел о том, что «меня не касается», какого мнения обо мне окружающие, и что, может быть, думают они обо мне вовсе не так уж плохо, как мне представляется. Поэтому, когда Адам в очередной раз проходит мимо меня и я понимаю, что если сейчас не скажу что-нибудь, то нырну прямо в свою кофейную кружку, я окликаю его по имени.

Он удивленно оборачивается.

— Амелия, — произносит он довольно мягким голосом.

Я не видела его с тех пор, как он ушел от меня ночью, когда мы целовались, на долю секунды мне становится стыдно.

Вдруг мне в голову приходит мысль: а ведь он лапочка.

Как же я раньше не замечала, какая у него оливковая кожа и красивый подбородок? И почему не обратила внимание на то, что у него в точности такое сложение, которое мне нравилось всегда — он высок, по-юношески строен и не слишком мускулист? У меня не так много времени, чтобы задаваться этими вопросами, поэтому слова сами слетают у меня с языка.

— Слушай, я хочу извиниться за тот последний раз, когда мы виделись... в ту ночь на вечернике у Марти, — тут я запинаясь. — Я вела себя отвратительно и...

Адам улыбается и вскидывает руку, заставляя меня замолчать.

— Все нормально. Перестань, с каждым такое случается. — И он вдруг показывает на пустое сиденье рядом со мной. — Я могу присесть? Не помешаю?

— Вовсе нет, — отвечаю я, откидывая сиденье. — С радостью.

Адам садится и молча начинает меня разглядывать, мы смотрим друг другу в глаза невыносимо долго.

— Господи, ты восхитительна, — говорит он. — Не помню, чтобы когда-нибудь видел тебя такой. — Его зеленые глаза не отрываются от моих, и тут он переводит дыхание. — Меня расстроило не то, что ты была под кайфом, — продолжает он. — А слухи о том, что ты до этого еще целовалась с Гасом. — Он произносит все это, не отводя от меня взгляда.

— Знаю, но это ничего для меня не значило, — отвечаю я. Он моргает, и его взгляд немного черствеет.

— Ты имеешь в виду вас с Гасом или нас с тобой? Разве так просто почувствовать разницу между тем, кто тебе небезразличен, и теми, кто для тебя не значит ничего?

— Да, просто, — отвечаю я. В мои намерения не входило говорить ему, что я теперь веду здоровый образ жизни и совершенно не готова толкать речи на тему «полюбуйтесь, какая я теперь», но уже не могу остановиться. — Я должна тебе кое-что сказать.

— Нет, избавь меня от этого, — говорит он. — Ты мне правда очень нравилась, и мне было очень больно.

— Но я понимаю....

— Просто... Амелия, ты — классная девушка, но я не знаю... Ты какая-то сумасшедшая. Мне это нравится — именно это и привлекало меня в тебе с самого начала — но, оказавшись с тобой в ту ночь, я, кажется, понял, что на самом деле это не так.

Он замолкает, и я понимаю, что он закончил свою тираду.

— Я могу теперь вставить слово? — спрашиваю я.

Он кивает.

— Да. Прости, что болтаю без умолку.

— Все нормально, — говорю я, машинально накрывая его ладонь своей прежде, чем успеваю что-либо сообра-

зить, и тут же ее отдергиваю. — Просто я теперь другая. Я больше не пью и не употребляю коку. — Я опускаю взгляд, потом усилием воли снова поднимаю глаза. — Пока я не дошла до того, чтобы извиняться перед каждым встречным, но могу я попросить у тебя прощения за всю ту боль, которую причинила, и за все свои дурацкие выходки?

Он кивает с выражением крайнего удивления на лице.

— Мне действительно было с тобой очень хорошо в ту ночь, и кока здесь совершенно ни при чем, — продолжаю я. — На самом деле кока только все испортила. — Он хочет что-то сказать, но я не замолкаю. — Сейчас я смотрю на все по-другому, но то, что тогда произошло между нами, действительно для меня что-то значило. — Я не в силах поднять глаза, когда произношу последнюю фразу.

Он улыбается.

— Так ты ведешь здоровый образ жизни? — Вид у него одновременно ошарашенный и смущенный, хотя почему он должен смущаться, когда как минимум половина населения Лос-Анджелеса давно завязала? — Ты хочешь сказать, ты больше не пьешь и все такое?

Я киваю, потом качаю головой.

— Да... ну, то есть, не пью.

— И даже травку не куришь?

Я улыбаюсь. Травку я всегда терпеть не могла. Моя паранойя только усиливалась оттого, что никто не хотел ко мне прислушиваться. И когда я стала одной из первых, кто стал покупать коку, мне пришла мысль, что трава обошлась бы гораздо дешевле. Поэтому с целью перейти на более экономный наркотик я как-то купила унцию, которую курила целых три дня. И раз и навсегда поняла, что я терпеть ее не могу.

— Да, даже травку, — отвечаю я.

— Господи, это просто поразительно, — говорит он. — Поздравляю.

— Благодарю, — отвечаю я. — Это правда здорово.

Адам все еще в шоке.

— Но ты же... — И он качает головой, как будто полученная информация не укладывается у него в голове. — Ты же была такой заядлой тусовщицей.

Я улыбаюсь, решив не рассказывать ему про свою новую колонку. Мне слишком приятен наш разговор и совершенно не хочется говорить о работе.

— Ну, а теперь я — экс-тусовщица, — отвечаю я.

Он улыбается, рассматривая меня с наигранной серьезностью.

— Как думаешь, бар «У Джонса» не разорится теперь?

После того как затихает наш общий смех, я спрашиваю:

— Ну, а ты как? Как «Нормс»?

Адам снова улыбается.

— Стоит до сих пор, полагаю. Ко мне это уже не имеет отношения.

— Ты уволился?

Он кивает.

— Мне дали роль в сериале.

— Ты шутишь? В каком? — Мне никогда по-настоящему не приходила в голову мысль, что когда-нибудь Адам станет успешным актером, потому что большинство из известных мне начинающих актеришков добиваются лишь какой-нибудь эпизодической роли в дешевом мюзикле, которые демонстрируют только на Санденс*.

— В «Агентстве».

У меня буквально отваливается челюсть. «Агентство» — новая драмедия Даррена Стара про жизнь четырех молодых людей, агентов по недвижимости. — Ты серьезно?

Он кивает.

— Я знаю, в это невозможно поверить. Я единственный из всех, кого никто не знает.

— Поздравляю, — говорю я и наклоняюсь, чтобы обнять его. — Просто невероятно.

---

* Название кинофестиваля.

— Это точно, — говорит он, когда мы разжимаем объятия, — учитывая, что меня уже настолько тошнило от «Нормс», что я уже готов был плеснуть суп с мацой в следующего, кто его закажет.

Я смеюсь, а в голове проносятся мысли: «Это похоже на правду. Только я очухалась, и до меня наконец-то дошло, какая лапочка Адам, как ему дают роль, и теперь женщины будут драться из-за него, как из-за последней пары джинсов «Джуси» на распродаже».

У Адама звонит сотовый, но он не отвечает на звонок, только смотрит на часы, и я понимаю, что он куда-то торопится.

— Черт, я должен идти, — говорит он, но я вижу, что ему этого не хочется, — но мне очень приятно, что я тебя встретил.

Я чувствую, как начинаю паниковать. Я ведь могла продлить эту секунду, но упустила момент. И мне хочется что-то сделать, но я не знаю точно, что. «Он сказал, что я ему «правда очень нравилась», — думаю я, стараясь придать своему лицу как можно более беззаботное выражение. — Но почему он сказал это в прошедшем времени? И когда кто-то перестает тебе «нравиться»?

— Я должен примерно на месяц уехать в Нью-Йорк, но мы могли бы где-нибудь поужинать, когда я вернусь? — спрашивает Адам.

Я не могу сдержать улыбку.

— Конечно, — отвечаю я, раздумывая над тем, стоит ли уточнить, когда именно. Была у меня как-то знакомая, с которой мы вместе снимали квартиру, которая то и дело твердила, что, если парень тебе по-настоящему нравится, нужно ограничивать его во времени и пространстве. «Девушкам в наше время можно быть агрессивными, — заявляла она. — Сейчас не пятидесятые». Но она приводила в ужас любого вступавшего с ней в контакт мужчину, поэтому уикэнд проводила в одиночестве, изучая словарь. — Приятной поездки, — говорю я наконец.

— Спасибо, — благодарит Адам, наклоняется, целует меня в щеку и добавляет: — Я позвоню. — И, глядя ему вслед, я жалею о том, что у меня нет машины времени, чтобы переместиться на месяц вперед. И в этот момент Адам оборачивается и снова подходит ко мне. — Ты умеешь обращаться со щенками? — спрашивает он.

Я вспоминаю собак из своего детства и Тигра.

— Ну, так себе, — неуверенно отвечаю я.

— У меня есть щенок... голден-ретривер... это самое прекрасное создание, которое мне когда-либо доводилось видеть в жизни, но я понятия не имею, как с ним обращаться. Он живет у меня всего неделю и уже успел изжевать почти всю мою коллекцию кроссовок. Вдобавок это создание еще и носится по квартире кругами, как будто гелия нанюхалось.

Я смеюсь.

— Гелия? — переспрашиваю я.

— Понимаю, сравнение не очень удачное, — говорит Адам. — Просто дело в том, что в данный момент он сидит у меня в квартире и, возможно, рвет там все на куски, поэтому мне необходима мудрая женщина, которая поможет его адрессировать.

Я поднимаюсь.

— На двух машинах поедem или на одной? — спрашиваю я.

— На одной, — с улыбкой отвечает он. — Ты прекрасно водишь.

— Если б не кокаин, то, вероятно, я бы превратилась в безнадежную жалкую алкоголичку, — говорю я, пока Адам ведет машину. Я вижу, как по его лицу скользнула улыбка, когда он переехал в другой ряд, и игриво его щипаю. — Забавно было слушать мою печальную повесть о пристрастии к наркотикам и о выздоровлении?

Его робкая улыбка переходит в широченную ухмылку.

— Нет, не забавно. Просто я рад.

Я с улыбкой спрашиваю:

— И чему же ты так радуешься?

Он жестом показывает на меня, потом снова на себя.

— Всему. Я рад за тебя. Если бы я только мог запечатлеть в памяти твой голос, феромоны и слова, то был бы богачом.

Я смеюсь. Беру его правую руку и кладу себе под левую ногу, и это кажется самой естественной вещью на свете.

— Я очень счастлива, — говорю я. Адам улыбается, съезжая с магистрали, а потом разражается хохотом.

— Дай-ка угадаю: ты сейчас хохочешь исключительно от радости? — спрашиваю я.

— Ну, вроде как, — со смехом отвечает он. — Я еще вспомнил, как ты пела во сне, когда я подвозил тебя на своей машине.

Теперь моя очередь трещать от смеха.

— Господи, ну почему ты не отвез меня тогда в ближайшую психушку? — спрашиваю я, съезжившись при одном воспоминании об этом.

— Не думай, что мне этого не хотелось, — с улыбкой отвечает он. — Просто тогда я считал, что другого шанса у меня не будет. — Он все еще фыркает, когда притормаживает перед гаражом на Венецианском бульваре. — Теперь приготовься: ты увидишь прелестнейшее создание, но оно еще заставит тебя побегать. — Адам выключает зажигание, выскакивает из машины и мчится открывать мне дверцу. — Миледи, — произносит он, забавно кланяясь.

— Сэр, — говорю я в ответ и тоже делаю шутливый поклон, решив не рассказывать ему, какой ужасной суррогатной мамой я оказалась для Тигра. — Ведите меня к Немезиде, вашей любви жаждет другая женщина. — И как только у меня с языка слетает слово «любовь», мне тут же хочется удрать. Самый лучший способ спутнуть мужчину, тем более если ты пела во сне у него в машине, — это признаться ему в любви. Я, разумеется, ничего такого не говорила, но это слово само по себе значит многое.

Но Адам остается совершенно невозмутимым.

— Не переживай, — успокаивает он, провожая меня по тропинке к дому. — В моем сердце достаточно любви для вас обеих. — И когда он открывает дверь и к нему вприпрыжку мчится очаровательный крошечный голден-ретривер и сразу же начинает «любить» его ногу, я стараюсь не слишком задумываться над словом, которое он только что сказал. Да у меня и времени на это нет — эта крошечная собачка, совершающая обратно-поступательные движения об его икру, как будто от этого зависит ее жизнь, так утомительна, что я забываю обо всем на свете.

— Ты, кажется, говорил, что это девочка! — удается мне выдавить из себя в перерыве между приступами хохота.

— Это девочка! — кричит он, сам давась от смеха. — Дорис, хватит! — кричит он на собаку, которая, видимо, приняла это за знак поощрения и стала еще яростнее мутузить ногу Адама. Адам поворачивается ко мне. — Ну не кошмар, а? Помешанная на сексе сучка. Может, Дорис — мутант, гермафродит или транссексуал?

— Дорис? — спрашиваю я, изо всех сил сдерживая хохот. — Это еще что за имя для собаки?

— Это не собачье имя, — отвечает он, жестом показывая, чтобы я оттащила Дорис, что я и делаю. Адам со вздохом откидывается на пол. — Так зовут мою любимую бабушку, — говорит он. Я смотрю на него не в состоянии понять, шутит он или нет, и отпускаю щенка. Но вместо того, чтобы снова наброситься на Адама, она залезает под кушетку, где у нее, судя по всему, припасен рулон туалетной бумаги. — О господи, — произносит Адам, глядя, как Дорис, вцепившись в рулон зубами, начинает его терзать. — Любит она устраивать везде сортир, — добавляет он с улыбкой, жестом приглашая меня присесть. — Я плюхаюсь на пол рядом с ним, Адам привстает и смотрит на меня. Дорис пинает бумагу по всей комнате, потом набрасывается на нее и, размотав, скользит по ленте в противоположном направлении.

— Нужно это у нее забрать, — говорю я. — А то ничего хорошего из этого не выйдет.

Адам придвигается ближе ко мне. Он совсем рядом, и я вдруг слышу, как у меня начинает колотиться сердце, а он смотрит на меня не отрываясь.

— Черт с ней, с собакой, — произносит он. — Мне очень жаль, но ей придется делить меня с тобой. — Он наклоняется ко мне, и, прежде чем я успеваю задуматься, не собирается ли он меня поцеловать и будет ли это так же восхитительно, как в прошлый раз, наши губы соприкасаются, раскрываются и сливаются в поцелуе. И это настолько великолепно и естественно, как будто мы единое целое.

Я ушла от Адама после двух часов лучших в моей жизни поцелуев. Затем он сказал, что ему нужно собирать вещи, так как самолет ночью. Мы в унисон уверяли друг друга, что ждем не дождемся, когда же снова встретимся и поговорим — мне становится настолько хорошо, что я прекрасно могут работать дома, не боясь, что поддамся желанию позвонить Алексу. Теперь, когда я переполнена радостными воспоминаниями об Адаме, мысль о коке снова внушает только отвращение. Поэтому я отправляюсь домой, отбрасываю в сторону все сомнения по поводу того, что не знаю, с чего начать свою первую колонку, и просто начинают стучать по клавишам.

Я решила написать про свадьбу Марка, озаглавив это как «И тут появляются шаферы». А потом текст полился сам собой.

«Не каждый день празднуют свадьбы в доме, в котором ты выросла. И, уж конечно, не каждый день это заканчивается тем, что ты оказываешься в одной постели с двумя шаферами. Подобное случалось у меня далеко не часто».

Я продолжаю в том же духе, рассказав про соперничество в сауне, про наш ночной треугольник и, наконец, про проделки в спальне, включив, как бы между прочим, происшедший ранее инцидент с двоюродным братцем не-

весты. Я решила не опускать подробности, кроме алкоголя и наркотиков. Ведь Тим, очевидно, считает, что все мои тусовки — это некий лоск, который я наношу на свою и без того удивительную жизнь, и не понимает, что без алкоголя и наркотиков всех этих так называемых «приключений» никогда бы не было. И, раз уж ему так хочется, чтобы колонка была забавной и сексуальной — а что забавного и сексуального в наркомании, последующей реабилитации и здоровом образе жизни? — я принимаю решение не упоминать про все бутылки «Амстел лайтс» и про выпитое мной за ужином шампанское. Если уж людям так хочется верить, что я способна пускаться во все эти безумства, не напичкав свой организм химикатами, то ради бога.

Дописав и распечатав статью, я пытаюсь прочесть ее как посторонний человек. Должна сказать, меня она впечатляет: забавно, самокритично и даже приятно щекочет нервы. И тут я начинаю анализировать события прошлого, решив, что статья не получилась бы столь замечательной, не имей я такой богатый опыт. «Разве платили бы мне столько же в “Эбсолютли фэбьюлос”, — думаю я, — за смешные истории, которые можно писать так, как хочется?» И тут же вспоминаю слова Рэчел о том, что иногда все случается само собой. Среди пациентов центра ходит такое выражение, как «просто и гладко». Вспомнив эти слова, я понимаю, что сейчас пропускаю через себя все то, о чем говорили мне Томми, Джастин и все остальные.

Прежде чем я успеваю отговорить себя от этого шага, я отправляю статью Тиму по электронке, пытаюсь не заикливаться на том, как он на нееотреагирует, и начинаю думать о своей вновь обретенной страсти, об Адаме. Мне хочется забить его имя в Google, чтобы найти как можно больше информации про «никому неизвестного официанта из «Нормс», которому только что дали роль в последнем телешоу. Я представляю, как мы вместе будем проходить по красной ковровой дорожке на премьере и устраивать пикники на вершине Раньона, когда вдруг понимаю, что я,

собственно, делаю. Одна из причин того, почему в течение первого года не стоит завязывать отношения — о чем постоянно предупреждал Томми — заключается в том, что алкоголики и наркоманы все делают запоем. Книги, фильмы, поедание «Поп-тарта», скупка трусиков «Косабелла», свидания — что угодно, чем можно увлечься и от чего можно потерять голову.

Поэтому я заставляю себя отойти от компьютера и заняться уборкой квартиры, все предметы которой вечно покрыты толстым слоем кошачьей шерсти. Это занятие, как ни странно, доставляет мне удовольствие. Хотя не помню, чтобы мне когда-либо нравилось убираться. Да, я люблю, когда все чисто и прибрано, но мне все же в новинку получать удовольствие оттого, что я стираю пыль и скребу унитаз. Я на всю мощь врубаю Эминема и подпеваю, моя пол в гостиной. Музыка звучит так громко, что я едва не пропускаю телефонный звонок.

— Алло, — отвечаю я, плюхаясь на кушетку.

— Амелия, дорогая, — говорит Тим, — мы тут с Джоном подумываем сделать большие изысканные сексуальные фото — твои, разумеется — которые будут украшать каждую из твоих колонок. Мы хотим предложить тебе Жан-Поля Блана, если у тебя нет на примете своего фотографа.

Я пытаюсь успокоиться: сердце скачет, как у Ланса Армстронга, бегущего последнюю милю. Жан-Поль Блан делает снимки для обложки «Вэнити Фэйр», его работы постоянно участвуют в выставках.

— Вы хотите, чтобы он меня фотографировал? Вы серьезно? — удаётся мне произнести с большим трудом. — Вы уверены?

— Ну, конечно, уверен, — смеется он. — У него, оказывается, образовалось «окно» в расписании, так что, если твой пыл не угас и если ты не против Жан-Поля, можно будет на этой неделе провести фотосессию.

Я даже не знаю, что сказать, и не хочу во второй раз спрашивать, точно ли Тим в этом уверен.

— Так вам понравилось то, что я вам отправила?

— Понравилось ли мне? — Тим чуть ли не рычит. — Спрашиваешь? Дорогая, я просто обалдел! Ты со своей «Тусовщицей» выведешь нас на новый уровень. Теперь я в этом окончательно убедился, хотя, уверяю тебя, у меня и раньше не было никаких сомнений. Мы пришли в безумный восторг, прочитав твою статью. Она такая яркая, сексуальная и местами просто безумно смешная!

Мое сердце все еще пляшет свой сумасшедший танец, и я ничего не отвечаю Тиму, потому что не знаю, какие подобрать слова, чтобы выразить то, что я чувствую. Странным образом эта секунда напомнила мне день моего увольнения, когда я сидела у Роберта в офисе. «Этого не может быть, — говорит мой внутренний голос, — но это так».

— *М* très belle*, — воркует Жан-Поль между снимками. От него не отходят три ассистента, которые меняют свет и детали интерьера, а в сторонке стоят парикмахер, визажист и стилист по костюмам, готовые немедленно наброситься на меня, если что-то вдруг покажется им недостаточно безупречным.

Эта фотосессия, — устроенная в пентхаусе Шато-Мармон, аренда которого, как мне известно, составляет 10000 долларов в день, — самое прекрасное и нереальное, что было в моей жизни. Я изо всех сил делаю вид, будто давно привыкла, что все вокруг меня носятся, поэтому ассистенты то и дело приносят мне «Эвиан», яблоки и вообще все, чего бы я ни пожелала. Просто я боюсь, что если буду вести себя скованно, то они поймут, какой мелкой сошкой я на самом деле являюсь.

Стилистка, которую я хорошо знаю, — нередко брала у нее по телефону интервью, когда еще работала в «Эбсолютли фэбьюлос» — еще с порога забросала меня грудями платьев от Армани и блузок от Гуччи, костюмами от Хлое и джинсами «Марк Джэкобс».

— Тим сказал, что хочет сделать снимки и для следующих колонок, — проинформировала меня стилистка. — Мы не знаем, что будет там написано, поэтому он предложил

---

* Очень красивая (фр.).

прикинуть все возможные варианты: повседневный стиль, нарядный, секси, скромный и так далее.

Я киваю, решив не напоминать ей о нашем знакомстве. «Это было в прошлой жизни», — думаю я.

Стилистка заставляет меня примерять красивые юбки, платья, рубашки, джинсы и даже нижнее белье от Ля Перла, и, хотя я, как обычно, переживаю из-за своего пуза, она прекрасно знает, как скрыть живот и подчеркнуть мои достоинства. Так что в конце концов я прихожу к выводу: для того, чтобы чувствовать себя настоящей красавицей, мне всего лишь был необходим стилист.

Когда начали примерять одежду, ко мне подошел представиться Жан-Поль, который сразу же показался мне очень сексуальным, хотя стилистка уже успела меня предупредить, что он «кобель», «свинья», и наградить его всевозможными другими звериными прозвищами. После чего я окончательно поняла, что он мне понравится.

— Вы такая изысканная, — сказал он с сильным французским акцентом и демонической улыбкой. — Фотографии получатся великолепными. — Он пялился на меня все время, пока стилистка подкалывала булавками платье, чтобы повыше поднять грудь.

Когда же меня накрасили и приделали накладные ногти, так что я стала похожа на супермодель, Жан-Поль начал съемку. Все мои познания о моделях исчерпываются «Американз некст топ-модел», но одно я знаю точно: мне это нравится. Мне говорили, что первые три месяца своей жизни я безостановочно плакала, пока некий профессиональный фотограф не пришел меня сфотографировать. Я вдруг улыбнулась ему широченной и самой беззубой в мире улыбкой, какой только мог улыбнуться человек девяносто дней отроду. И сейчас, пока я меняю позы, Жан-Поль бормочет что-то вроде «magnifique»*, «belle»** и «très belle».

---

* Великолепно (фр.).

** Красавица (фр.).

В перерывах между съемкой мы с Жан-Полем курим, его ассистенты в это время меняют освещение для следующей серии снимков, а его заместитель подбирает подходящее место. Когда я докуриваю сигарету, ко мне подходит стилистка и переодевает. Вместо того чтобы потешить свое эго, я расспрашиваю всех об их делах, изображая из себя самую любезность. Клянусь, если бы со мной так обращались всегда, я была бы доброй двадцать четыре часа в сутки.

Наконец, мы готовимся к последней серии снимков на сегодняшний день, на которых я буду изображена в немыслимо идущем мне пурпурно-розовом в черную полоску платье от Миссони* и в пурпурных туфлях от Джимми Чу на высоченных каблуках, когда заявляются Тим с Джоном.

— Ты бесподобна, — говорит Тим, наклоняясь, чтобы поцеловать меня в обе щеки. Джон, который плетется сзади, неловко машет мне рукой в знак приветствия. После чего Тим обращается к Жан-Полу:

— Вы уже сделали снимок с шампанским?

Я невольно дергаюсь при слове «шампанское», а Жан-Поль качает головой.

— Mon Dieu**, чуть не забыл, — отвечает он.

Жан-Поль обращается к своим лакеям с какими-то словами, те выходят из комнаты, а потом возвращаются, неся какие-то пластиковые приспособления, которые после сборки оказываются огромным — в шесть футов высотой — бокалом для шампанского из плексигласа. Тим объясняет Жан-Полу, как я должна буду в нем сидеть, а Джон впускает официанта с бутылками «Дом Периньон». И в самый разгар самого значительного дня своей новой жизни я начинаю сильно переживать из-за всего происходящего, поэтому подхожу к Тиму и спрашиваю, не может ли он уделить мне минуту.

---

* Итальянская фирма, специализирующаяся на изделиях из трикотажа.

** Господи (фр.).

— Конечно, я слушаю, — отвечает он, не отходя от Жан-Поля с его миньонами. Он что, не понимает, что я хочу поговорить наедине?

Ощущая крайнюю неловкость, я все же заставляю себя произнести следующее:

— А делать этот снимок с шампанскими обязательно?

Тим слегка ошарашен.

— А тебе что, не нравится? — И впервые за все время я понимаю, что, возможно, Тим вовсе и не идеал. Во всяком случае, мое вмешательство в процесс его раздосадовало.

— Ну, я просто подумала, что это совсем необязательно.

Тим вздыхает, даже не пытаясь скрыть свое раздражение.

— Амелия. Ты — Тусовщица. И читатели должны убедиться в этом, не только прочитав колонку, но и визуально — посмотрев на фотографии. — Он говорит со мной как с маленькой девочкой, которая не понимает, что означает слово «визуально».

Я киваю. Как ни смешно, но я чувствую, что на глаза наворачиваются слезы. Я на секунду закрываю глаза, пытаюсь сдержаться. Конечно, нужно просто взять и объяснить Тиму ситуацию, но я почему-то не могу. «Скажи ему, что ты не пьешь», — слышу я внутренний голос. И тут же думаю: «Нет, черт побери. Тогда он начнет задавать вопросы и быстренько догадается, что я больше не та отчаянная бедовая тусовщица». Поэтому я стараюсь стать той же уверенной бездушной дивой, которая пробудилась во мне в начале съемок.

— Какие-то проблемы? — довольно резко спрашивает Тим, и к нам подходит Джон, посмотреть, что случилось.

Я перевожу дыхание и отбрасываю все свои негативные мысли.

— Нет. Все в порядке.

Жан-Поль спрашивает:

— Готова, *ma chérie**? — Я киваю, двое ассистентов поднимают меня и сажают в гигантский бокал. Я как можно

---

* Моя милая (фр.).

удобнее устраиваюсь в этой пластиковый машине и принимаю из рук дизайнера бутылку и бокал с шампанским. Тим с Джоном отходят в дальний угол комнаты, а Жан-Поль начинает щелкать своей камерой, бормоча по-французски комплименты.

Но магия всего происходящего испарилась. До этого момента мне было легко и приятно просто улыбаться, смеяться, смотреть в камеру и думать о том, как все это забавно и здорово. Сейчас же, нырнув в этот непомерный бокал для шампанского, у меня такое ощущение, будто я обязана все это делать. Я заставляю себя думать о том, что именно так и должны воспринимать женщину, затеявшую игру в «Тусовщицу».

Жан-Поль явно ничего не замечает, потому что непрерывно фотографирует, что-то воркует себе под нос, называет меня «belle» и «très belle». Я стараюсь не думать, что мои губы и нос менее чем в футе от бокала с шампанским.

Когда я попала в реабилитационный центр, я готова была признать, что у меня проблемы с кокой и снотворными, но долго не соглашалась, что со спиртным тоже. В один из первых своих дней пребывания в «Пледжс» я сказала Томми, что готова признать тот факт, что алкоголизм и наркомания — это одно и то же, хотя убедить меня в этом все равно не удалось. И во время всех этих сборищ, когда люди, представляясь, сопровождали свое имя словом «алкоголик», я ни на йоту не отступала от истины, поэтому заменила слово «алкоголичка» на «наркоманку». И я была не единственной. Был там еще один парень из «Твистед Систер», который прошел курс в «Пледжс» на месяц раньше меня и выступал на собраниях выпускников, он также упорно называл себя наркоманом.

И, сидя сейчас в этом бокале и ощущая аромат «Дома Периньона», я сильнее, чем когда-либо, убеждаюсь в том, что у меня никогда не было проблем с алкоголем. Бокал совсем рядом, я запросто могу поднести его к губам и сделать глоток, и наверняка вся эта свита ассистентов тут же под-

скочит ко мне, чтобы не упустить возможности заново его наполнить, но мне на самом деле не хочется. Я знаю, что все те чудеса, которые произошли со мной — новая работа, дружба с Джастином, воссоединение со Стефани и намечающийся роман с Адамом, не говоря уже про ощущение небывалого покоя, пришедшего на смену самокопанию и страданиям, которые казались мне нормой, — действительно напрямую связаны с тем, что я стала вести здоровый образ жизни. И я не собираюсь от этого отказываться, даже если мне придется называть себя алкоголичкой, когда на самом деле я с этим согласна.

Я, судя по всему, хорошо позирую, несмотря на то, что задумалась о своем, и возле моих губ маячит бокал, потому что у Жан-Поля совершенно восторженный вид, а Тим с Джоном улыбаются и перешептываются, показывая на меня пальцем. «Наплюй на то, что подумают пациенты «Пледжс», если увидят эту фотографию, явно воспевающую оду шампанскому. На мне платье от Миссони, я нахожусь в пентхаусе Шато-Мармон, и на меня облизывается известный фотограф. Какого черта я должна беспокоиться из-за того, кто и что подумает?» — размышляю я.

Мне снится, что я раздаю автографы, и во сне у меня совсем другой почерк, такой, каким я писала в детстве, когда только научилась писать. Вдруг меня будит телефонный звонок.

Обычно во сне я не слышу телефон, но он продолжает трезвонить до бесконечности: сначала домашний, потом, когда я не беру трубку, начинается верещать сотовый, когда же я не отвечаю и на него, снова раздается звонок по домашнему. Я наконец хватаю трубку и хриплым голосом говорю: «Алло?»

— Слава богу, наконец-то. — Голос у Тима взволнованный, как никогда. — Что у тебя с расписанием? Это возможно?

— Что возможно? — Я пытаюсь отпихнуть кошку, чтобы сесть в постели.

— Ты что, не получала мои письма про Надин?

— Кто такая Надин?

— Агент, которую мы тебе наняли.

— Агент?

— Солнышко, выбирайся скорее из постели и включи компьютер. Надин окупится с лихвой: если верить «Пейдж Сикс», «Гокер», Перис Хилтон и Лиз Смит, ты стала автором сенсации.

— Я?!

— Ну, мы раздали предварительные экземпляры, не зная точно, как отреагирует общественность.

— Моя колонка вышла? — Я даже фотографий еще не видела, не говоря уже про сам журнал.

— О господи. Мы не выслали тебе экземпляр? Я сейчас же отправлю к тебе посыльного. «Тудей Шоу» хотят как можно скорее сделать передачу с твоим участием, и еще ты не возражаешь, если тебе придется лететь в ночь? Я бы составил тебе компанию, но сегодня должен идти на этот треклятый ужин с сотрудниками «Форда». «Вью» тоже тобой заинтересовались, но Надин считает, что лучше подождать, пока не выйдет еще несколько выпусков.

Мое сердце почему-то не пускается вскачь, и мне не хочется выйти из своего тела, чтобы увидеть со стороны эту девушку, Амелию Стоун, которой только что сообщили до абсурда прекрасные новости. Кажется, я уже начинаю привыкать к нереальности всего происходящего. Но, мельком оглядев свою спальню, я вдруг остро осознаю нелепое несоответствие между своим настоящим миром и тем, про который мне только что говорили по телефону.

Тим продолжает что-то возбужденно рассказывать о том, что мне, по всей видимости, нужно будет вступить в AFTRA*, чтобы мне платили за показ на ТВ; что можно будет попробовать выпустить книгу, скомпонованную из моих статей, хотя пока я написала всего только одну снять фильм с моим участием и найти подходящего агента, чтобы попытаться продать ему права, и все это сводится к тому, что мне придется поехать в Нью-Йорк, а в Нью-Йорке сейчас находится Адам. «Сосредоточься, — говорю я себе, — на том, что ты стала знаменитостью».

Не успела я принять душ, почистить зубы и накормить кошек, как к порогу моей квартиры уже принесли три экземпляра «Чэт» в огромном коричневом конверте. Я поднимаюсь с ними наверх и кладу их на колени. Журнал великолепен — от потрясающей фотографии Джуд Ло на обложке

---

* Американская федерация артистов радио и телевидения.

до самого содержимого: тут тебе и эссе о литературных салонах Дейва Эггерса, и юмористическая заметка Огюстена Буро, и интервью с Джуд Ло, которое брал Джей Мак-Инерни. «Как, черт поberi, я к ним затесалась?» — поражаюсь я, перелистнув страницы до своей колонки.

И вижу себя в платье от Миссони внутри громадного пластикового бокала для шампанского, с вытянутыми ногами и широченной белозубой улыбкой. «Неужели это и вправду я?» — пораженно думаю я, внимательно рассматривая фото. Это скорее похоже на гораздо более безупречную и экстатическую версию меня, как если бы я родилась в другой семье, на другой планете и в другой жизни. Нет и намека на тот дискомфорт, который я испытывала в момент съемки.

Статья тоже выглядит гораздо лучше, чем в виде вордовского файла. Может, все дело в элегантном шрифте «Чэт»? И тут я с удивлением замечаю, что Тим не внес в мой текст почти никаких поправок.

Потом я залезаю на сайты светских сплетен и читаю про эту «потрясную» «сексбомбу», чей дебют в «Чэт» «безусловно, перерастет в успешную яркую карьеру» (Лиз Смит). «Забудьте Кэрри Брэдшоу и Кэндас Бушнелл, — подпекает ей Перис Хилтон. — Амелия Стоун рассказывает о том, чем действительно является секс в наши дни». «Пейдж Сикс» поет дифирамбы и делает ставки на то, расскажет ли Стоун в своих будущих колонках о своем романе с сексуальным автором и исполнителем собственных песен Кейном (который женился на актрисе). «Я всегда знала, что меня недооценивают», — думаю я, воображая, как Брайан со всей этой сворой из «Эбсолютли фэбьюлос» столпились сейчас вокруг его компьютера и читают эти заметки.

Тут у меня звонит телефон, и, хотя у меня еще не было возможности прослушать утренние сообщения, я отвечаю.

— Амелия, как дела? — слышу я гулкий голос. — Это Ричард Джонсон, «Нью-Йорк Пост». У вас найдется для меня минута?

И я — по всей вероятности безуспешно — отвечаю как можно более хладнокровно:

— Ричард, как я рада вас слышать, — и добавляю, припоминая слова Тима: — Вы не возражаете, если вместо меня с вами переговорит мой агент? — Я-то думала, что Ричард сейчас засмеется или обидится, но он только отвечает:

— Нисколько. — И вдруг я почувствовала себя героиней одной из этих фильмов, которые посмотрел и забыл: «Ха! Можно подумать, это могло случиться с кем-то еще».

— **В**ы прелесть! — кричит мне брюнетка в облегающем платье от Дайан фон Фюрстенберг*, когда я выхожу из здания аэропорта и иду к водителю, в руках у которого табличка с моим именем. Мне удалось вздремнуть несколько часов в самолете, но бессонная ночь настолько меня вымотала, что я плохо ее слышу и даже не очень хорошо понимаю, что она говорит. С виду она одна из тех женщин, которые сходу окидывают твой туалет неодобрительным взглядом, однако голос ее звучит гораздо добрее и мягче, чем могло бы показаться на первый взгляд, так что я совершенно сбита с толку и на долю секунды решаю, что это — просто хорошо одетая сумасшедшая. — Как же я счастлива наконец-то лично с вами познакомиться, — говорит она, с жаром пожимая мне руку, и добавляет: — Я — Надин, ваш агент. Надеюсь, вы не сердитесь, что я помешала вам тихо и спокойно доехать до города, просто мне хотелось успеть переговорить с вами до того, как начнется «Тудей».

Я улыбаюсь, и она хватает меня за руку и тащит вслед за водителем к машине. В точности как девчонка — это при ее-то гламурной внешности! — но я так сосредоточена на попытках расшифровать, что она там тараторит, что у меня даже нет времени поразмыслить над этим вопросом.

---

* Президент совета американских дизайнеров моды.

— Тим сказал, что вас не нужно натаскивать перед съемкой, но мне хотелось бы осветить пару вопросов, — говорит она, когда мы садимся в машину. Машина срывается с места, и женщина достает блокнот, испещренный какими-то списками и напичканный бумажками с еще бóльшим количеством списков. — Итак, я представила вас как олицетворение современной сексуально раскрепощенной умной женщины. Мерилин Монро двадцать первого столетия, но с гораздо меньшей склонностью к саморазрушению. Женщина, реально сталкивающаяся с тем, что представлено в «Сексе в большом городе». Она очень чувствительна и не боится этого. И если она отправляется на свадьбу и не может выбрать между двумя шаферами, то кидается в койку с обоими. Так?

Я киваю, потому что меня настолько ошеломило это бесподобно развитое и уверенное создание, о котором мне сейчас рассказали, что речь идет, в общем-то, обо мне. «Я вовсе не сексуально раскрепощенная, — думаю я. — Единственная моя ассоциация с собственной сексуальностью — это замешательство». Просто в колонке я попыталась выставить ту историю в смешном свете. Но, слушая Надин, я готова сдаться. Мне понравилось, что меня сочли сексуально раскрепощенной. В таком контексте я предстаю гораздо более уверенной, чем являюсь в действительности.

— Но в то же время вы не развратны, — продолжает Надин, состроив гримаску. — Вы не Дженна Джеймсон, которую я, кстати, представляла и нашла ее очень милой. Вы — классная, умная и самодостаточная. Вы — идеал современной женщины.

Я киваю. Ну а что еще тут можно добавить?

— Я хочу, чтобы в «Тудей» вы оставались самой собой. Только, конечно, все время помните, что вы представляете «Чэт» и все, что с этим связано. Вы остроумная, далеко не глупая, осторожная и в то же время беспечная, серьезная и одновременно спонтанная. Короче, вы — сорвиголова, которая, однако, прекрасно отдает себе отчет в своих действиях. Правильно?

Я киваю.

Надин продолжает:

— После этого, наверное, нужно будет выбрать стратегию затишья? — Она вдруг начинает повышать интонацию в конце каждой фразы, как будто задает вопросы, и я понимаю: Надин это делает для того, чтобы я почувствовала, что мое мнение тоже учитывается. — Пусть все увидят, кто вы такая, и захотят узнать про вас побольше, но мы им больше пока ничего не скажем? До тех пор, разумеется, пока не выйдет еще несколько номеров, и вот тогда-то мы покажем вас на «Вью»? О господи, у вас такой усталый вид! Я вас утомила?

Я и не думала, что все мое смятение написано у меня на лице, но от плана Надин у меня уже начинает кружиться голова.

— Я в порядке, — говорю я, — просто немного устала.

— О нет! — Теперь настает ее очередь встревожиться. Она смеривает меня тем самым взглядом, и я тут же догадываюсь, что мой серый сарафан от Джеймса Перса — наряд совершенно неподходящий. — Придется заехать в демонстрационный зал Марка Джэкобса, чтобы подобрать вам что-нибудь поярче. Вы, конечно, прелестны, но нам нужно что-нибудь более подходящее для ТВ? После «Тудей» вы не сможете остановиться в «Ройалтон», но у вас будет время на отдых перед ужином с редакторами «Чэт» сегодня в «Шиллерс»? А потом было бы неплохо показаться в «Баттер»? Чтоб у нас был материал для завтрашних светских новостей о том, как вы приехали в город и умудрились побывать сразу везде?

Я киваю, почувствовав, как начинает оказывать свое действие выпитый на борту двойной эспрессо, и осознав, насколько я взбудоражена.

— Все это великолепно, — отвечаю я с улыбкой. — Поехали в демонстрационный зал Марка Джэкобса.

Надин впервые за все время замолчала и тоже улыбнулась в ответ.

— Вы уверены? Я понимаю, вам, может быть, не хочется, чтобы вас там кто-то видел, я могу позвонить и предупредить, что мы не будем заходить туда, пока мы не получим гарантии, что там больше никого нет?

Помните, когда Ричард Гир в «Красотке» угощает Джулию Робертс клубникой с шампанским, она напоминает ему, что она — реальная девушка и за ней не нужно ухаживать? Мне хочется сказать Надин примерно то же самое, чтобы она поняла, что все происходящее и без того переросло мои самые безумные мечты и ей совершенно не о чем беспокоиться. Но я вижу, что стресс ей передался на генном уровне, и, что бы я ни сказала, она все равно не успокоится.

— Очень мило, но вряд ли это понадобится, — отвечаю я в тот самый момент, когда у Надин запиликал сотовый. Она улыбается мне, как маньяк, одновременно нажимая большим пальцем на кнопку вызова.

Пока Надин что-то щебечет в трубку, я откидываюсь на спинку сиденья и смотрю в окно, решив вести себя настолько бесцеремонно во всем, насколько, видимо, к этому подготавлилась Надин.

— Вы считаете, что современная женщина должна спать со всеми, с кем хочет? — спрашивает меня Мередит Виера.

— Думаю, это зависит от того, как часто ей этого хочется, — с улыбкой отвечаю я. — Не думаю, что на секс нужно смотреть как на шведский стол. — Мередит с Мэттом хрюкают от смеха.

Я поразительно спокойна и собрана перед камерой. Я-то была уверена, что на меня нападет тот же невроз, который терзал и раньше, когда я оказывалась на публике, но, видимо, мое пребывание в «Пледжс», где я привыкла регулярно делиться самыми интимными подробностями с группой незнакомых людей, вытравило ту нервозность, которая охватывала меня всякий раз, как я оказывалась в центре внимания. Сейчас, перед камерой, я остроумна,

привлекательна и очаровательна, несмотря на то, что в реальной жизни все эти качества проявляются лишь от случая к случаю. «Включайте свет и любуйтесь моим блеском», — думаю я, отвечая на вопросы Мэтта.

Когда меня спрашивает Мерedit — писал ли мне кто-нибудь из мужчин после выхода колонки, я поражаюсь тому, какая это, в сущности, простая штука — телевидение, потому что все целиком и полностью сосредоточены на мне, и каждый ждет не дожидется, как бы поохотать над очередной моей остротой.

— Будем считать, что я была бы не против, если бы подобные личности канули в небытие, — добавляю я, и мой ответ сопровождается взрывом хохота. Ну почему все мои родственники и друзья никогда не в состоянии были оценить мое чувство юмора?

Ощущение такое, что мы только начали, но не успела я и глазом моргнуть, как Мерedit обращается к камере со словами:

— Если вы знаете, чего хотите, бегите в газетный киоск, купите «Чэт» и прочитайте колонку Амелии Стоун «Тусовщица».

И на этом все заканчивается. Я с дежурной улыбкойжимаю всем руки и иду в гримборную, где меня дожидается Надин.

— Дорогая, вы были бесподобны! — визжит она. — Кто бы мог подумать, что вы такая забавная?

Вопрос риторический, но я почему-то чувствую себя обязанной заполнить последовавшую паузу. Обычно молчание в разговоре между двумя людьми приводит меня в ужас, я начинаю страшно паниковать и думать, что мой собеседник понимает, что на самом деле я не представляю из себя совершенно никакого интереса как личность. Но я настолько упиваюсь своим успехом на ТВ — ощущение такое, будто серотонин сейчас с бешеной скоростью хлынул в кровь — что решаю для себя, что это неважно. И тут Надин произносит слова, которые лишний раз укрепляют меня в мысли,

что мне вовсе не стоит беспокоиться, будто бы меня считают неинтересной:

— Теперь ничто на свете не помешает вам стать звездой.

В течение последующих нескольких часов мой коммуникатор безостановочно звонит — видимо, все просмотрели сегодняшнюю «Тудей», потому что, как только я удаляю накопившиеся сообщения с поздравлениями, содержимое голосовой почты снова переполняется. Я как раз готовлюсь к ужину, и мне ужасно хочется вышвырнуть этот треклятый аппарат в окно, когда он снова звонит.

— Алло? — мой голос срывается чуть ли не на визг.

— Амелия? Я не вовремя? — Когда до меня доходит, кому принадлежит этот голос, мне хочется станцевать джигу у себя в номере.

— Адам! — Я даже не пытаюсь скрыть свою радость. — Как твои дела?

Я думаю, что он сейчас тоже пустится меня поздравлять и говорить мне, какая я забавная и естественная на экране, но этого почему-то не происходит.

— Хорошо, — отвечает он. — Только что был на интервью по поводу шоу. Единственная проблема в том, что я никак не мог сосредоточиться.

— Не можешь сосредоточиться? Почему? — и я с улыбкой ложусь на свою гигантскую постель.

— Честно? Потому что не могу перестать думать о тебе.

«Ура», — думаю я. Ну почему я не обладаю сверхъестественными способностями, которые позволили бы мне проломиться к нему через телефон и обнять его?

— Обо мне? — спрашиваю я, страстно желая услышать это еще раз.

— Да, о тебе. Я стал как одержимый после той встречи.

Я на минуту позволяю себе расслабиться и говорю:

— Я тоже постоянно о тебе думаю. — К черту все эти «правила». — А ты знаешь, Адам? Я ведь в Нью-Йорке.

— Что? Ты серьезно? Надолго?

— До завтрашнего дня.

— Вот черт, — говорит он. — Я весь день и всю следующую ночь должен давать это треклятое интервью.

Я бросаю взгляд на часы и понимаю, что до ужина с редакторами «Чэт» у меня осталось всего сорок пять минут.

— Я должна идти, у меня сегодня ужин, потом клуб и...

— Постой, ты ведь даже не сказала мне, зачем сюда приехала? — спрашивает он. — О, черт. Мне дают знак, чтобы я возвращался в студию. Может, тогда просто встретимся в Лос-Анджелесе, как и планировали? Я позвоню тебе через неделю или две, когда вернусь.

И, повесив трубку, я с изумлением понимаю, что этот телефонный звонок порадовал меня в тысячу раз больше, чем все эти восторженные отзывы, оставленные на голосовой почте. Я сижу на своей кровати и размышляю обо всем, раскачиваясь взад-вперед и улыбаясь, как какой-нибудь даун из спецшколы, когда в дверь стучится Надин и говорит, что меня внизу ждет машина.

За ужином, где несколько редакторов распивают бутылку вина, а все остальные пьют газированную воду, все говорят мне, что я гений, и я веду себя так, будто давно к этому привыкла и вообще вполне заслуживаю это звание. Потом мы едем в «Баттер», где ко мне подваливает толпа поклонников, которые поздравляют с выходом колонки или делают комплименты моему забавному выступлению в сегодняшней «Тудей». Публицистка Николь Миллер вручает мне свою визитку и сообщает, что ей хотелось бы выслать мне кое-какие наряды, которые, как она надеется, я сочту подходящими для «выхода в город». Старший редактор «Плейбоя» осведомляется, не соглашусь ли я им что-нибудь написать, и злится, когда я объясняю ему, что подписала с «Чэт» эксклюзивный контракт. Какой-то актер из CSI засыпает меня пьяными признаниями в любви и пытается ущипнуть за задницу. Потом, наконец, я возвращаюсь в «Ройалтон» и ложусь спать, и не успеваю оглянуться, как уже лечу домой.

Только я села в самолет, как мне звонит мама, которая, мягко выражаясь, не в восторге от того, что ей приходится объяснять всем подряд, что она думает про свою дочь, которая пишет о групповухе, устроенной на свадьбе в ее доме. Я снабдила маму довольно скудными подробностями, потому что не знала точно, как преподнести ей все это, потому что понадеялась, что мама слишком глубоко увязла в своем мире поэзии, чтобы иметь хотя бы приблизительное представление о содержании «целиком вымышленной» колонки, написанной ее дочерью. Но появление в «Тудей» было все равно что помахать у нее перед лицом флагом.

— Я просто не понимаю, почему бы тебе не писать о более серьезных вещах, — говорит она.

— Мама, никому не интересно читать о похождениях женщины, которая ходит на собрания в «Пледжс» и общается со своим другом-геом.

— Чепуха. Ты так думаешь, потому что просто не пробовала.

— Господи, — визгливо отвечаю я, и модель, которая сидит в нескольких футах от меня и которую я только что видела на обложке Elle, бросает на меня обеспокоенный взгляд. Я сбавляю тон. — Ну почему ты не можешь просто за меня порадоваться?

— Я рада за тебя, детка, — говорит мама совершенно не радостным голосом. Никогда еще не встречала человека, который бы так неумело скрывал свои подлинные чувства, как моя мать, хотя, может, я не очень хорошо разбираюсь в людях. — И Дэвид с папой тоже очень рады.

Сама мысль о том, что мой отец с братом читают мою колонку, приводит меня в ужас, и мне безумно хочется как можно скорее забыть об этом. По счастью, мне не придется их выслушивать, потому что, когда в семье случаются какие-то драматические события, мама выступает в роли негласного репортера светской хроники и делегата.

— Слушай, мам, меня просят отключить телефон, — говорю я, хотя на борт поднялись еще не все пассажиры и един-

ственное, что я вижу с того самого момента, как села в самолет, это широченные улыбки от уха до уха. Я разъединяюсь с мыслью позвонить Адаму, но решаю, что не следует торопить события. Можно набрать Стефани, но я вчера несколько раз разговаривала с ней. Джастин снова сошелся со своим старым бойфрендом, и мы с ним все больше отдаляемся друг от друга, Рэчел же напомнит мне об особой важности смирения перед лицом мирового признания. И впервые за все время, как я стала вести здоровый образ жизни, я не испытываю благодарности. Это я заставила хрюкать от смеха Мередит с Мэттом. Это мне все льстили. Это я стала последней сенсацией. И если учесть, что моя голосовая почта ломится от сообщений, оставленных поклонниками, то почему, черт возьми, не допустить мысли, что кто-то разделяет мое ликование?

— **В**от мы и приехали, — говорит Тим, когда наш лимузин останавливается у «Рузвельт отель». — Выходи.

Мы только что поужинали в «Мистер Чаус» и теперь собираемся провести вечер в «Рузвельте», где нередкими гостями являются Пэрис и Джессика Симпсоны и где у входа толпятся папарацци, которые знают, что за одну ночь здесь можно заработать недельное жалованье. Это — часть плана, разработанного Тимом и Надин, в который входит, чтобы я почаще «выходила», и, хотя, с одной стороны, мне приятно все это внимание, с другой — оно меня утомляет. «Это же работа на полную ставку — сохранять облик Тусовщицы», — думаю я, когда водитель открывает дверцу и помогает мне выйти.

Мы подходим к собравшейся снаружи толпе, швейцар Эндрю приподнимает бархатный канат и пропускает нас внутрь.

— Привет, Амелия, — говорит он, когда я прохожу мимо него впереди Тима с Джоном. Я годами здоровалась с Эндрю, он же на меня даже не смотрел. С одной стороны, мне приятно, что столько людей обращаются ко мне по имени, с другой — меня это раздражает. Такое ощущение, будто за мной постоянно наблюдают. Но я ему улыбаюсь, поправляя при этом глубокий вырез своего шелкового платья от Марка Джэкобса.

Интересно, а нет ли здесь Адама, думаю я, когда мы подходим к стойке. Уже больше двух недель прошло с момента нашего разговора в Нью-Йорке, а он так и не позвонил, и я в шоке, хотя понимаю, что у него для этого есть веские причины. На экране то и дело мелькает реклама его шоу, и я мучаюсь от мысли, что он влюбился в главную героиню — бывшую «Мисс тинейджер США», которая дебютирует в шоу — и начисто забыл обо мне. Я понимаю, что могу позвонить ему сама, но не могу себя заставить. «Связь по определению не может быть односторонней, — думаю я. — Разумеется, он позвонит».

Когда мы подходим к бару, Тим спрашивает, что я буду пить. Мы впервые за все время пошли куда-то вместе, и я уже давно была готова к этому вопросу. Рэчел сказала, что мне вовсе не обязательно объяснять кому-то, почему я не пью, но, уж если спросят, можно сказать, что мне колют антибиотики. «Скажи, что ты больше не пьешь, — подсказывает мне внутренний голос, когда я обвожу взглядом выстроившиеся передо мной в ряд бутылки. — Ну что он, колонку у тебя отнимет, что ли?»

Но вместо этого я заказываю клюквенный сок с содовой, а Тим лишь кивает и делает заказ, а себе и Джону берет водку с тоником. Я замечала в последнее время, что люди не так уж и зациклены на спиртном. «Может, он решил, что я уже устала круглосуточно пьянствовать», — думаю я и даже не знаю, радуется ли меня это или пугает.

— Ну, так чем ты можешь нас порадовать из недавнего? — спрашивает меня Тим, когда мы усаживаемся в свою кабинку. Джон выжидательно поднимает взгляд, и мне вдруг становится ужасно не по себе при мысли о том, что они думают обо мне на самом деле. «Соображай, — говорю я себе, — быстро». Я начинаю перебирать события последних нескольких дней: в понедельник вечером я ездила на собрание в «Пледжс», чтобы увидеться с Джастином, но он не появился; во вторник играла с кошками, страдала из-за Адама и читала книгу о «Пледжс». Среда? Я не могу вспомнить, что де-

лала в среду, и меня на мгновение охватывает радость: значит, я сейчас наверняка расскажу им какую-нибудь захватывающую историю. Но тут же вспоминаю, что, нажимая наугад кнопки на пульте, случайно наткнулась на «Энимал плэнет», где показывали передачу про белых медведей, которую я и смотрела. Я уже начинаю паниковать, боясь разочаровать обоих, когда вспоминаю тот вечер, когда пришла в «Гайс» с Чэдом Миланом, а ушла с Риком Уилсоном. «Я ведь не сочиняю, — размышляю я. — Просто слегка перетасовываю даты».

— Ну, — говорю я. — Я тут на днях ужинала с агентом САА.

Тим вежливо кивает, хотя вид у него слегка разочарованный.

— А ушла с одним безработным актером, от которого в шестнадцать лет была без ума.

— Нет! — кричит Тим, не веря своим ушам, и его губы мгновенно расплываются в широченной улыбке. И он добавляет, взглянув на Джона: — Дрянная девчонка.

— Я просто не знала, как мне избежать прощального поцелуя с агентом, — говорю я, пожимая плечами. «По вопросам филантропизма — к Анджелине Джоли», — даю я себе установку, продолжая рассказывать Тиму с Джоном, как целовалась с Риком в машине, потом отправила Чэду сообщение, а на следующий день в спортзале он меня расколол.

— Этим-то то она и хороша, — обращается Тим к Джону, сделав глоток. — Она знает, что хочет, и берет это, когда все остальные ломают голову, как бы чего не натворить. — Я киваю и улыбаюсь, думая: «Ну и обманщица же я. Я не могу выбросить из головы Адама, зато сижу здесь и изображаю из себя женщину-амазонку». Мне очень хочется, чтобы Тим с Джоном перестали меня обсуждать, и я поражаюсь тому, что подобное вообще могло прийти мне в голову.

Музыка вдруг становится громче. Тим с Джоном болтают дальше, но из-за того, что они сидят напротив, я почти

ничего не слышу, поэтому делаю вид, будто меня крайне заинтересовала окружающая обстановка, хотя больше всего мне сейчас хотелось бы принять ванну с пеной.

Тут к нашему столику подходит официантка и ставит передо мной рюмку текилы, кивая в направлении стойки, где стоит Джереми Бэрренбом, продюсер, связанный с «Сони», и с улыбкой поднимает рюмку. Я улыбаюсь ему в ответ и опускаю взгляд на свою.

— От поклонника? — спрашивает Тим, наклонившись ко мне, и я киваю. Я смотрю на дольку лайма и соль, которые положила передо мной официантка, и когда снова поднимаю взгляд, то вижу, что Джереми Бэрренбом уже стоит около меня.

— Тусовщица, ты окажешь мне честь? — спрашивает он слегка небрежным тоном, поднимая свою рюмку. Когда я ничего не отвечаю, он продолжает: — О'кей, хорошо, если уж ты так настаиваешь на том, чтобы сделать это в постели, я готов.

Несколько лет назад я с ума сходила по Джереми. Мне его показали на одной из первых моих голливудских вечеринок, упомянув, что он продюсировал два моих любимых фильма и встречался с этой актрисой из «Мелроуз Плейс». Он показался мне симпатяшкой, хотя я отлично знала, что, будь он водопроводчиком, а не успешным продюсером, возможно, я бы так не думала.

Позже в тот же вечер нас познакомили, и все время нашего разговора он оглядывался по сторонам, ясно давая мне понять, что просто убивает время, дожидаясь кого-то гораздо более значительного и известного. Наконец он извинился и отошел к Рэчел Хантер. Потом, если мы случайно встречались, мы кивали друг другу в голливудском стиле — да-да, мы встречались, но я вряд ли помню, как тебя зовут. Когда же в прошлом году кто-то решил представить нас друг другу на одной премьере, я сказала, что мы уже знакомы, а он протянул мне руку, сделав вид, будто никогда меня в глаза не видел. И мне тогда было очень любопыт-

но — он со всеми так раскланивается и притворяется, что не знаком, для пушей важности? Или это только в Голливуде принято не узнавать человека?

— Самой яркой гостье на свадьбе, — говорит он, слегка коснувшись своей рюмкой моей. Я смотрю, как он берет у меня соль, высыпает ее на ладонь, слизывает, выпивает содержимое рюмки и тянется за долькой лимона. Я так остро ощущаю запах текилы, будто только что выпила ее сама. — В чем дело? — спрашивает он, показывая на мою нетронутую рюмку.

Я смотрю на Тима с Джоном, которые заинтересованно за всем этим наблюдают, и после неловкой паузы во всеуслышание объявляю:

— Текила мне еще в школе приелась, я с тех пор ее видеть не могу, — произношу я с улыбкой. Во всяком случае, соврала лишь отчасти. — Ты не против, если я выпью чего-нибудь другого?

— Ни в коем случае, — отвечает Джереми. — Я выпью с тобой еще раз. — Он подзывает официантку, та подходит и вопросительно смотрит на меня.

— Хммм, — говорю я, лихорадочно соображая, как же мне выпутаться из этой ситуации. И говорю официантке, стараясь выиграть время: — Знаете, я никак не могу выбрать. Может, я подойду вместе с вами к стойке и там решу? — Она пожимает плечами и уходит, я жестом показываю Джереми и Тиму с Джоном, что сейчас вернусь, и следую за ней. И как только мы оказались у стойки, я вспоминаю, как, еще учась в школе, воровала у родителей водку с джином, а потом доливала в бутылки воду. Почему бы не попробовать сейчас то же самое? И я говорю официантке:

— Я понимаю, что это звучит глупо, но не могли бы вы в одну рюмку налить водки, а в другую — воды?

Она с секунду молча смотрит на меня, потом кивает. Клянусь, лос-анджелесских официантов ничем невозможно удивить. Она просто счастлива, что я не спрашиваю, что калорийнее — «Кетель Ван» или «Абсолют».

— Я могу выставить ему счет как за две водки? — спрашивает она. Я киваю, и она вручает мне рюмку с водкой и рюмку с водой.

Почувствовав странный прилив сил благодаря трюку с водой, я начинаю испытывать все то же, что и на ТВ. Я ощущаю уверенность и своего рода бесстыдство, пока пробираюсь обратно к Джереми, пританцовывая под песню Джей Зед, которая ревет из колонок. Я подхожу к столику, за которым Тим с Джоном оживленно о чем-то беседуют, и протягиваю Джереми его рюмку.

— За неожиданную встречу, — говорю я, стараясь определить, помнит ли он вообще, что мы с ним давно знакомы, или ему попросту наплевать.

— И за дальнейшее знакомство, — с ухмылкой отвечает Джереми, чокаясь со мной. Он запрокидывает рюмку, я проглатываю свою воду, сморщившись, как от водки. Клянусь, это зрелище было достойно «Оскара».

— Господи, как же я люблю «Кетель Ван», — говорит Джереми, достает свой сотовый и добавляет: — Мы обязательно должны встретиться на этой неделе. Какой у тебя номер? Диктуй!

Я диктую ему свой телефон, удивляясь тому, что именно он, а не Адам, хочет поужинать со мной на этой неделе. «Сделай счастливое лицо, — убеждаю я себя. — На тебя смотрят Тим с Джоном. И потом, само по себе это совсем неплохо».

Тут звучит песня Кейни Вест, на стойку запрыгивают две девушки в топах без лямок и коротеньких джинсовых юбках и начинают танцевать.

— Эй, Тусовщица, ты должна к ним присоединиться! — вопит Джереми во весь голос. Тим улыбается, Джон кивает. Я качаю головой, думая про себя: «Я слишком старая и трезвая, черт побери», а Джереми начинает завывать: «Тусовщица! Тусовщица!» Тим с Джоном вторят ему, потом Джереми хватает меня за талию и пытается посадить на плечо, чтобы поднять на стойку. Когда же я вижу, что к нам прибли-

жаются его друзья, парочка агентов, то понимаю, что отступать уже слишком поздно.

Я принимаю руку бармена, который помогает мне взобраться на стойку, чувствуя, как меня разглядывают около сотни посетителей клуба. Делая вид, будто для меня это в порядке вещей, я поворачиваюсь к двум девочкам, с виду еще не достигшим половой зрелости, и начинаю танцевать. Вначале я просто совершаю равномерные возвратно-поступательные движения — мне нужно несколько минут, чтобы приноровиться к музыке. Обычно мне в этом помогало спиртное. Но сейчас я трезвая и не в окружении толпы. Рядом со мной две девочки, чей суммарный возраст, вероятно, даже не дотянет до моего. И вдруг я вспоминаю случай, как однажды в детстве хотела вместе с остальными поиграть в классики, а меня не пустили.

«Только бы они меня приняли, — думаю я, глядя на девушек, и стараюсь излучать спокойствие и уверенность. — И только бы здесь не было Адама». Одна из девушек смотрит на меня с широченной улыбкой.

— Глянь, это ж настоящая Кэрри Брэдшоу! — говорит она, совершая движения, очень напоминающие хип-хоп.

— Круто! — отвечает ее подруга, которой это явно не столь интересно, но мне тоже наплевать. Я благодарна первой девушке, которая отходит от подруги и присоединяется ко мне.

— Вау! — орет откуда-то снизу Джереми, а Тим с Джоном ерзают на своих стульях и хлопают в ладоши. Мне это уже начинает нравиться, и я придвигаюсь к Топу, двигая бедрами, а она, в свою очередь, приближается ко мне. Кто-то прибавляет звук, и Топ придвигается ко мне еще ближе. Дальше начинаются настоящие грязные танцы. Ей следовало играть вместе с Патриком Суэйзи, потому что девушка придвигается ко мне еще ближе, и мне ничего не остается, как подыгрывать ей и тереться своими бедрами о ее.

И хотя я точно знаю, что не лесбиянка — пропади он пропадом, тот поцелуй, — меня странным образом возбуждает

этот танец на стойке бара в «Рузвельте» с девушкой, которая косит под Пэрис Хилтон. Это даже не столько возбуждение, сколько ощущение вседозволенности. Я отдаюсь во власть музыки, почти забыв о том, кто я и где нахожусь. «Вот за это я и любила наркотики, — думаю я, вращая бедрами в такт с Топом. — Они здорово помогали отрываться». Моя генетическая застенчивость куда-то улетучивается, и я танцую, чувствуя, что уже вся взмокла.

Тут вспыхивает импульсная лампа, на стойку запрыгивает еще несколько девушек, и, осмотревшись, я вижу, что почти все посетители клуба танцуют, даже — как ни шокирующее это звучит — Тим с Джоном. На меня и Топ, которая снова присоединилась к своей подружке, уже никто не обращает внимания. Джереми подходит к стойке, щелкая пальцами, с таким видом, будто ничего важнее этого для него сейчас нет.

— Что, «Кетель Ван» ударил в голову? — кричит он мне снизу.

Я смотрю на него с улыбкой, продолжая танцевать.

— А то! — кричу я в ответ.

— *И* просто не верится, что такое можно вытворять в трезвом виде, — говорит Стефани, принимая у меня из рук чашку кофе. Она забежала, чтобы отдать мне экземпляр «Нью-Йорк пост», где оказалась моя фотография, на которой мы с Топом, оказавшейся дочерью знаменитого фотографа и его жены-супермодели, танцуем на стойке. Снимок сопровождается статья о нашей тайной связи.

«Написав блестящую колонку для «Чэт», Стоун, печатающаяся под псевдонимом «Тусовщица», некоторое время встречалась с девятнадцатилетней студенткой Кроссрудс, — читает Стефани. — Что бы там ни говорила Амелия про то, что она натуралка, — утверждает близкая подруга миловидной обозревательницы, — все это чушь. Она лесбиянка до мозга костей».

Стефани швыряет газету на мой обшарпанный претенциозный кофейный столик и делает большой глоток кофе.

— Какая прелесть, — говорит она. — Так что не ищи виноватых, когда начнутся сплетни.

Я подбираю газету и присоединяю ее к папке с остальной прессой.

— Да брось ты, ты же была ни при чем, когда тебя стали считать саентологисткой.

Стефани со смехом ставит свою чашку.

— Просто я не могу представить, как ты исполняешь грязные танцы с полуобнаженной малолеткой, будучи трезвой, как стеклышко. Как ты это делаешь? Притворяешься пьяной?

И я вспоминаю, как я пила и нюхала кокаин, чтобы немного снять напряжение, хотя все было бесполезно — все эти тусовки только обостряли мое одиночество и дискомфорт. В «Пледжс» мне говорили о том, как важно создать в своей жизни уют, чтобы не возникало потребности снимать напряжение, а именно это со мной сейчас и творится: та скромная и порой стеснительная личность, какой я была когда-то, объединяется с той, которая тусовалась по ночам, накачавшись наркотиками. «Мне больше не нужно спиртное и наркотики, как остальным, чтобы расслабиться», — прихожу я к выводу, решив, что это такая редкость, что ее практически можно приравнять к сверхъестественным способностям.

Вслух же говорю следующее:

— Не знаю. Может, это был своего рода «естественный кайф»?

И подчеркиваю эту фразу красноречивым жестом, потому что еще совсем недавно мы со Стефани упали бы со смеху над этим выражением, хотя втайне оно мне всегда нравилось. «Я могу испытывать естественный кайф от того, для чего другим нужна всякая химия», — думаю я и только потом вспоминаю, как Томми частенько говорил о том, что, если тебе гораздо лучше, чем окружающим, это означает лишь, что в какой-то момент тебе обязательно станет хуже. Но потом мне приходит мысль, что он просто ни черта ничего не понимает. Иначе не стал бы тратить свою жизнь на работу в этом захолустном полуразвалившемся реабилитационном центре в западном Лос-Анджелесе.

— Амелия Стоун под естественным кайфом, — смеется Стефани. — Кто бы мог подумать? — И она с улыбкой допивает свой кофе.

Я зажигаю сигарету так, чтобы дым выходил в окно, и размышляю над тем, как я на самом деле благодарна Стефани за то, что она спокойно может говорить со мной о том, что я бросила пить. Остальные, узнав, что я прошла курс реабилитации, сразу же терялись, и это заставляло меня нервничать. «Надо встретиться за рюмочкой», — заявила мне на прошлой неделе мой агент. И тут же огорченно добавила (как будто мне слово «рюмочка» могло показаться порочным): «Ну то есть выпьем воду с содовой?»

— Я просто боюсь, что Тим может узнать, — говорю я, принося с кухни пакет арахиса и засовывая в рот пригоршню.

Стефани показывает на пакет, я передаю его ей, и она откидывается на спинку кушетки.

— Я тебя умоляю! Какое это имеет значение? Если ты сохранишь подходящий имидж и будешь писать ему классные статьи, то какая ему, хрен, разница, трезвая ты или накачалась экстази?

— Метко замечено, — говорю я.

— Может, стоит продать эти сведения «Пейдж Сикс»? — спрашивает Стефани, стряхивая с колен в руку крошки арахиса и выбрасывая их в корзину для мусора. — «Амелия Стоун на самом деле — не Тусовщица»! — Мы обе хохочем. Тут звонит телефон, я иду отвечать и вижу, что на определителе высветился номер Тима.

— Тим, — говорю я, решив не брать трубку. — Наверное, хочет узнать, когда я пришлю ему копию.

— Когда должна выйти колонка?

— Завтра. — И я начинаю терзать заусенец на большом пальце.

— Господи! Почему ты всегда тянешь до последнего? Ты ненормальная.

Я пожимаю плечами. Когда я писала свою первую статью, то заметила, что успела лишь потому, что в крови бушевал адреналин. Было такое ощущение, что я собираюсь совершить невероятный забег на короткую дистанцию,

и страх не добежать до финиша только сильнее меня подстегивал. Хотя, может, мне просто нравится роль мученицы. Но сейчас мне вдруг кажется, будто мне просто повезло с моей первой статьей, благодаря чему все теперь считают меня блестящей обозревательницей, хотя на самом деле я вообще ничего не умею. Стефани, должно быть, заметила выражение паники на моем лице, потому что подходит к кушетке и берет свою сумку. Мне в голову приходит мысль сделать дорожку, от чего я тут же прихожу в ужас, но ничего не говорю. Я справлюсь, я в этом не сомневаюсь.

— Все будет хорошо, Тусовщица, — говорит она, подходя к двери. — Если же нет, попробуй взглянуть на это иначе: ты ведь в любой момент можешь начать делать колонку «Нетусовщица».

— Ха-ха.

Как только Стефани уходит, я сажусь за компьютер, открываю новый вордовский документ и тупо смотрю в монитор, размышляя: «Так, вот он и настал, творческий кризис». Никогда не доводилось сталкиваться с этим понятием, зато я от многих о нем слышала, так что, полагаю, для меня это просто вопрос времени.

Тут снова звонит телефон, к которому я с готовностью подскакиваю, даже не посмотрев на определитель, радуясь возможности отсрочки.

— Амелия? — слышу я молодой женский голос.

— Да.

— Это Шарлотта. Мы с вами виделись вчера ночью. Ну... то есть... танцевали.

О господи. Девочка-топ. А я-то была уверена, что она канула в небытие.

— Привет, Шарлотта. Чем могу быть полезна? — А в голове вертится мысль: «Господи, а что, если она сейчас будет назначать свидание?» А потом другая: «Прекрасная статья получилась бы».

— Надеюсь, ничего страшного, что я позвонила? Вы оказались в листинге, вот я и решила, что вам можно зво-

нить. — И я мысленно отмечаю, что надо бы удалить свою фамилию из листинга. — Просто... мне правда очень понравилась ваша колонка. Когда я ее прочитала, то подумала: «О господи, ведь эта женщина описала мою жизнь», хотя, если быть честной, у меня она еще более безумная.

— Хм, — говорю я, так и не в состоянии уяснить, к чему она клонит.

— Просто мне интересно, как у вас это началось? Я спрашиваю потому, что больше всего на свете мне хотелось бы писать. Первый свой роман я написала, когда мне было двенадцать лет, а стихи сочиняю с восьмого класса, а уж журналистничаю столько, сколько себя помню.

И, кажется, с того момента, как она сказала «журналистничаю», она начала меня раздражать. «Настырная девочка», — думаю я, выслушивая бесконечные истории о том, как она работала редактором в школьной газете и литературном журнале.

— Послушайте, — резко перебиваю я, пока она не начала читать мне стихи, посвященные умершей бабушке. — Я не смогу помочь вам с работой. Самое большее, что я могу для вас сделать, это посоветовать для начала поучиться в колледже, а потом поискать работу в каком-нибудь журнале. Именно так я и поступила в свое время.

Девочка-топ-Шарлотта смеется.

— Мне пока рано заниматься поисками работы. Мне всего восемнадцать. Я просто хотела узнать, не читали ли вы что-нибудь из моих работ и... ну, не знаю... а если читали, то считаете ли, что у меня есть задатки?

Не знаю даже, то ли это шок, полученный от фразы «Мне всего восемнадцать лет», то ли возмущение, вызванное тем, что эта кукла, демонстрирующая на барных стойках свое бесподобное тело, в то же время умудрилась написать множество романов, еще не достигнув половой зрелости. Но ее самомнение — «у меня гораздо больше стремлений, чем у кого-либо из вас» — явно действует мне на нервы.

Но, разумеется, я этого не говорю.

— Может, я продиктую вам свой электронный адрес, и вы вышлете мне что-нибудь? — предлагаю я, решив, что всегда смогу удалить ее сообщение и заблокировать ее вызовы, если она снова вздумает меня доставать.

— Великолепно! — визжит она. Потом я выслушиваю, какая я классная и потрясающая и как ей хочется быть такой же, как я, когда она «вырастет», пока наконец у меня не лопается терпение.

— Шарлотта, я должна идти, мне нужно писать статью для колонки. — И с этими словами я кладу трубку прежде, чем она успевает что-либо сказать, отчего чувствую себя древней старухой, после чего снова сажусь за компьютер и грызу заусенцы.

Я встаю, сажусь и снова встаю, чтобы взять пакет со снеками, и опять плюхаюсь за стол. Тиму с Джоном так понравился мой рассказ про поход в «Гайз» с Чэдом Миланом, от которого я сбежала вместе с Риком Уилсоном, что, наверное, можно взять его за основу. И стоит мне напечатать заголовок — «Обязательный прощальный поцелуй на ночь» — как дальнейшее выходит само собой.

«Если мужчина раскошеливается за ваш тирамису, смиритесь с тем, что в обмен он потребует на пробу ваш язык. Я понимаю, что девять из десяти опрошенных мужчин ни за что бы в этом не признались (а десятый признался бы в том случае, если бы решил, что в обмен на это распробует ваш язык), но должна сказать, что мы, женщины, сами провоцируем их, когда позволяем не отдавать нам распечатку счета. Однако последующий поход в бар, окончившийся тем, что вы сбежали с другим мужчиной потому, что «не смогли найти» своего спутника, может привести к неразрешимым проблемам».

На долю секунды меня пронзает мысль, что это может прочесть Чэд Милан, но тут же понимаю, что единственный человек, на которого данный инцидент может бросить тень, так это я сама. «В том, что касается самокритики,

вы — гений», — сказал мне за ужином в Нью-Йорке один из старших редакторов «Чэт». «И потом, — убеждаю я себя, продолжая набирать текст, — материал уж слишком хорош, чтобы от него отказываться». Я закуриваю сигарету, думая о том, что могу столкнуться с Чэдом в спортзале и выслушать еще одну порцию упреков. И тут же в голову приходит мысль: «Запишусь в «Эквинокс». Говорят, там гораздо лучше».

Когда я прихожу домой после Эмми, раздается телефонный звонок, но я мысленно вешаю на него табличку «Не беспокоить» и не беру трубку. Мне хочется курить, пока я распаковываю три пакета, набитых ремнями, кондиционерами для волос, юбками, которые я никогда не надену, и лосьонами, гарантирующими «эффект лифтинга».

У меня не укладывается в голове тот факт, что я только что вернулась с Эмми, хотя ничего общего с Эмми не имею, и даже не смогла разобраться, кого там номинировали. Меня пригласила туда одна агентша, пришедшая в неопиcуемый восторг оттого, что я согласилась, после чего я сразу же догадалась: мое появление там увеличит количество читающих «Чэт». «Ладно», — решила я. Слышала я про все эти мероприятия по вручению наград, когда номинантов и дарителей приглашают в какой-нибудь особняк, чтобы раздать все это бесплатное дерьмо в обмен на то, что фотографии получают возможность запечатлеть их за разбором новых товаров, и решила, что ничего плохого не будет, если схожу.

Но сейчас, глубоко затянувшись сигаретой, я думаю, что это было ошибкой. Как только меня впустили в этот особняк в стиле Тюдоров, аренда которого, по слухам, составляет 20 000 долларов в день, и я стала переходить от стенда к стенду, на меня тут же напала подростковая жадность.

Глаза лихорадочно бегали — мне одновременно хотелось подойти и к стенду с обувью от Кедс, и к столику с косметикой МАС, и к мини-замку «Toys «R» Us», хотя Кедс я вообще не люблю, косметикой пользуюсь редко и, уж конечно, не играю в игрушки. Меня раздражал каждый, кто пытался помешать мне заграбастать все и сразу. Но даже посещение всех стендов не смогло утолить мой голод. «Самое лучшее вон там, справа», — думала я. Или: «Господи! Лак «Нейлтикс» — вот что мне нужно!» Я напомнила самой себе участницу одного игрового шоу, которое смотрела в детстве, где победителям предоставлялось определенное время, чтобы они записали в магазинные пакеты все, чего душа ни пожелает. Помнится, тогда меня одновременно охватывали паника и радость, и это было невыносимо. А вот когда я стала реальной участницей подобного действия, меня захлестнуло гораздо более сильное чувство — жадность.

Так же мне не понравились подхалимские черты моей натуры, которые вдруг вылезли наружу. «Я просто обожаю саронги», — ни с того ни с сего ляпнула я женщине, которая предлагала мне невообразимо убогие саронги всех цветов радуги. А тому парню, который выставял «Рейбанс», которые я в жизни не носила, я вообще сказала буквально следующее: «Всю жизнь мечтала носить такие очки». И почти все эти люди были болезненно любезны, даже слишком любезны, если учесть, что бесплатно раздавали товары, обычно выставяющиеся на продажу, и в такой обстановке просто не верилось, будто кто-то сейчас бедствует, что в Африке голодают и что есть такой человек, как Джордж Буш. Все разговоры сводились к пластической хирургии, фуршетам, устраиваемым после Эмми, и новой линии «Джуси». А где же номинанты на Эмми? Меня окружали репортеры из дешевых газетенки, агенты, подбирающие что-то «для своих клиентов», и прочие безмозглые бездельники. И я не могла не согласиться с тем, что я — одна из них.

Теперь же, придя домой, опорожнив сумки и разделив все на несколько кучек, я ощущаю сильнейшее желание от

всего этого избавиться. Но не раздать бедным — ничего подобного! — а просто подарить это все друзьям. «Я все это не заслужила, — говорю я себе, сменяя окурков, — хотя почему — не знаю».

Я начинаю негодовать из-за того, что данное мероприятие повергло меня в подобное уныние. Мне стало так хорошо с тех пор, как я прошла курс реабилитации, будто то, что было до «Пледжс», происходило вовсе не со мной, а с другим человеком. И эта усталость — всего лишь отголоски моей прежней жизни, из-за которой мне больше ни в коем случае не следует переживать. Но в душе я понимаю, что расстроилась не из-за вечеринки: просто прошло уже больше месяца с того момента, как мы с Адамом болтали по телефону в Нью-Йорке, после чего он ни разу так и не позвонил.

Телефон снова трезвонит. Сверившись с определителем и убедившись, что это не Адам, я возвращаюсь на кушетку, где меня ожидают сигареты. «Нельзя изолироваться от людей», — думаю я, решив все же проверить оставленные сообщения. В центре нас предупреждали по этому поводу и говорили, что если вдруг захочется побыть в одиночестве, то надо тут же совершить «обратный поступок» — выбраться в свет. Но у меня нет настроения это делать.

Я выслушиваю сообщение от Тима — ему понравилась моя новая статья, — потом кто-то пару раз положил трубку, затем Стефани осведомилась, не хочу ли я пойти с ней на какую-то экранизацию, а после нее звонила Рэчел, которая желала знать, почему я не появляюсь уже несколько дней. «Какого черта говорить, что он одержим мной, чтобы потом не звонить?» — думаю я.

Я включаю компьютер, чтобы просмотреть почту, на которую еще не успела ответить, и натыкаюсь на письмо от Шарлотты (девочки-топ), к которому прикреплены ее литературные изыски. Я открываю первый документ, решив, что, прочитав ее жалкие писательские потуги, почувствую собственное превосходство.

И тут происходит нечто поразительное: я буквально не могу оторваться от текста. Первый прикрепленный файл представлял собой эссе, где она описала знакомство с одним фотографом, специализировавшимся на обнаженке, которого она сначала попросила сделать несколько ее фотографий, потом стусевалась, но в конце концов он дал ей какие-то наркотики, и она перестала стесняться. Это настолько точно передает тот конфликт, который постоянно раздирал меня — я ведь горжусь своим телом и в то же время стыжусь этой гордости. Это довольно забавное, искреннее и ни на что не похожее описание, тем более если учесть, что представлено оно восемнадцатилетней девушкой, — которая ровно на столько и выглядит — что я буквально шокирована. «Черт с ней», — думаю я, пожалев о том, что начала с прочтения именно этого письма.

Тут снова трещит телефон, и у меня буквально сердце выскакивает из груди. Звонок по частной линии, но я все-таки заставлю себя сделать «обратное действие» и ответить на него.

— Ал-ло, — мелодичным и, к своему потрясению, совершенно спокойным тоном произношу я в трубку.

— Тусовщица? — Я сразу же узнаю голос, но притворяюсь, что не помню, кому он принадлежит.

— Да?

— Джереми Бэрренбом. Чем занимаешься? Почему не разносишь этот город?

И мне тут же становится неловко за то, что меня застали дома в четверг вечером.

— Как раз собиралась уходить, — отвечаю я, взглянув на часы. Семь тридцать. Звучит довольно убедительно.

— Класс. Куда? Может, и меня с собой возьмешь?

Мгновенная паника, и тут же следует ответ:

— К друзьям. На закрытую вечеринку. Извини.

— Класс, — говорит он. — А как насчет завтра? В «Нобу» в Малибу?

Я никогда не любила рыбу, в особенности сырую, что для Лос-Анджелеса — сущая аномалия. Но больше всего мне не

хочется идти куда-то с Джереми Бэрренбомом и оправдывать свой имидж «отпетой девчонки», когда в действительности таковой уже не являюсь. И потом, как я вывернусь? Попрошу официантку открыть бутылку яблочного сидра «Мартинелли» под видом шампанского?

Я перевожу дыхание.

— Знаешь, Джереми, я должна была еще тогда тебе сказать...

— Ах, да, я прочел эту чушь в «Пейдж Сикс» про то, что ты лесбиянка. Неужели ты думаешь, что я на это купился?

Я с трудом подавляю желание бросить трубку.

— Нет-нет, я — гетеро. Просто у меня есть парень.

Небольшая пауза, после которой он отвечает:

— Слушай, какая разница? У меня тоже есть девушка.

«О господи, неудивительно, что он получает такую невероятную прибыль от своих фильмов, — думаю я. — Настырный ублюдок».

— Понимаешь, просто я хочу встречаться только с ним, — говорю я. И, представив себе Адама, я на какой-то момент убеждаю себя, что мы действительно «встречаемся».

— О'кей, о'кей. — Судя по голосу, он несколько не обескуражен. — Оставить мой номер? А вдруг у тебя с ним не получится?

— Конечно, — отвечаю я, понимая, что веду себя как тряпка. Он диктует какие-то свои телефоны — домашний, рабочий, сотовый и в Палм-Спрингс — а я притворяюсь, будто записываю, хотя просто лежу на спине без движения. Потом говорю: — «Я тебе позвоню», и тут же понимаю, что сказала глупость, но эта фраза машинально слетает у меня с губ, потому что мне не терпится поскорее положить трубку. Он прощается, и я не более секунды сижу с трубкой в руках, когда она снова начинает звонить. На определителе высвечивается 212. Вдруг это редактор из «Чэт», который хочет закрыть мою колонку? Надо ответить.

— Алло. — Интонация моего голоса меняется с мелодичной на омерзительно бодрящую.

— Солнышко, это Надин. Какого черта вы торчите дома?

О господи, Надин, судя по всему, до сих пор пребывает под ложным впечатлением, что каждую свободную минуту своего времени я провожу на первоклассных вечеринках, и, справедливости ради, я не сделала ничего, чтобы ее в этом переубедить.

— Просто забежала на минутку, — с трудом придумывая я оправдание. — Надо было сумочку сменить.

— Ах да, разумеется. — Я же знала, что эта отговорка срабывает: люди вроде Надин часто меняют свои сумочки, я же могу месяцами, а порой годами ходить с одной. — Куда собираетесь?

— Друзья пригласили на закрытую вечеринку. — Я уже сама начинаю в это верить. — Один кинопродюсер. — Если спросит, скажу, что это Джереми Бэрренбом.

— Великолечно! А у меня для вас еще более чудесные новости! Вами интересовались от Райана Дюрана. Он, видимо, прочел вашу колонку и теперь хочет встретиться.

Я слышала, что такое бывает. Говорят, что, когда Том Круз просмотрел первый фильм, в котором снялась Николь Кидман — «Мертвый омут», — он позвонил ее агенту и назначил ей свидание. Но меня все равно повергает в шок, когда люди взирают на жизнь так, будто это каталог «Поттери Барн*» или меню из «Пинк Дот**», и вот так запросто заказывают себе людей — неважно, что они обладают всемирной славой и любовью.

Райан Дюран — уважаемая кинозвезда, который прославился еще в восьмидесятые, будучи подростком. Каким-то образом он смог избежать звездной болезни; в прессе его всегда выставляли как человека с мятущейся душой и дамского угодника, поэтому, разумеется, сколько я себя помню, я была от него без ума. Помнится, я прочитала в «Премьере», что единственное его желание — это бегать вместе со

---

* Магазин типа «ИКЕА».

** Служба доставки еды.

своей собакой по пляжу близ Зумы, после чего фантазировала, что буду дожидаться его в нашем доме в Малибу после очередной пробежки. И я только спрашиваю:

— Что?

— Его менеджер сказал так: «Она показалась ему очень сексуальной. Можно, он ей позвонит?» — Я ответила, что может быть, но сначала мне придется обсудить это с вами.

После этих слов внутри меня закипает серьезная борьба: с одной стороны, мне все это безразлично, но та юная девушка, которая еще живет во мне, в полнейшем восторге.

— И что мне ему сказать?

— Соглашайтесь! Это же дивная реклама для колонки!

Меня слегка озадачивает реакция Надин, хотя удивляться не следует. Неужели я могла подумать, что она вдруг перерастет в высокодуховную особу и будет говорить со мной о чем-то, кроме рекламы?

— В таком случае, — говорю я, воображая, какую фантастическую ревность вызовет у Адама новость о том, что я встречалась с Райаном Дюраном, — дайте ему мой номер.

— Ура! Как хорошо, что вы согласились, потому что я уже это сделала!

— Надин!

— Он может позвонить с минуты на минуту.

— Но вы же звонили, чтобы узнать, соглашусь ли я?

— Я нисколько не сомневалась, что ответ будет утвердительным. Ну кто же откажет Райану Дюрану?

И тут загорается кнопка ожидания вызова. Частная линия.

— Надин! Мне звонят по другой линии.

— Наверное, это он!

Не могу представить, что Райан Дюран соизволил сам позвонить человеку, когда стоит ему только чего-нибудь пожелать, и это тут же будет у него. Я уже хочу сказать Надин, чтобы она не беспокоилась, что я свяжусь с этим человеком позже, но она кричит:

— Отвечайте! — и кладет трубку.

Я нажимаю на кнопку и откашливаюсь.

— Алло?

— Амелия? — И я сразу же понимаю, что это он. Его голос роднее мне голоса собственной матери. Но, разумеется, я не собираюсь это показывать.

— Да?

— Это Дюран. Как поживаете? — Меня одновременно возмущает и восхищает, что он представился только по фамилии. Будь на его месте другой, это прозвучало бы, по меньшей мере, неуважительно, если учесть, что мы в глаза друг друга не видели, а тут у меня сразу же возникает ощущение некой таинственной близости.

— Нормально. А вы?

— Все отлично. Кроме одного. Я сейчас сижу на борту своей яхты, любуюсь на безумно красивый закат и думаю: а почему это я занимаюсь этим в одиночку?

Он что, всегда так знакомится с людьми? И даже не утруждает себя фразой вроде: «Я понимаю, что это не совсем прилично, но просто я прочитал вашу колонку и подумал: не попросить ли своего менеджера связаться с вами?» Получается, что если у тебя есть имя, то можно вот так запросто наплевать на всякие приличествующие случаю вступления, которые все остальные считают обязательным условием?

Но я отвечаю лишь:

— Да?

— Ммм.... Хмм, — слышу я и представляю, как он сидит на своей громадной яхте, держит у уха радиотелефон и улыбается одними губами, как проделывал это минимум в десятке фильмов со своим участием. — Чем занимаешься?

— Собираюсь к друзьям на вечеринку. — Я уже столько раз произнесла эту фразу за сегодняшний вечер, что и сама в это поверила.

— А как насчет наплевать на вечеринку, приехать на пляж и потусоваться тут со мной? У меня сегодня сын ночует.

Ах да, я и забыла. Ведь Райан в середине девяностых был недолго женат на какой-то начинающей испанской актрисе/певице и нередко упоминает в интервью о своем сыне. И хотя больше всего мне хотелось бы сейчас уснуть, и потом, все прекрасно знают, что не следует отправляться в гости к мужчине после первого же звонка, мне почему-то кажется, что, может быть, «тусовка» с Райаном отвлечет меня от мыслей об Адаме.

— Буду через полчаса, — говорю я.

* * *

— Проходи, — говорит Райан, открывая дверь в аскетически маленькую комнатку в светлых тонах. Он ничем не отличается от героев своих фильмов: коротко поцеловав меня в губы, он жестом показывает, чтобы я следовала за ним на кухню. — Я могу предложить тебе что-нибудь выпить? — Он поднимает бокал, трясет его, чтобы в нем зазвенели кубики льда, и делает большой глоток.

— Воды? — спрашиваю я, начиная нервничать и безумно раздражаясь из-за этого.

— Пеллегрино сгодится? — вопрошает он, открывая холодильник.

— Вполне. — Райан достает маленькую бутылку пеллегрино и открывает ее о деревянную столешницу. Это настолько по-мужски, что меня это даже заводит. Он дает мне бутылку, и я из нее отпиваю.

— Чем бы хотела заняться? Не хочешь прогуляться по пляжу? — спрашивает он так, будто я только и делаю, что планирую наши вечера и это — не более чем обычная часть ритуала. И тут в комнату влетает темноволосый мальчик и обхватывает Райана за ноги.

— Эй, там! Что такое? — спрашивает Райан, взъерошивая его волосы. — Хочешь прогуляться с папочкой и его подружкой по пляжу?

Ребенок смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Я Диего, — объявляет он.

— А я...

— Амелия, — заканчивает за меня Райан, и меня одновременно впечатляет то, что Райан запомнил, как меня зовут, и пугает то, что меня это впечатляет.

— Привет, Амелия. — Диего выбирается из-под папиной руки и бежит ко мне. — А ты останешься на ночь?

Полная тишина, после чего я выдавливаю из себя смешок. Вообще-то, это Райан должен был смутиться из-за того, в какое русло перетек разговор, но почему тогда краснею я? Когда всем становится ясно, что я не собираюсь ничего отвечать, Райан улыбается.

— Остынь, дитя, — с нежностью произносит он. — Где Сэм?

Диего вопит:

— Сэ-э-эм! — и в комнату залетает мальчик с волосами, как пакля.

— Мы идем есть пиццу? — спрашивает он Райана.

Райан меня не представляет, и я решаю, что не стоит из-за этого обижаться. Он переводит взгляд с меня на детей.

— Нет, мы идем на пляж играть в мяч, — отвечает он, и, хотя я еще не забыла, как заставляла свою мать писать записки, чтобы меня отпускали с уроков физкультуры в те дни, которые отводились на игры с мячом, я пытаюсь выдавить из себя улыбку. — Как ты, Амелия?

Возможно, все дело в том, что Райан, по сути, мой давнишний знакомый, и в том, что он, бесспорно, очень сексуален. А может, я понадеялась, что игра в мяч (футбол? бейсбол? кто знает?) немного успокоит мне нервы. И если погоняюсь по пляжу с двумя детьми, то смогу забыть о том, что нахожусь сейчас в гостях у человека, чьи постеры украшали в отрочестве стены моей комнаты, а также о том, что мужчина, от которого я без ума и который живет в нескольких кварталах от меня, явно на меня забил.

— Ну конечно, — отвечаю я, скидывая свои босоножки на платформе, которые тщательно отбирала для этой экскурсии. — Кто со мной?

— Лови! — кричу я, бросая Сэму огромный пляжный мяч. Он ловит его, отчего я испытываю невероятную гордость, и бросает мне обратно. В это время Райан с Диего пинают футбольный мяч.

— Спорим, сейчас ты не поймашь! — и я подбрасываю мяч так, чтобы он взлетел на несколько сот футов от земли, но он поднимается всего на фут и тут же шлепается на землю. Сэм подбегает ко мне, чтобы подобрать его.

— Промазала! — кричит он, забирает мяч и возвращается на свое место.

Сэм вообще догадывается, что я только изображаю интерес к этой импровизированной пляжной игре? Он понимает, что я осознанно стараюсь изображать из себя самую любезность, играя в эту дурацкую игру с Райаном Дюраном и двумя восьмилетними мальчиками? Или у Райана столько подружек, что присутствие молодой женщины, которая проявляет чрезмерный энтузиазм и которой на самом деле слегка неловко, — вообще факт, не заслуживающий какого-либо внимания?

Но, судя по всему, Сэм, который в данный момент бросает мне мяч, даже отдаленно не догадывается обо всех этих мыслях, которые бешено прокручиваются у меня в мозгу. Он целиком сосредоточен на том, чтобы добросить до меня мяч, и меня странным образом трогает его горячность и то, что все это представляется ему совершенно нормальным. «Наверное, все же нехорошо гордиться тем, что тобой восхищается восьмилетний ребенок», — думаю я, и в то же время мне кажется, что я поступаю правильно и разумно, изображая из себя заядлую спортсменку.

Потом Диего швыряет футбольный мяч Сэму, а Райан подходит ко мне и берет за руку.

— Просто хочу загонять ребят, чтобы они рухнули в изнеможении, — говорит он, и его губы расплываются в той самой знаменитой прекрасной улыбке. — Ты просто ангел. Спасибо за помощь.

— Ты шутишь? Мне понравилось, — отвечаю я, боясь, что он услышит фальшь в моем голосе, хотя в данный момент я говорю правду. Он садится на песок, достает из кармана куртки смятую пачку «Мальборо редс» и роется в поисках спичек. Я понятия не имею, что должна сейчас сказать или сделать, поэтому просто улыбаюсь и про себя отмечаю, что Райан Дюран только что назвал меня ангелом, и представляя, что мимо только что прошел Адам и услышал эти слова.

— Красное или белое? — спрашивает Райан, изучая винную карту, и поднимает на меня глаза. Когда мы наигрались в мяч, мы усадили детей за просмотр «Властелина колец» под надзором няньки и отправились в итальянский ресторанчик, расположившийся на улочке неподалеку от его дома.

— Никакого. Я не пью, — ни секунды не задумываясь, отвечаю я. Не знаю даже, почему. Может, просто чувствую, что Райан не будет меня осуждать, а может, потому что он настолько эгоцентричен, что ему вообще на все наплевать.

— Круто, — говорит он, расстелив на коленях салфетку. — Я тоже был трезвенником.

После выхода из «Пледжс» я встречалась с людьми, которые как бы между делом заявляли, что они снова стали пить, и, хотя ни у кого из них не торчали из вен шприцы, наполненные героином, я все же довольно скептически относилась к понятию «бывший трезвенник». Пациенты «Пледжс» любят говорить, что никто не попадает туда случайно, потому что если в какой-то момент ты почувствовал, что должен бросить пить совсем, то, скорее всего, эта потребность не пропадет. «Но могут же быть и исключения», — думаю я, разворачивая салфетку и расстелив ее на коленях. Только я не знаю людей, которые бросают пить и принимать наркотики, а потом их жизнь меняется настолько, что они спокойно могут делать это, не боясь снова привыкнуть. Я слышала лишь, что люди сначала бросают, потом посыла-

ют это к чертям и снова возвращаются в реабилитационный центр, потеряв все.

— Просто мне это не помогло, — говорит Райан. — Вся эта белиберда с наставниками. С какой стати какой-то муда-как будет говорить мне, что делать? Ты меня понимаешь? — И он сверлит меня своими ярко-зелеными глазами, явно дожидаясь подтверждения с моей стороны.

— Некоторые наставники действительно настоящие мудаки, — отвечаю я, чувствуя себя немного виноватой, высмеивая программу вместо того, чтобы сказать ему, что его слова не более чем оправдание, что он снова стал пить. — Но есть и отличные ребята. Как и везде, я полагаю.

Я понадеялась, что мои слова покажут, какая у меня открытая, свободная от осуждения, положительная и в то же время реалистичная натура, но, как только они слетают у меня с губ, я понимаю, как нелепо они прозвучали. А когда становится очевидным, что Райан не собирается ничего на это отвечать, я в этом еще больше убеждаюсь. Слова «как и везде, полагаю», до сих пор звучат у меня в ушах, и я невольно съеживаюсь.

Украдкой бросив на Райана взгляд, я вижу, что он самым серьезным образом изучает меню. Я тоже следую его примеру, но почему-то мне никак не удается добиться такого же уровня концентрации. Мне всегда было непросто ужинать с мужчиной, который заставляет меня нервничать, поэтому я понимаю, что о том, чтобы произвести тщательный отбор блюд в присутствии такого собеседника, не может быть и речи. Раньше я думала, что если нервничаю в присутствии парня, то, значит, он мне действительно нравится. Но во время нашей последней встречи с Адамом все было совершенно иначе. Как бы пошло это ни звучало, но я чувствовала себя как дома. «Курица, закажу первое же блюдо из курицы», — думаю я, изо всех сил пытаюсь подыскать темы для бесед с Райаном.

Я всегда полагала, что если два человека ужинают вместе, то каждый из них в равной степени должен вносить

свой вклад в разговор. Разумеется, обычно это происходит само собой — один что-то говорит или отвечает на вопрос, второй подхватывает, и беседа льется сама собой, — просто меня всегда раздражает, когда возникает ощущение, что ответственность за общение целиком возложена на меня. «Почему, черт возьми, ты не чувствуешь себя неловко из-за этой затянувшейся паузы?» — еще минуту назад хотелось мне прокричать своему визави. «Ты что, вообще не считаешь нужным хоть как-то это исправить?»

К нам подходит официант. Я заказываю куриную марсалу, Райан — тортеллини и бокал домашнего кьянти, и я раздумываю над тем, стоит ли мне осуждать его, что он пьет, или обидеться, что не отказался от выпивки из-за меня, а Райан спокойненько себе сидит и явно наслаждается этим гнетущим молчанием. Я прекрасно знаю, что отец Райана был актером, что его родители развелись, когда он был еще маленьким, что лет в двадцать с чем-то он встречался с Марией Белло и что он не учился в колледже, поэтому все эти стандартные вопросы, которые принято задавать на первом свидании, вроде: «Кем ты хотел стать, когда вырастешь?», «Кто твои родители?» и «На кого ты учился?» — прозвучат глупо и неуместно.

Натянутый разговор о том, что сейчас творится в мире, будет сейчас совершенно некстати, а еда мне не настолько интересна, чтобы обсуждать с ним меню. Впервые за все время, сколько я себя помню, я в совершенной растерянности из-за того, что не могу подыскать тему для беседы.

И тут у меня появляется проблеск надежды: он ведь и сам может задать мне типичные для первого свидания вопросы или поинтересоваться моей колонкой, или хотя бы спросить, почему больше не пью. И я улыбаюсь ему, ощутив внезапный прилив сил. Райан тоже улыбается в ответ, и только я понадеялась, что сейчас он меня о чем-нибудь спросит, как он поднимает указательный палец и начинает барабанить им по столу, потом то же самое проделывает указательным пальцем другой руки. И не успела я что-ли-

бо сообразить, как он уже исполняет импровизированное барабанное соло на столе в итальянском кафе, выстукивая некий сумасшедший ритм, который крутится у него сейчас в голове.

* * *

— М-м-м, как ты пахнешь, — говорит Райан, дыша мне в ухо. Он только что умело меня поцеловал, и мы молча смотрим друг другу в глаза. Сейчас я чувствую себя гораздо уютнее, чем за ужином, когда в перерывах между барабанными соло Райана мы обменивались банальными рассуждениями по поводу ресторана, погоды и официантов. Разумеется, то, как я заканчивала свои реплики, никак нельзя назвать банальным: каждую фразу я сопровождала мольбой, на которую он отвечал таким образом, что у меня была возможность сказать что-то еще, но в какой-то момент я поняла, что ему не очень интересна остроумная беседа, поэтому расслабилась и сосредоточилась на своих заусенцах. «Наверное, некоторые люди всегда хранят за едой молчание», — решила я. Я нередко задумывалась над тем, что моя речь гораздо причудливее, скучнее или поверхностней — да что угодно, все зависит от настроения! — чем слова моего собеседника. Но за ужином я окончательно убедилась, что напрягаться из-за этого не стоит: это все равно ничего не решит.

После ужина мы пешком прошли несколько кварталов до его дома, во время нашей прогулки он схватил мою руку и указал ею на упавшую звезду. Я не могла удержаться от мысли, как мы сейчас смотримся со стороны или в камере. А вдруг нас сейчас тайком снимает какой-нибудь папарацци, притаившийся за песчаными дюнами? И тут же снова представляю, как мимо проходит Адам и, увидев нас, начинает проклипать самого себя.

Когда мы оказались на пороге его дома, Райан повернулся ко мне и поцеловал. И мне показалось, что мое напряжение спало. Мне было приятно целоваться с ним, особенно

после того, как он сказал, что ему нравится мой запах. Возможно, он и вправду поможет мне забыть Адама.

— Давай-ка проверим, как там малыши, — предлагает он через несколько минут страстных поцелуев, и мы проходим в комнату, где оставили их погруженными в просмотр «Властина колец». Оба уже спали, а экран оккупировала Элия Вуд. — Садись, — говорит он с улыбкой, показав на кушетку, и, пока он достает из кармана деньги, чтобы рассчитаться с няней, я понимаю, что меня возбудило то, как просто он отдал это властное распоряжение. Порой мне определенно нравится, когда мной командуют.

Я сажусь на кушетку, а Райан одной рукой поднимает Диего, другой Сэма и несет их вверх по лестнице. Меня одновременно возбуждает его сила и его отцовские чувства. Через несколько секунд он возвращается и начинает целовать меня еще более страстно.

Мы продолжаем бездумно целоваться, но в конце концов я все-таки понимаю, что не потеряла над собой контроль. Меня предупреждали, что такое секс на трезвую голову и как это может ввести в заблуждение, но мне в миллион раз приятнее целоваться с Райаном, чем обмениваться с ним репликами. Сравнив его с Адамом, я вынуждена признать, что Райан явно ему проигрывает. «Это просто потому, что с Адамом я дольше знакома», — убеждаю я себя, раздосадованная тем, что целуюсь со знаменитостью и в то же время думаю о парне, который не удосужился мне даже позвонить.

Я стараюсь сосредоточиться на поцелуях, рассудив, что всем мужчинам нравится одно и то же: сначала медленные нежные быстрые «клевки», потом страстные поцелуи с языком, ласкающим верхнюю десну, потом нужно потыкаться в шею, подышать в ушко, для полноты ощущений тихо постанывая.

Райан целуется так великолепно, что у меня кружится голова. Но я невольно задумываюсь, что, возможно, его карьера состоялась благодаря тому, что он ублажал многочисленных директрис по кастингу. И пока мы целуемся, тычемся

друг другу в шею и дышим в ушко, воспоминания о напряжении за ужином испаряются. «Теперь с ним вполне можно разговаривать, — решаю я, проводя языком по его верхней губе, от чего он начинает тихонько стонать. — Но я не буду отрываться от него только для того, чтобы это проверить».

Вскоре мы с Райаном уже лежим на кушетке, он оказывается на мне, и я чувствую через ткань его джинсов, как у него стоит. Райан начинает легонько тереться об меня бедрами, но я не пытаюсь его остановить, хотя в голове и промелькнуло одно из наиболее неприятных мне выражений — «трах всухую». Но когда он начинает расстегивать мои брюки, я отстраняю его руку.

— Просто мне как-то не по себе вот так сразу... — шепчу я, и он кивает, но буквально через несколько секунд его рука снова тянется к моим пуговицам. И когда его пальцы проникают в мое интимное место, меня оставляют все доводы рассудка, равно как и способность что-либо говорить, но я понимаю, что вот сейчас, в данный момент, не может быть и речи о том, чтобы заняться сексом с Райаном Дюраном. Я могла бы сию минуту отбросить все приличия и переспать с ним, хотя он ни словом не намекнул, будто я ему хоть сколько-нибудь интересна. Мне не хочется все портить, но я должна следовать этому идиотскому правилу не трахаться на первом свидании. «Космо» предупреждает, что это можно делать после третьего, однако я вбила себе в голову, будто бы Райан поможет мне избавиться от мыслей об Адаме, и поняла, что мне нужно выработать четкую стратегию, если хочу этого добиться. «Пусть подождет месяца три», — думаю я, дыхнув ему в ухо и почувствовав, как по его телу пробежала дрожь. Рука Райана снова тянется к моим пуговицам, но я ее отстраняю и качаю головой, глядя ему в глаза.

— Уверена? — спрашивает он.

— Да. Давай подождем. Просто нужно узнать друг друга получше.

Он в замешательстве хмурит лоб, и я понимаю, что, наверное, Райан Дюран впервые в жизни столкнулся с тем, что кто-то не желает с ходу прыгать к нему в постель.

— Ты хочешь еще немного прогуляться и чем-нибудь заняться? — спрашивает он, и я киваю. — Здорово, — говорит он с таким облегчением, что я просто диву даюсь, почему это он так меня смущал. Он снова меня целует и добавляет: — Хочешь остаться на ночь? Мы не будем ничем заниматься, просто поваляемся.

Я качаю головой, и Райан очень мило надувает губки.

— Уверена? — спрашивает он. — Было бы здорово — ребяташки спят в моей постели.

Я резко поднимаюсь, слишком изумленная, чтобы раздумывать над тем, что могу сейчас все погубить.

— Мальчишки спят в твоей постели? — спрашиваю я.

— Ну да. — И он с улыбкой тянется за «Мальборо редс», которую прикуривает «Зиппо». — Диего любит спать в моей постели.

— И ты хочешь, чтобы я спала там вместе со всеми вами?

Он с улыбкой кивает и затягивается, а я даже не могу понять — то ли я совершенно отставший от жизни консерватор, то ли это нормально — предлагать едва знакомой девушке провести ночь в постели со своим сыном и его другом. Я жестом показываю ему, чтобы он дал мне затянуться, и думаю: чем скорее я отсюда уйду, тем меньше у меня останется шансов на то, чтобы выяснить и другие неприятные подробности про мою юношескую любовь.

— Мне надо идти, — говорю я, когда мы докурили. Он кивает, целует меня в нос, рывком поднимается с кушетки и за руку выводит через кухню.

— Спасибо за прекрасный вечер, — благодарю я, пока он провожает меня до дверей. А что мне еще сказать? «Спасибо за барабанный концерт и за то, что предложил мне поваляться в постели а-ля Майкл Джексон»?

— *М*не нужно с тобой поговорить, — шепчет мне на ухо Джастин, подойдя ко мне со спины в самом разгаре собрания в «Пледжс».

— Ну наконец-то! — кричу я, вызвав тем самым неодобрительные взгляды стоящих вокруг людей.

Последние три дня я, как маньяк, четко следовала составленному графику: сначала — основательный шопинг, потом — работа, чтобы хоть как-то мысленно отвлечься от того, что Адам так и не позвонил, потом я достаю Стефани и Джастина сообщениями на тему «Он ведь позвонит, правда?», ни на одно из которых Джастин так и не ответил. После того как он не отреагировал на мое третье письмо, я вдруг поняла, что не видела и не слышала его уже полтора месяца.

— Где ты пропадал, черт возьми? — спрашиваю я.

Осунувшийся человек с обритой головой, сплошь покрытый татуировками — то бишь Джастин — хватает меня за руку и тащит к выходу. Я ощущаю на себе тяжелые взгляды людей, мимо которых мы проходим. Как странно: пока не появилась колонка и вся эта шумиха вокруг нее, клянусь, я никогда в жизни не ощущала на себе столько внимания. Но я не была готова к тому, что его обычно сопровождает. Где бы я ни появилась, у меня возникает чувство, что все перешептываются за моей спиной, и даже не знаю, то ли это на самом деле, то ли следствие моей кокаиновой паранойи. Вот

и сейчас, пройдя мимо двух девушек, мне показалось, что я услышала слово то ли «Тусовщица», то ли «колонка», ну, в общем, что-то вроде того, и теперь они начнут перемывать мне косточки. Обсуждать мою одежду, считая, что мне следовало бы выбрать более скромный наряд. Или говорить, что я только притворяюсь трезвенницей, потому что женщина, которая пишет под псевдонимом «Тусовщица» и фотографируется для журнала в бокале с шампанским, таковой не может быть по определению. В «Пледжс» меня научили, что мне не должно быть никакого дела до чужого мнения, но, по-моему, я просто не была готова к тому, чтобы напоминать себе об этом ежедневно.

— Итак, — обращаюсь я к Джастину, в то время как мы выходим во двор и я прикуриваю две сигареты.

— Что? — спрашивает он, когда я даю ему одну сигарету.

— Как же меня раздражают все эти взгляды, — говорю я, раздосадованная тем, что, если бы я не сказала, он бы и не заметил.

— Ох, Амелия, — отвечает он, стряхивая на землю пепел. — Большинство людей заиклены на себе. Ты тоже ведешь себя как типичный наркоман-эгоцентрик.

Мне почему-то хочется ткнуть своей сигаретой прямо ему в лицо или хотя бы в руку, чтобы остался заметный шрам. Весь мир, видите ли, меня прославляет, а Джастин этого даже не замечает. И внезапно я начинаю ненавидеть его за это. Я всегда любила, когда друзья соглашались с моим мнением, поэтому, если они не соглашались или не хотят поддерживать разговор, у меня возникает ощущение, будто они нарушили некий негласный договор. Люди, проходящие реабилитацию, не особенно из-за этого переживают, от них нередко можно услышать: «Я не собираюсь слушать твою ахинею», или обвинение в том, что ты «слишком погружен в себя» или эгоцентричен, и сам «Пледжс» вдруг начинает раздражать меня не меньше, чем Джастин.

— Но все-таки, — продолжаю я, даже не взглянув на Джастина. — Может, они просто завидуют. — Я замолкаю и до-

бавляю: — Ты получал мои сообщения? Ты хоть понимаешь, что мне разбили сердце?

Джастин затягивается сигаретой и кивает, выдыхая дым.

— Слушай, я должен тебе кое-что сказать, — произносит он через секунду.

— Валяй. — Я все еще злюсь на него, но мне уже наплевать (беспрецедентный случай за все время после курса лечения).

Он швыряет окурок на землю и растаптывает его ногой.

— Я уже не веду здоровый образ жизни, — заявляет он.

— Что? — И меня охватывает ощущение нереальности всего происходящего. «Он лжет — думаю я. — Он не пьет на неделю больше, чем я, а я не пью уже почти шесть месяцев».

— Чушь какая, — говорю я, чувствуя, как начинаю паниковать. — Как же это возможно?

— На прошлой неделе я курил травку, несколько дней назад выпил пару бутылок пива, а позавчера всю ночь до рассвета делал минет тому парню, с которым познакомился в Мэриксе. — Все это он проговаривает довольно небрежным тоном, будто рассказывает, по каким делам бегал вчера в обеденный перерыв. Какого черта он так спокоен?

— Зачем ты все это сделал? — спрашиваю я и, хотя понимаю, что в моем голосе слышится обвинение, и это нехорошо, уже ничего не могу с собой поделать.

— Зачем? Хрен его знает. Может, потому, что у меня зависимость.

— Как это произошло? — спрашиваю я.

— Ну, — Джастин грустно смотрит в пол, — мы с Джейсоном снова стали жить вместе, и поначалу все было изумительно. Судя по всему, это я провоцировал все наши драки, если учесть полученные в центре знания, потому что мы вдруг превратились в одну из этих тошнотворно идеальных пар, которые строят планы на пикник в Голливуд-Баул, по выходным рыскают по антикварным лавкам и все такое.

— А потом?.. — Что-то вдруг пробудилось во мне, некий материнский инстинкт, который заслонил собой все, оставив

лишь желание знать, что с Джастином все в порядке. Я кладу ему руку на плечо и пожимаю его.

— Да ничего такого особенного... и я об этом сожалею, черт побери, — говорит он. — Мы встречались с другими парами, ходили в «Дрэгстрип», на вечеринки, ужины и прочее. И они все пьют! За ужином вино, на вечеринках пиво, ничего такого, просто... никто из них не уходит в запой.

Я киваю. Я обратила на это внимание, когда ужинала с кем-то из агентов: один заказал бокал вина и потягивал его весь вечер, другой пил джин-тоник. Один-единственный джин-тоник за весь вечер. А я сидела молча, поражаясь тому, какой смысл пить так мало, если хочется выпить, когда такая доза вызовет только головную боль и усталость? Томми говорил нам, что, когда обычный человек пьет и начинает чувствовать, что уже слегка перебрал, у него в мозгу загорается красный свет и он понимает, что уже достаточно. Когда же до такого состояния доходит алкоголик или наркоман, перед ним светит только зеленый.

— Ну а на прошлой неделе я решил, что ничего плохого не случится, если покурю травку, — продолжает Джастин. — Я не стал ничего говорить ни своему наставнику, ни вообще кому бы то ни было, но на самом деле ничего страшного-то и не произошло. И тогда я выпил вместе с Джейсоном пару бутылок пива. Он ведь ни хрена не в курсе, что я прошел курс реабилитации — он знает только то, что я ему наплел, — поэтому, когда я сказал, что не против спиртного, но только в меру, он сразу же купился. А позавчера я накокаинился до одурения дома у мужика, которого и знать-то толком не знаю.

— Это было ужасно? — спрашиваю я, съезжившись в ожидании ответа. Представляю, как Джастин, скрипя зубами, измученный паранойей, истраханный этим жутким парнем, со слезами на глазах звонит своему наставнику. Но он отвечает следующее:

— Жаль, что я не могу сказать, что это так. На самом деле это было чертовски здорово. Не знаю, почему все думают,

что промытые мозги и напичканный химией организм — опасное сочетание. Мне было классно! Знаешь, как здорово — взять и наплевать на все?

И тут я чувствую себя жестоко преданной. «Почему он так себя ведет? — думаю я. — Почему ему не страшно, почему он не плачет и не умоляет всех понять его, как это делают остальные, когда срываются? Я пытаюсь себе напомнить, что это в Джастине говорит его «болезнь», но все равно ненавижу его за то, что он так запросто отринул то мировоззрение, которое разделял со мной. Кроме того, мне еще завидно. Я тоже хочу на все плюнуть, почувствовать, как потечет по носоглотке и венам кока, и потом не терзаться чувством вины. Но я напоминаю себе, что это — болезнь, и что даже думать в таком русле неправильно.

Поэтому я говорю то, что подобает в таком случае.

— Ты должен позвонить своему наставнику и поднимать руку на собраниях. — Когда человек срывается и ему заново приходится отсчитывать свой стаж трезвенника, он должен поднимать на собраниях руку и представляться публике как «новичок».

Он кивает.

— Знаю, — отвечает он. — Просто я еще не готов.

Мы молча сидим, и я украдкой оглядываю собравшихся.

— Я просто в ужасе, — произношу я наконец.

— Знаю, — говорит он, смутившись. И, поймав мой взгляд, добавляет: — Я люблю тебя, Амелия. И сейчас мне действительно нужна твоя поддержка.

Я удивлена, потому что Джастин никогда мне этого не говорил. В центре во время реабилитации такие слова, как «Я люблю тебя», грубо говоря, можно перевести как «Мы оба трезвенники» или «Ты классная», но с тех пор, как ушла отсюда, я уже не могла произносить их с такой легкостью. И хотя я выросла в семье, где эти три слова мы говорили друг другу постоянно, это все равно казалось какой-то обязанностью, вроде как необходимым завершением разговора, а правда это или нет — уже неважно. Поэтому я гораздо поз-

же, чем все остальные, стала бросаться этой фразой. У меня снова начинается невроз, и в голове крутится: «Стоп! А я на самом деле люблю этого человека? Я их всех толком даже не знаю, чтобы говорить так», и чувствую, что сейчас мои слова прозвучат неискренне.

Как бы мне хотелось с легкостью ответить ему тем же, но я просто не могу.

— Я тоже люблю тебя, Джастин, — произношу я наконец, но это выходит как-то вяло и уныло, и между нами повисает неловкое молчание.

Воскресенье вечером — самое угнетающее время — я понимаю, что Адам не позвонит. Мы уже несколько месяцев не общались, поэтому либо он псих, либо патологический лжец, либо все вместе. Но завтра мне сдавать статью, поэтому я отчаянно пытаюсь подавить мрачные мысли и усиливающуюся депрессию и сосредоточиться на работе. Я слышала, как на собраниях рассказывали о том, как «одну зависимость можно перевести в другую», поэтому, вспомнив про то, какой фортель выкинул со мной Адам, я усилием воли приступаю к описанию той ночи, когда мы играли в «Правду или расплату». И опомниться не успела, как уже настрочила вступление.

«Наши безумные проделки уже переросли всякие границы. Но в какой-то момент, после того, как я уже поцеловалась с девушкой и едва знакомый парень несколько раз ткнул мне в лицо своим обнаженным оружием, я понимаю, что отступать слишком поздно».

Я заканчиваю статью сценой своего импровизированного стриптиза и того ужаса, который испытала, поняв, что за мной наблюдают, и в последней строчке говорю, что игра в «Правду или расплату» очень сильно изменилась со времен моего детства.

Закончив статью, я понимаю, что, может быть, мне станет легче, если я сама наберу номер Адама и узнаю, что, черт

возьми, произошло. «Наверняка у него есть вполне разумные объяснения, почему он пропадал», — думаю я. Может, он потерял свой телефон или настолько погрузился в шоу, что у него нет ни секунды времени, чтобы позвонить мне, но он жутко обрадуется, услышав мой голос.

Пока я размышляю над этим вопросом, вполглаза глядя на экран, где участники «Сюрреальной жизни» бросаются друг в друга тарелками, вдруг пускают рекламу, и я вижу Адама, который идет по улице в костюме-тройке и разговаривает по сотовому телефону. Он так хорош, что мне просто не верится, что я когда-то считала его непривлекательным. «По словам «ТВ-Гида» — слышится голос мужика, который, кажется, комментирует рекламные ролики во всем мире, — «Агентство» станет самым ярким шоу сезона».

И я настолько уверена в том, что мне подали знак, чтобы я связалась с Адамом, что я машинально хватаю телефон и ужасно разочаровываюсь, услышав приветствие голосовой почты. Не так я представляла себе этот звонок, но я оставляю импровизированное сообщение, вложив в него как можно больше нежности и мягкости. И жду.

Но тут понимаю, что вот-вот распахнусь, поэтому звоню Стефани и предлагаю ей прогуляться.

— Он не перезвонил, — говорю я в трубку, отрывая кусок заусенца от большого пальца.

— Мудак, — со вздохом говорит Стефани.

— Какого черта он не звонит? Прошло уже пять дней и три часа.

— Хочешь правду? Так поступают все, и довольно часто. И мы с тобой в том числе.

— Но это только в том случае, когда ты не хочешь общаться с человеком! — ною я.

Стефани на секунду задумывается, потом отвечает:

— Я понимаю, что это больно. — Мы уже столько раз все это обсуждали, и она каждый раз оказывала мне неоценимую поддержку, перебирая и анализируя все возможные причины: может, Адам меня теперь боится или стал совершенно безответственным, вроде Гаса (с которым она порвала еще несколько месяцев назад после того случая), или боится, что станет материалом для очередной статьи, или трахается сейчас со своей партнершей по сериалу, а она — психопатка-собственница — удаляет все приходящие ему сообщения. Я не виню Стефани в том, что она уже устала придумывать для него всевозможные оправдания, но при мысли о том, что он попросту не желает со мной разговаривать, мне хочется повеситься или свернуться клубочком на диване, в слезах и с обгрызенными заусенцами.

Я даже сама не понимаю, почему так болезненно отнеслась к тому, что Адам меня отверг. Разумеется, у меня есть свои соображения на этот счет.

В реабилитационном центре я узнала, какой опасности подвергаются наркоманы и алкоголики, когда возлагают на что-то или на кого-то надежды, потому что мы не в состоянии самостоятельно преодолеть разочарование, но даже это объяснение не помогает мне справиться с хандрой. Когда я была тогда с Адамом, я впервые в жизни поняла, что означает выражение «найти свою половинку». Просто тем людям, от кого я это раньше слышала, потребовалось много лет для того, чтобы это понять, ну или хотя бы несколько месяцев или недель. Мне же хватило всего пару дней.

Плач переходит во всхлипы, и я понимаю, что целиком отдалась во власть депрессии. «Депрессия неизбежна», — говаривал Томми, и меня всегда поражало, с какой небрежностью он произносит это слово — «депрессия» — как будто говорит о простуде, а не о сокрушительно горестном состоянии, делающем жизнь невыносимой. «Но и это пройдет», — добавлял он, как будто отлично знал, что такое депрессия.

Спустя три дня, за которые я не принимала душ, не умывалась, ничего не ела, не отвечала на телефонные звонки и не делала вообще ничего — только зашвыривала кошкам в миску корм да курила, даже не вылезая из пижамы, — я принимаю решение проверить голосовую почту. Мама, Стефани, актер с CSI, который пытался залезть мне в трусики в Нью-Йорке, Тим, снова Стефани и тысячи поклонников. И хотя я прекрасно знаю, что Адам ничего мне не оставил, я все равно начинаю плакать, когда дохожу до последнего сообщения, которое оказывается не от него. Когда же я узнаю голос, то начинаю плакать еще отчаяннее.

— Амелия, — слышу я голос, который одновременно узнаю и не могу вспомнить. — Ну что я могу сказать? Теперь ты примечательная личность. Любимица всего города.

Большая шишка. — Кто бы из моих знакомых мог употребить подобные выражения?

И тут до меня доходит.

— Отчасти я рад, что ты не забыла о том, что было между нами, — говорит Крис слегка надтреснутым голосом, — но неужели ты думала, что я ничего не узнаю? Или тебе просто наплевать? — Я сижу, как парализованная, а он делает именно то, чего ему делать не следует, то есть цитирует мою колонку. — «Только через несколько недель, когда мы снова встретились, я поняла, что абсолютно неправильно отнеслась к такому понятию, как групповуха: потому что большинство девушек занимаются этим со своими сексуальными подругами или, скажем, с кем-нибудь из «Ред Хот Чили Пепперс». Я же — с двумя ребятами, которым, вероятно, проще было бы облететь звездную галактику, чем справиться с женским телом». — Крис откашливается. — Может, я и плюнул бы на это, если б с того самого дня ты не шарахалась от меня, как от прокаженного, — говорит он. — Но, Господи Иисусе, надо же думать и о других. Не только о себе.

После этих слов меня снова сотрясает приступ рыданий, и если попробовать их посчитать, то это было бы так же невозможно, как и сказать, сколько рисунков на сплошь покрытом татуировками теле. Потом я курю, сидя в полнейшей прострации. Я раздумываю над тем, не стоит ли позвонить Стефани, чтобы узнать у нее, правда ли, что я самый дрянной человек на свете, но вместо этого, уже обессилев от слез, засыпаю на кушетке.

Чуть погодя — может, минут через двадцать, а может, и через пару часов — я просыпаюсь от стука в дверь. Спотыкаясь, я иду открывать, голова у меня кружится как с похмелья. На пороге стоит Стефани с пакетом «Треjder Джойс» в руках, а рядом с ней — какая-то пухлая мексиканка.

— Ни слова, — говорит она, жестом приглашая женщину войти. — Я сказала Розе, что у меня экстренный случай. — И добавляет, вручая мне пакет с пробной смесью: — Хотела

купить тебе что-нибудь более полезное, но поняла, что начать нужно с чего-то, что ты точно съешь.

— Спасибо, — благодарно квакаю я, а она открывает окно в моей гостиной и начинает опустошать переполненные пепельницы.

— Не за что, — отвечает Стефани. — А теперь Роза приберет твою квартиру, а ты перестанешь сходить с ума из-за этого парня.

— **Д**ержи, — говорит Стефани, продираясь сквозь толпу старлетов, и протягивает мне диетическую колу. Я с благодарностью ее принимаю и киваю в сторону зала, где можно постоять.

Прошла почти неделя с тех пор, как они с Розой пришли ко мне домой и буквально вернули меня к жизни, и я вынуждена признать, что мне стало гораздо лучше. Разумеется, я все еще страдаю из-за Адама, но Стефани уговорила меня относиться к этому как к навязчивой зубной боли или мигрени — ужасно, конечно, но вполне можно жить. А еще Стефани убедила меня, что я должна сходить на вечеринку, устроенную журналом «Конде наст», так как именно это мне сейчас и нужно. Но пока я стою и дожидаясь, когда она принесет мне колу, я вновь возвращаюсь к своим мыслям: это как назойливая песня Бритни Спирс, которая застряла у тебя в мозгах и время от времени снова начинает там звучать, хотя тебе и кажется, что ты ее уже давно забыла.

Обычно меня приводили в восторг такие вечеринки, и я фантазировала, что со мной обязательно приключится что-нибудь значительное. Но в трезвом виде это оказывается совсем не так весело, я даже начинаю понимать, насколько скучными, по сути, являются подобные мероприятия. «Говорим обо всем и в то же время ни о чем», — думаю я, здороваясь с агентшей, которая вечно грубила мне, когда я работала

в «Эбсолютли фэбьюлос», и говорю ей, что я тоже очень рада ее видеть, и принимаю ее поздравления: «Давай, девочка!» Раньше я обычно винила себя, если вечер оказывался скучным, за то, что я недостаточно известная или не поговорила с кем надо. Но сейчас понимаю, что пила не для того, чтобы кому-то было со мной нескучно, а просто хотела убедить саму себя, что окружающие меня люди гораздо интереснее, чем они являются в действительности.

Стефани встает рядом, потягивая свой ледяной «Амстел лайт», и мы с ней наблюдаем за оравой клубных девочек с татуировками, которые настолько великолепны в своих джинсах «Ванс» и «Тру релиджион», как будто только что проходили кастинг.

— Ты в порядке? — спрашивает Стефани, и я киваю. Когда мы в первый раз куда-то отправились вдвоем, уже после того как я прошла курс лечения, она спросила, не возражаю ли я, если она выпьет. Я ответила, что не хочу, чтобы из-за меня она в чем-то себя ограничивала. Томми вечно твердил о том, что не нужно пить в присутствии того, кто «завязал», в противном случае это означает, что у тебя самого проблемы с алкоголем. Но Томми работает в центре реабилитации и понятия не имеет о мире шоу-бизнеса, о котором пишут в журналах и газетах. «Для большинства присутствующих здесь употреблять спиртное равно как и нюхать коку, столь же нормально как ходить в обуви, — думаю я. — И потом, с какой стати я буду требовать подобное от другого, когда совсем недавно вела себя так же».

И именно в тот момент, когда мы со Стефани наблюдаем, как скелетообразные Николь Ричи и Линдсей Лохан двигаются на танцплощадке, мне в голову приходит мысль еще более унылая, чем все те, что терзали меня в течение последних семи дней: «Куда бы я ни пошла, я все равно не могу расслабиться». Вдруг Стефани трогает меня за плечо.

— Черт побери! — восклицает она. — Твои «три часа». С какой-то фифой.

Стефани не свойственно кого-то разыгрывать, поэтому я сразу же догадываюсь, что означают ее слова и о ком идет

речь. Но я совершенно не была готова к тому, что почувствую почти физический укол в сердце, когда обернусь и увижу, что в клуб заходит Адам вместе с какой-то тощей блондинкой, и это — не его напарница «Мисс тинейджер США», хотя на ней минимум одежды и она, бесспорно, привлекательна, несмотря на силикон.

И теперь, когда он менее чем в двадцати футах от меня и с каждой секундой становится все ближе, я почти с ужасом понимаю, что это — реальный человек, из-за которого я в последние несколько недель потеряла покой, а не плод моего воображения.

— Помни: ты — крутая девушка, — вполголоса говорит мне Стефани. — А крутые девушки не устраивают сцен.

Я киваю и заставляю себя рассмеяться, как будто она только что сказала самое смешное, что мне когда-либо доводилось слышать, и как будто я только и делала, что хохотала с момента нашего последнего разговора с Адамом. Он уже совсем близко, и я бросаю на него взгляд и изображаю удивление, как будто только сейчас вспомнила о его существовании.

— Привет, Адам, — говорю я как можно более небрежно. Я не наклоняюсь, чтобы обнять его, как это принято в Лос-Анджелесе, но улыбаюсь такой широченной улыбкой, что никому и в голову не придет, будто я пытаюсь подавить в себе злость, а просто слишком увлеклась разговором и не обратила внимания на эту мелочь.

— Амелия, — произносит он, смерив меня взглядом, от которого меня бросило в дрожь. — Стефани.

— Привет, — повторяю я. Он целует Стефани в щеку, а потом наклоняется ко мне. У меня перехватывает дыхание, когда его губы касаются моей щеки. Как это ни поразительно и ни ужасно, но все мое негодование моментально испаряется.

— Ааа-даам! — хнычет блондинка, кивая в направлении стойки. — Я хочу что-нибудь выпить.

— А, прости, э-э... — Он просто стоит и смотрит на меня. Наши взгляды прикованы друг к другу, но он все же переводит глаза на блондинку.

— Лиззи, — раздраженно напоминает она. Адам снова смотрит на меня, а Лиззи в это время чуть ли не топает ногой, кивая головой в сторону стойки.

Но тут Стефани, умничка, обращается к Лиззи:

— Так, что будем пить? Мы с Лиззи сбегает к стойке. — И, не дожидаясь ее ответа, хватается девушку за руку, которая, возможно, тоже напичкана силиконом, и тащит ее прочь.

— Диетическую коку! — кричу я ей вслед, ощущая прилив благодарности и волнения одновременно.

— Две! — добавляет Адам.

И теперь, оказавшись рядом с Адамом уже наедине, я даже не знаю, что сказать. «Какого черта ты не перезвонил?» — приходит мне на ум вопрос. «Почему я тебе не нравлюсь?» — не дает покоя другая мысль.

Но вместо этого говорю:

— Прекрасно выглядишь.

Он улыбается, и я обращаю внимание на ямочки, которых почему-то не замечала раньше. Господи, неужели он так хорошел за последнее время? И это уже плохо?

— Прости, что не позвонил, — произносит он.

Мне хочется сдержаться, но у меня не получается.

— Ага, а что случилось? — спрашиваю я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

— Что случилось? — в замешательстве переспрашивает он.

— Ну да, что произошло? — и меня вдруг охватывает ярость. — Ты хотел позвонить, но тебе пришлось забежать в «Плейбой мэншн», чтобы подобрать там чью-то бывшую любовницу?

Последние слова я выпалила, не подумав. По-моему, я никогда не умела отделять то, что думаю, от того, что говорю, и в моменты яростной ревности это может привести к большим неприятностям.

У него сверкают глаза.

— Господи, Амелия. Это ты должна объясниться.

— Какого черты ты несешь?

— Когда мы с тобой случайно столкнулись, ты сказала, что изменилась, что теперь ведешь здоровый образ жизни, что та безумная девушка, которой ты была когда-то, осталась в прошлом.

— Это правда.

Но он даже не слушает меня, а продолжает:

— И я, весь такой радостный, решаю, что эта девушка, которая была бы великолепна, если бы умела контролировать свои поступки, наконец-то смогла себя обуздать.

Я пытаюсь вставить слово, но он не дает:

— А потом выясняется, что в тот самый день, когда я говорю, как счастлив, ты выступаешь на телевидении, где предстаешь в роли отпетой секс-маньячки, которая трахается с шаферами на свадьбе.

Я прекрасно понимаю, что по всем законам жанра, должна вклеить ему пощечину. Но почему-то чувствую себя не обиженной, а непонятой.

— Я с ними не трахалась, — отвечаю я.

— А потом в журналах печатают твои фото, где ты восседаешь в огромном бокале с шампанским, — продолжает Адам, не обращая никакого внимания на мои слова. — А потом танцуешь на стойке с какими-то малолетками-бисексуалками. И чувствую себя полным идиотом, который поверил во все, что ты наговорила.

— Адам, я сказала тебе правду. Эта свадьба была давно, еще до того, как я завязала. А это фото и танцы на стойке — все это просто игра в «Тусовщицу».

Он в замешательстве.

— Значит, ты исправились и говоришь, что счастлива поэтому, а сама пытаешься убедить публику, что ты — все та же ненормальная, как будто это самое потрясающее, что только может быть?

— В твоей интерпретации это действительно предстает ужасным, — подтверждаю я. — Но это всего лишь колонка. Я просто об этом пишу. На самом деле я не такая.

Это злит его еще сильнее, чем все предыдущие слова.

— Значит, я должен поверить в то, что ты не такая, какой предстаешь в передачах и в светской хронике?

И тут он окончательно выводит меня из себя:

— Господи, Адам! У меня появился шанс. И я им воспользовалась. Нет, я уже не та девушка, о которой пишу в своей колонке, но это было частью моей жизни. И если люди готовы платить мне деньги и помочь добиться известности, то какое мне дело до того, что они воспринимают это всерьез?

Это заставляет его задуматься, и он переводит дыхание.

— Ну, не знаю. Полагаю, никакого. Просто все это так...

И в этот момент мне на плечо ложится чья-то здоровенная потная ладонь. А потом сзади меня обнимает пьяный Джереми Бэрренбом.

— Тусовщица! — вопит он, прижимаясь к моим губам своими крупными мясистыми губищами. Я отшатываюсь, но он не убирает с моего плеча влажную властную руку.

— Джереми, это Адам, — говорю я, взглядом моля Адама о помощи, которого он либо не замечает, либо попросту игнорирует. Джереми поворачивается к Адаму и протягивает ему руку, а другой по-прежнему крепко стискивает мое плечо.

— Как жизнь, старина? Джереми Бэрренбом.

Адам пожимает руку Джереми, не отрывая глаз от другой, которая начинает переползать с моего плеча на талию.

— Адам Тенсер, — холодно представляется он. И мне становится почти физически больно от того, что Адам говорит таким натянутым тоном. Он действительно полагает, что я могла бы быть «великолепной»? И кто, черт побери, эта девка?

— Э-э... Джереми. Мы тут с Адамом разговаривали, — начинаю я, убирая его руку со своей талии.

— Да не вопрос, — отвечает он, но не трогается с места. Осмотрев зал, он выслеживает официантку с подносом, уставленным рюмками с «Джелл-Оу»*, и подзывает ее к нам.

---

* Десерт из фруктов с желатином.

— Ты как, Тусовщица? Тяпнем по рюмочке и оторвемся, как в прошлый раз?

— Нет! — резко отвечаю я. Это ужасно. Я поворачиваюсь к Адаму, чтобы объяснить ему все в надежде, что он даже посмеется над тем, как я одурачила людей, которые решили, что я «тяпнула рюмочку», но, судя по его лицу, мне даже не стоит начинать.

— Извините, — говорит он Джереми, даже не взглянув в мою сторону. — Я вас оставляю наедине с вашими рюмочками. — Он мельком бросает на меня взгляд и уходит, а я бегу за ним.

— Адам! Стой! Я все объясню. — Я хватаю его за руку, и он поворачивается ко мне лицом.

— Нет, Амелия. Я серьезно. Я не знаю, что ты там затеяла, но не собираюсь играть в твои игры. — Он стряхивает мою руку и уходит.

Со слезами на глазах я пытаюсь догнать его, но понимаю, что это бессмысленно. И пока я смотрю, как он подходит к стойке, где стоят Стефани с Лиззи, Джереми вновь бесцеремонно вторгается в мое личное пространство. Адам что-то шепчет Лиззи на ухо, а Стефани вопросительно смотрит на меня. Я пожимаю плечами, когда Джереми вновь обнимает меня за плечи.

— Забудь ты этого осла, — успокаивает Джереми, и почему-то мне становится гораздо легче. — Возомнил себя секс-символом только потому, что будет играть агента по недвижимости в сериале, который наверняка снимут с показа.

И я вдруг ощущаю прилив благодарности за то, что рядом со мной Джереми, поэтому с улыбкой оборачиваюсь к нему. Он берет меня за руку.

— Я серьезно, — говорит он. — Не знаю, что там у тебя с этим парнем, но он явно нехорошо себя ведет.

Я киваю, и из глаз у меня выкатываются слезинки.

— Ты прав.

Джереми протягивает руку и с огромной нежностью вытирает мне слезы, если учесть, что пять минут назад это

был вдребезги пьяный шут. «Он хотя бы мил со мной, — думаю я, — чего об Адаме сказать никак нельзя».

— И потом, эта вечеринка — полный отстой, — продолжает Джереми. — Я просто сейчас разрыдаюсь.

Почему-то это замечание показалось мне невероятно забавным, и я хохочу так, как не смеялась уже несколько недель кряду. И когда Джереми снова хватает меня за руку, я ее не отдергиваю.

— Как насчет убраться ко всем чертям из этого дурдома? — предлагает он, крутанув меня на месте. — Устроить фуршет у меня дома?

Я перевожу взгляд на Адама с Лиззи, которые направляются к выходу, потом на Стефани, которая уже болтает с кем-то у стойки. Машу ей рукой и произношу одними губами: «Завтра позвоню».

— Почему нет, черт возьми? — отвечаю я.

Из дома Джереми, расположенного на Голливудских Холмах, открывается вид не только на графство Лос-Анджелес и Долину, но также на крыши домов, принадлежащих Киану Ривзу и Леонардо ди Каприо. И пока я любуюсь этой невероятной панорамой, мне в голову приходит совершенно шальная мысль, что я, грубо говоря, не алкоголичка.

И вдруг все становится предельно ясно. Я давно уже не любила спиртное, у меня от него всегда болела голова и появлялась усталость. Но я позволила Томми и всем остальным в центре убедить себя в том, что кокаинщица и алкоголичка — это одно и то же. Но теперь я знаю — господи, да любой бы уже давно понял! — что это не так. Это совершенно разные вещи. А я последние шесть с половиной месяцев встречалась со всеми этими бывшими алкоголиками и только теперь поняла, что это было откровенной нелепостью. Джастин был единственным, к кому я по-настоящему привязалась, и он, в конец концов, бросил ездить в «Пледжс». Почему я позволила всем этим трезвенникам-активистам оказывать на меня влияние?

Единственный, кто бы меня понял и смог бы ответить на этот вопрос, был Джастин. Поэтому, пока Джереми проверяет сообщения и почту, я достаю из сумки свой коммуникатор и второпях набираю его номер.

«Извините. Почтовый ящик абонента переполнен. Попробуйте оставить сообщение позднее».

Снова этот проклятый автоответчик, неизменно твердый и спокойный, голос, которому нипочем критические и затруднительные ситуации. А поскольку Джастин принадлежит к числу тех рафинированных современных созданий, у которых вместо домашнего телефона сотовый, я не смогу до него дозвониться. Можно позвонить Стефани, думаю я, но понимаю, что, как бы она ни старалась, она все равно меня не поймет. А выслушивать мнение Рэчел мне сейчас почему-то не хочется. «Они» говорят, что, если тебе приспичит выпить, надо как можно скорее позвонить кому-нибудь, занятому в данной программе. Но я попыталась, убеждаю я саму себя. Я сделала все в точности так, как меня учили.

— Ну что, детка, у меня есть «Шато-марго» девяносто пятого года, могу открыть, если ты не против, — говорит Джереми, присоединяясь ко мне на балконе. И я ощущаю безошибочный запах Drakkar Noir, который до этого не ощущался.

— Джереми, я должна тебе кое в чем признаться, и это ужасно, — начинаю, рассматривая громадный бассейн внизу.

— Люблю ужасы. — Если голосом можно ухмыляться, то именно это он сейчас и сделал.

— Я не пью. Я завязала. — Он в замешательстве смотрит на меня, и я добавляю: — Я прошла курс реабилитации.

— Но...

— Я притворялась в ту ночь в «Рузвельте», — говорю я, и он морщит лоб, отчаянно пытаюсь восстановить в памяти события той ночи. — Налитая в рюмку вода с виду ничем не отличается от водки.

— Ничего себе, — произносит он, до жути заинтригованный. — Но почему?..

— Когда-то я действительно была отпетой чокнутой тусовщицей, — отвечаю я. — Запиралась дома и безостановочно нюхала кокаин. Потом я совершенно утратила над собой контроль, потеряла работу и вообще вела себя как полная идиотка. А потом, когда мне удалось убрать за собой все это дерьмо, мне предоставили возможность вести колонку, в которой бы я описывала все те безумства из своей прошлой жизни, и... колонку я веду, отбирая для нее события прошлого, только...

— Играй свою роль, — говорит он, одобрительно кивая. — Это действительно ужасно, детка. И мне это нравится.

Я улыбаюсь, ощущая громадное облегчение.

— Ты не думаешь, что я окончательно рехнулась?

Теперь очередь Джереми улыбнуться.

— Именно так я и думаю, — отвечает он. — Только в хорошем смысле. — И он разворачивается, чтобы пройти обратно в комнату. — Что тебе тогда принести? У меня есть клюквенный сок, можно...

— В том-то и дело, — перебиваю я его. — Я не пила шесть с половиной месяцев, и сейчас мне хочется выпить.

— Но ты же только что сказала...

— Я сказала, что была кокаинщицей. Это в центре меня убедили, что я еще и алкоголичка.

Он внимательно смотрит на меня.

— Я слышал, что они там всех называют алкоголиками, — произносит он.

Я киваю.

— Так оно и есть. Это я все к тому, что не против, чтобы ты открыл эту бутылку.

Джереми оглядывает меня с ног до головы и кивает.

— Прекрасно, — с улыбкой говорит он. — Пойду принесу.

* * *

Первая мысль, посетившая меня, когда я сделала глоток из хрустального бокала и почувствовала, как по пищеводу потекла знакомая на вкус горьковатая жидкость: «И только

из-за этого поднимать столько шуму? Все эти девизы, собрания, бесконечный треп о чувствах — все только из-за этой водички?» И, ощутив прилив уверенности, я делаю еще один глоток. На вкус... отличное. Даже превосходное. Но я бы не стала сравнивать это с первой каплей воды после шести с половиной месяцев пребывания в пустыне, ни в коем случае. «Ясно же, — думаю я, — что если бы я действительно была алкоголичкой, то это был бы знаменательный момент в моей жизни». Но для меня это не более чем распитие какого-то напитка.

— Превосходное, — говорю я, улыбаясь Джереми. Я никогда не умела отличать марочные вина от десятидолларовых, и меня это всегда смущало. «Если бы я была алкоголичкой, то наверняка бы хорошо разбиралась в винах, ходила бы в дегустационные залы, и все такое», — убеждаю я себя, а Джереми пускается в разглагольствования о том, почему особенно важна датировка вин.

Мы переходим в гостиную, где Джереми достает фотоальбом и демонстрирует мне свои снимки с Аль Пачино, свою маму, брата и всевозможных теперешних и бывших любовниц. И все это выглядит очень по-светски: вино, многомиллионный особняк, фотографии под зеленым кожаным переплетом. Если бы я была сейчас с Адамом, думаю я, мы бы ограничились пивом из банок, сидя на какой-нибудь раскладной кушетке.

— О господи, — произносит Джереми, когда я, глотнув еще вина, рассматриваю ту страницу в альбоме, где собраны фотографии кинофестиваля, на которых он запечатлен с Аэрон Экхарт и Кэтрин Кинер. — Не могу поверить, что ты считала себя алкоголичкой, ты же почти не пьешь.

— Знаю, — отвечаю я, сияя от счастья, потому что последнее замечание лишний раз укрепляет меня в том, как правильно я поступила, решив выпить. И я делаю еще один небольшой деликатный глоток, чтобы это подчеркнуть.

Я выхожу на балкон покурить, и через минуту Джереми присоединяется ко мне, прихватив только что открытую бу-

тылку вина, что кажется мне довольно странным, потому что мы и первую-то вряд ли допьем. Он рассказывает мне историю из своей бытности помощником на ICM, когда ему приходилось таскать к ветеринару пробу фекалий собаки своего босса, и я поражена, что на свете вообще может существовать столь унижительная профессия, что начисто забываю поинтересоваться по поводу бутылки.

Мы пьем вино, я пускаю кольца дыма и рассказываю о своей жизни, о своей колонке, о том, что думаю о тех или иных вещах, а Джереми главным образом слушает и время от времени похихатывает. «Я и забыла, какой артистичной становлюсь, когда выпью», — думаю я, решив экспромтом процитировать диалог из «Бриолина», который просмотрела раз 200 в годы своего отрочества, поэтому могу воспроизвести все слово в слово и даже спародировать австралийский акцент Сэнд и нью-йоркский выговор Дэнни.

Позже мы снова оказываемся в гостинной, и я понимаю, что, видимо, захмелела, потому что я что-то говорю, а Джереми держит меня за руку, и я ее не отдергиваю. Когда же он наклоняется, чтобы поцеловать меня, до меня доносится отчетливой запашок несвежего дыхания, и именно это — а не грозящий мне поцелуй — заставляет меня очухаться, легонько оттолкнуть его и одернуть юбку.

И, по-моему, как раз в тот момент, когда я закуриваю прямо в гостинной — он разрешил мне курить, где я ни пожелаю, — я вижу, что Джереми лезет в карман и что-то вынимает.

— Я не против поить тебя вином, — говорит он, что кажется мне довольно нелепым комментарием, потому что мы и без того уже пришли к обоюдному выводу, что ты — не алкоголичка. — Но не уверен, стоит ли давать тебе экстази.

Я ошарашенно смотрю на него, на один короткий ужасный миг решив, что он подсунул в вино экстази. Джереми разжимает ладонь, и я вижу, что на ней лежит несколько маленьких белых таблеток. Это и есть экстази? Я пробовала его несколько раз, но обычно была к тому времени настолько

пьяна или накачана наркотиками, что даже не помню, как он выглядит.

— Дело в том, что у меня как раз были проблемы с наркотиками, — с сожалением говорю я. — То есть я пристрастилась к коке, а это наркотик. Поэтому о наркотиках не может быть и речи, правильно?

Не знаю, насколько риторически прозвучал этот вопрос, но это уже не имеет значения, потому что, не успев я вымолвить последнее слово, как хватаю таблетку, отправляю ее в рот и запиваю вином. Я наблюдаю за тем, как он делает то же самое, и рада бы почувствовать себя виноватой за то, что только что нырнула в то самое болото, но давно не испытываемые эмоции вновь пробуждаются. Мне становится легко и приятно, как будто я собралась в путешествие, на время которого мои мысли оставят меня в покое. И потом я думаю: «Ну что ж, уж если я проглотила одну таблетку, послав ко всем чертям все эти завязы, то можно взять вторую. Гулять так гулять».

Я глотаю еще одну таблетку, снова прикуриваю сигарету и жду, когда же погрузусь в забытие.

— Что-то я ничего не чувствую, — обращаюсь я к Джеремии, который вставляет в CD-проигрыватель диск с «U2».

Он оборачивается ко мне.

— Ты вся взмокла, — отвечает он. — Поверь, он действует.

Я трогаю лоб и понимаю, что он влажный, но я приняла наркотик не для того, чтоб меня бросило в пот, а чтобы мне стало хорошо, и с каких это пор потливость приравнивается к блаженству? На выпускном вечере в школе мы с моим бойфрендом приняли экстази, но не стали говорить об этом другим парам, которые ехали с нами в лимузине, побоявшись, что нас осудят. Но попытки скрыть кайф превратили поездку в подлинную катастрофу. Когда после вечера две другие парочки догадались, чем мы напичканы, они тоже решили немедленно последовать нашему примеру. Помню, я сидела на кушетке, не в состоянии понять, почему не могу ни с кем разговаривать, и наблюдала за тем, как одна из девушек, ни-

когда до этого не пробовавшая наркотиков, высоко подпрыгивала и кричала: «Мне кажется, что я танцую на облаке! Мне никогда в жизни не было так здорово!»

Глядя, как Джереми открывает еще одну бутылку вина, я окончательно убеждаюсь, что его экстази — полное дерьмо.

— Можно мне еще раз взглянуть на экстази? — спрашиваю я.

Джереми с улыбкой достает из кармана еще одну таблетку.

— Открывай рот, — говорит он, и, хотя жест чересчур интимный и в какой-то степени насильственный, мне слишком хочется проглотить таблетку, чтобы забивать себе этим голову. Рот раскрывается сам собой, он кладет мне на язык пилюлю, и я отпиваю еще вина.

Довольно скоро я оживляюсь и начинаю рыскать в его коллекции дисков в поисках музыки, под которую можно было бы танцевать. Но Джереми говорит, что у него есть сауна, и это кажется мне настолько интересным, что я немедленно требую ее показать. «Этот дом похож на парк развлечений», — думаю я, поднимаясь вверх за ним по лестнице, понимая, что мысль довольно нелепая, и вообще какого черта меня так восхитило упоминание о сауне, как будто я никогда её не видела.

Оказывается, что мне хочется не столько попариться, сколько просто взглянуть на сауну, и как только я на нее взглянула, то тут же вспомнила про другое. Закурить! Выпить! Может, куда-нибудь съездить? Мысли перескакивают с одного на другое, стараясь выработать безупречный план действий, чтобы удержать это состояние. Но тут я вспоминаю про Адама и про то, какой ужасной лгуней я выгляжу в его глазах, и мне становится грустно и невыносимо, мысль об этом затопляет мой рассудок.

— Наверное, надо дернуть еще одну, — предлагаю я Джереми, когда мы выходим из ванны с сауной.

— Ну не знаю. — Вид у него слегка озабоченный. — Это очень крепкая дрянь, ты и без того уже достаточно приня-

ла. — Его мысли написаны у него на лице: «Эта девушка сказала, что завязала, а потом наплевала на все и теперь собирается накачаться. Как бы это не закончилось звонком в службу девять один один».

— Слушай, я знаю, что делаю, поверь мне, — отвечаю я, протягивая ладонь. Мне неудобно быть попрошайкой. Когда я нюхала коку, то почти всегда у меня выпрашивали.

— Давай пополам, — наконец сдается Джереми и разламывает одну таблетку на две половинки. Когда мы спускаемся в кухню, чтобы взять еще вина, я вдруг понимаю, что он мне совсем не нравится, и не только как потенциальный любовник. Проглатывая свои полтаблетки, я думаю о том, какого черта я сейчас нахожусь рядом с человеком, с которым даже и говорить бы не стала на какой-нибудь вечеринке, и именно тогда осознаю, что вся эта ночь — огромная ошибка.

Выкурив еще несколько сигарет, я вдруг чувствую усталость и ложусь на одну из его роскошных бархатных кушеток.

— Твой экстеzi — полный отстой, — констатирую я, подкладывая под шею одну из его подушек в восточном стиле.

— Поверь, это лучшая дрянь в городе, — возражает Джереми, следуя моему примеру. — Мой поставщик поставляет ее всей этой публике из «Фокс».

Кажется, я на минуту прикрыла глаза, потому что когда их открываю, то почему-то смущаюсь. Сначала я не могу вспомнить, где нахожусь, но уже в следующую секунду вспоминаю и тогда смущаюсь еще больше, потому что оказывается, что мы с Джереми целуемся.

— О господи, — произношу я, оттолкнув его и привстав. Он улыбается, и я вижу, какие у него громадные зрачки. Джереми проводит пальцем по моей ноге, хотя я этого терпеть не могу и понимаю, что он хочет воспользоваться моим состоянием, поэтому отдергиваю ногу, хотя лучше мне не становится. Я озираюсь и вижу пустые бокалы, наполненные сигаретными окурками, разбросанные по полу диски и мой

любимый жакет, который валяется у двери, и вдруг ощущаю такую парализующую пустоту, которой не чувствовала уже шесть с половиной месяцев.

— Наверное, я пойду, — говорю я, подхожу и подбираю с пола свой жакет. — Который час?

Джереми смотрит на свои серебряные «Роллекс».

— Половина четвертого, — отвечает он. — Брось! Даже и не думай о том, чтобы ехать домой. Я не смогу сесть за руль в таком состоянии.

— Тогда я вызову такси, — продолжаю я, будто это самое обычное дело, хотя даже не могу вспомнить, когда делала это в последний раз. А в Лос-Анджелесе вообще есть такси?

— Не дури, — отвечает он, поднимается и подходит ко мне. — Не надо тебе никуда ехать.

Даже не знаю, что на меня подействовало больше — то ли его зрочки, напомнившие мне, каким я всегда воображала себе дьявола, то ли необходимость как можно скорее отсюда убираться, — но я открываю сумку, достаю свой коммуникатор, набираю номер и заказываю такси. Ведь во всех городах ездят такси?

— Амелия, — говорит Джереми. В этот момент оператор соединяет меня, с кем нужно. — Ты можешь переночевать в комнате для гостей. Я тебя не трону.

Но что-то в его тоне окончательно убеждает меня в том, что, в какой бы комнате я ни заночевала, он не оставит меня в покое. Не знаю, то ли наркотики спровоцировали эту паранойю, то ли у меня открылся дар ясновидения — это уже неважно.

— Какой у тебя адрес? — спрашиваю я, и он неохотно диктует. Я повторяю его для оператора и заканчиваю вызов, догадываясь, что это был самый умный поступок за последние несколько часов.

И тут Джереми охватывает волнение. А может, он просто разочарован, что у него раздербанили весь его запас экстази и выпили несколько бутылок дорогого вина, но спать с ним все равно никто не собирается.

— Слушай, как-то все это нехорошо, — говорит он, провожая меня на улицу, где я подбираю почти пустую пачку «Кэмел лайтс», оставленную на столике в патио.

— Брось, — отвечаю я холодным тоном. Теперь, когда я окончательно решила от него избавиться, мне даже смотреть на него противно. — Я сама принимаю решения. Тебе не о чем переживать.

Он дает мне одну из моих пластмассовых зажигалок.

— Знаешь, мне кажется, об этом не стоит никому рассказывать, — предлагает он, и я понимаю, что он боится, что в «Вэрайети» появится статья о том, как крутой кинопродюсер сбил с пути обозревательницу секс-рубрики, которая завязала с наркотиками. Я киваю, и в этот момент к дому подъезжает такси. — Пока, — говорит он, открывая мне дверь и целуя в щеку, будто мы провели с ним сказочно великолепный вечер. — Я тебе позвоню.

Я иду к выходу, понимая, что могу сейчас ненароком свалиться. Мне очень хочется сказать ему, чтобы он этого не делал, но у меня не хватает наглости. Когда же я подхожу к двери, то оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него в последний раз.

— Смени своего поставщика, — бросаю я, закрывая за собой дверь.

Когда около трех часов дня я прихожу в себя, то почему-то ощущаю странное спокойствие. Я сажусь в постели, сбросив на пол уснувшую кошку, которая еще несколько часов назад рьяно мяукала, но потом успокоилась и прикорнула у меня на плече. Я ясно вижу события прошлой ночи: встреча с Адамом, который меня отверг, и срыв. «Я все потеряла, — думаю я, потянувшись за сигаретой. — Но почему я не впадаю из-за этого в истерику?»

Решив не курить, я выбираюсь из постели и иду на кухню, где делаю себе тосты. У меня не так сильно кружится голова, как я опасалась, но желудок разгулялся не на шутку.

Насильно запихав в себя тост, я вспоминаю слова Томми о том, что срыв начинается еще задолго до того, как ты фактически прикасаешься к спиртному. Когда же начался мой? Когда Джастин признался, что снова стал употреблять? Когда я забралась в громадный бокал для шампанского? Когда притворилась, что выпила водки? Наверное, гадать бесполезно. И тут мне приходит мысль, что я не могу пить, не употребляя при этом наркотиков. С одной стороны, я испытываю огромное облегчение. В центре все только и говорили о том, что спиртное — это «врата» в наркотическую зависимость, потому что, как только ты выпил, они тут же открываются. Но поскольку я начинала употреблять спиртное уже после кокаина, раньше про себя я такого сказать не могла.

Пересматривая события прошлой ночи и с поразительной точностью вспомнив, что я в одиночку вылакала две бутылки вина, я задумываюсь над тем, что, может быть, в этом действительно что-то есть, и я все-таки алкоголичка. Когда рано утром я ехала в такси, то рассматривала возможность не рассказывать никому о своей эскападе с вином и экстази, решив, что буду и в дальнейшем посещать «Пледжс» и через шесть месяцев отпраздную год трезвости. Ведь ясно, что все так делают — напиваются, никому ничего не говорят и радуются, какие они молодцы, но, как правило, потом у них случается еще более серьезный срыв.

Если я выйду из дома, не приняв душ и не причесавшись, то успею на дневное собрание в «Пледжс». Наверное, я страшна, как сама смерть, но поскольку поездка в «Пледжс» поможет мне об этом забыть — хотя бы на время, — я подавляю свое тщеславие и делаю выбор в пользу необходимости. «Уже хоть какой-то прогресс», — думаю я, надевая под майку, в которой спала, лифчик и выходя за дверь.

— Меня зовут Амелия, и я алкоголичка, — говорю я, думая, что все головы сейчас повернутся в мою сторону — я ведь наконец-то сдалась и вместо «наркоманка» сказала «алкоголичка» — но все только мило улыбаются и здороваются в ответ.

— Я сорвалась этой ночью, — продолжаю я и тут же слышу шепот, который начинается всякий раз, когда здесь произносится это слово. Помнится, когда выпила Вера, я еще наклонилась к Джастину и сказала: «Это с самого начала можно было предвидеть». Поэтому думаю, что, кто бы что ни сказал, я этого вполне заслуживаю. Сердце бешено колотится в груди, что довольно странно, потому что чего я только ни рассказывала в этой комнате с момента своего появления в центре, и никогда при этом не нервничала. — Я не верила вам, когда вы утверждали, что алкоголик и наркоман — это одно и то же, — добавляю я, заметив, что двое сочувственно закивали. — Поэтому прошлой ночью, после то-

го как меня бросил парень, который мне очень нравится, я решила выпить бокал вина с человеком, который мне безразличен. — Кое-кто засмеялся, и тем не менее я чувствую себя увереннее. Мне ведь уже приходилось говорить довольно забавные вещи и быть вознагражденной смехом, но я еще никогда не делилась тем, что повергает меня в грусть и уныние. Я слышала, как одни смеялись над трудностями других, и удивлялась, как это рассказы о попытках самоубийства и тюрьме могут вызывать такой хохот, не говоря уже о том, что сам рассказчик всегда к ним присоединялся. Но сейчас, когда я сама оказалась в такой ситуации, мне становится ясно: все, что я говорю, звучит совершенно нелогично и дико. И почему-то в этой комнате, заполненной людьми, которые хохочут и скидывают головы, это представит в порядке вещей. — Потом я приняла три с половиной таблетки экстази и поняла, что совершила ужасную ошибку, — заканчиваю я, и комната заполняется гогом. Я тоже не могу сдерживать улыбки. — Так что... ну, не знаю... так что вот. И вы, судя по всему, тоже не знаете. — Все аплодируют.

Пока своими переживаниями делятся остальные, кое-кто хлопает меня по спине, а женщины пишут на листочках свои телефоны и передают их мне. Запихивая в сумочку все эти бумажки, я вдруг понимаю, что совершенно потеряла связь с этими людьми. Когда я проходила реабилитацию, я ужасно привязалась к Джастину с Робин, к Вере, Питеру, Джоэлу и ко всем остальным. Но сейчас, учитывая, что Джастин с Робин уже давным-давно здесь не появлялись, Вера вечно срывается, а Питер с Джоэлом приезжают на собрания лишь от случая к случаю, все стало совершенно по-другому. Теперь я осознала, что со дня своего выхода из «Пледжс» я вела себя так, будто полностью излечилась. Рэчел предупреждала меня, что на собрания не следует опаздывать и уходить с них, не дождавшись окончания. И теперь, оглядевшись, я понимаю, что не знаю почти никого из других выпускников — чьи-то лица знакомы, и кое-кого я даже знаю по именам, но во время своих забавных и глубо-

комысленных рассказов я скорее взирала на них как на зрителей, а не как на потенциальных товарищей.

По окончании собрания я встаю в очередь, чтобы поблагодарить ведущую — Рэчел постоянно мне об этом напоминала. «Я слишком заиклена на себе», — думаю я, дожидаясь своей очереди.

Я говорю спасибо женщине, с виду — заправской домохозяйке, которая только что рассказывала о героиновой зависимости, многочисленных браках и съемках в порнофильмах, и она крепко обнимает меня. И в этот момент у меня на глаза наворачиваются слезы. Но меня это не удивляет, потому что это слезы облегчения, а не жалости к себе, как прежде.

Пока я пробираюсь к выходу, ко мне подходят разные люди, и я с изумлением понимаю, что собрание закончилось двадцать минут назад, а я еще не ушла. И, обнимаясь с девушкой, которая не пьет уже девять месяцев и которая говорит мне, что «чутко внимала каждому моему слову», я вдруг замечаю человека, о чьем присутствии на собрании и не догадывалась вплоть до настоящего момента, и у меня начинает бешено колотиться сердце, как будто мне в кровь только что впрыснули кокаин.

— Надо поговорить, — говорит Рэчел, и я киваю.

— Ты должна завести друзей в «Пледжс», — начинает Рэчел, сурово глядя на меня. Мы сидим за пластмассовым столиком у ларька, в котором продаются бургеры, неподалеку от ее дома в Калвер-сити. В ее голосе слышен гнев, на смену привычным мелодичным напевным интонациям пришел менторский тон учителя воскресной школы.

— Но у меня есть друзья в «Пледжс», — возражаю я. И поднимаю на нее глаза. — У меня есть ты.

Она в упор смотрит на меня.

— Я не друг, — отвечает она. — Я твой наставник.

У меня такое чувство, будто мне только что заехали под дых, но я этого не показываю.

— О'кей, мисс Серьезность. Я заведу новых друзей. Но она даже не улыбнулась.

— Амелия, я серьезно. Порой мне кажется, что ты относишься к своему выздоровлению как к небольшой встряске, которая помогла тебе разобраться со своей жизнью и улучшить ее, и теперь ты снова пустилась во все тяжкие. — Рэчел берет кусочек картофеля-фри и макает в кетчуп. — Так у тебя ничего не получится. Если ты стала знаменитой, это не значит, что на встречи выпускников можно приходить, когда вздумается, а потом курить и притворяться, будто все чудесно. — Она отправляет картофелину в рот, жует и вздыхает. — Дело не в том, чтобы подстроить это под свою жизнь. Ты должна свою жизнь подстроить под это.

Я собираюсь возражать и защищаться, но понимаю, что меня прижали к стенке и бороться дальше бесполезно. С момента моего выхода из «Пледжс» я методично пренебрегала всем, чему меня здесь научили, в частности тем, что счастье и покой напрямую зависят от способности отречься от себя и помогать другим.

— Главной твоей целью должен быть здоровый образ жизни, других вариантов нет, — говорит она. — Ты понимаешь?

— Ну...

— Я к тому, что если ты готова делать для этого все необходимое, то я почти за честь тебя в этом поддержать. Потому что тогда есть все шансы жить спокойно и безмятежно. Если же ты хочешь на все забить, то я не собираюсь принимать в этом участие.

Я колеблюсь не больше секунды.

— Я выбираю первое. — И, произнеся эти слова, понимаю, что никогда в жизни ни в чем не была так уверена.

— Тогда ты должна сесть, описать все свои страхи и попросить прощения у людей, которых чем-то обидела из-за своей болезни.

Раньше, как только она об этом заикалась, я тут же старалась отвлечь ее внимание на что-то другое — обычно рас-

сказывала ей какую-нибудь забавную историю. И мне казалось, будто у меня это так ловко получается и она не догадается о том, что я фактически пытаюсь сбить ее с толку. Но сейчас я смотрю на это иначе. «Я столько времени ждала, когда меня попросят рассказать, кто меня больше всего бесит, — думаю я. — А больше всего меня бесит моя собственная жизнь».

— Сегодня же начну, — говорю я.

— И еще ты должна быть честной.

Я киваю.

— Это касается и твоей работы.

Я смотрю на нее.

— Ты хочешь сказать, что я должна бросить колонку?

Она комкает пустые пакеты из-под картофеля и метко швыряет их в ближайшую урну.

— Я хочу сказать только то, что сказала. Как ты это поняла, решать тебе.

— Рэчел, я хочу быть честной.

Она берет со стола ключи и поднимается.

— Уже неплохо. Почему бы тебе все не обдумать и потом не позвонить мне?

— Но...

— Позвони мне, Амелия, — говорит она на ходу. — Я люблю тебя.

Сначала этот разговор привел меня в бешенство. Да кто такая эта Рэчел, и почему из милой жизнерадостной девушки с прической, как у эльфа, она вдруг превратилась в жестокого надсмотрщика рабов? Но, придя домой и открыв книгу про «Пледж» — впервые за все то время, что я оттуда вышла, — я понимаю, что все, что она сказала, она почерпнула из этой книги. И ведь когда-то я об этом знала. Что произошло с моей памятью, черт побери?

Читая дальше, я обращаю внимание на строки, в которых говорится о том, как сильно укорачивается наша память, когда приходится менять образ мышления, именно поэтому

так важно еженедельно посещать собрания, ну или хотя бы по мере возможности.

Чем больше я читаю, тем больший смысл обретает для меня эта книга, и я понимаю, что верный способ не сбиться с пути — это следовать правилам. «Я никогда не подчинялась никаким правилам», — думаю я. Разумеется, мне приходилось слышать про такие вещи, как не солги и не укради, но это совсем другое, потому что, вспоминая всех тех, кто вызывает во мне неприязнь, я понимаю, что до этого момента жила неправильно. «Ненавидеть кого-то — это все равно что выпить яду и надеяться, что умрет кто-то другой», — однажды сказал кто-то на собрании. А другой вставил, что «надежды вырастают из ненависти». Все тогда смеялись, и я в том числе. Но сейчас я осознала: почти все, что меня в этой жизни раздражало — в чем-то не помогли родители, где-то не поддерживали друзья, кто-то меня недостаточно любил — было результатом того, что я возлагала на всех слишком большие надежды.

Вооружившись этим лозунгом, я достаю блокнот и начинаю составлять список тех людей, которые меня бесят. Как вы понимаете, список получился довольно внушительный. Я слышала, что лучше всего начать с того, чтобы составить список абсолютно всех людей, с которыми когда-либо был знаком, потому что наверняка они тебя хоть чем-то, но раздражают. А в моем случае это так и есть.

Поэтому я начинаю с мамы и папы, потом заношу в список друзей по школе — вспомнив все мелкие обиды, которые вынашивала в себе годами — и перехожу к своей сегодняшней жизни. Я достаю старые фотоальбомы, роюсь в старых записных книжках и даже захожу на сайт одноклассников, чтобы освежить память. Когда же я начинаю описывать причины, по которым они меня раздражают, то понимаю, что на это уйдет не то что несколько часов, возможно, несколько недель. Но мне так хочется начать новую жизнь, перенести все это на бумагу и посмотреть, кем же я на самом деле являюсь. И чем больше я пишу, тем больше

осознаю, что большую часть своей жизни потратила на обиды и злобу.

От ручки, которой я пишу, уже начинает саднить указательный палец, и я закуриваю уже, наверное, двадцатую сигарету, когда раздается телефонный звонок. Когда мы только начали работать с Рэчел, она посоветовала мне не смотреть на определитель, потому что очередной звонок — это как раз тот перерыв, который мне необходим, даже если тебе кажется, что ты в нем не нуждаешься. И я согласно кивала, но все равно смотрела на определитель, всегда отвечая на ее звонки, так что она ни о чем не догадывалась.

— Алло, — говорю я, даже не взглянув на высветившийся номер.

— Солнышко? — И я сразу же узнаю этот голос.

— Привет, Надин, — говорю я. — Что такое? — Я уже не волнуюсь, как когда-то, когда мне приходилось разыгрывать из себя Тусовщицу.

— Что такое с вами? — спрашивает она встревоженным голосом. — Что вы делаете дома в пятницу вечером?

Я смотрю на часы: половина десятого. Я совершенно утратила чувство времени и прихожу в шок, когда понимаю, что даже не заметила, как закончился день и наступил вечер. С Рэчел мы расстались около полудня. Неужели я в течение восьми часов читала книгу про «Пледжс» и писала? И неужели сегодня вечер пятницы? Я и забыла об этом.

— Просто сижу дома, — отвечаю я. — Читаю, пишу. — И, бросив взгляд на спящих подле меня кошек, добавляю: — Играю с кошками.

На том конце провода воцаряется мертвая тишина.

— Надин? Вы здесь?

— Да, солнышко. Просто немного удивлена, только и всего. Не так я представляла себе жизнь Тусовщицы в пятницу вечером.

— Бывает, — говорю я. — И гораздо чаще, чем вы думаете.

Надин снова молчит. Они так и не спросила у меня, что произошло у Райана Дюрана, а сама я ничего не рассказала.

Я прекрасно понимаю, что буквально убиваю ее, и это нехорошо, но в то же время крайне необходимо.

— Я просто звоню сказать вам, что через две недели вы будете выступать на «Вью», — отвечает она. — И еще у меня совершенно потрясающие новости! — С момента нашей беседы ее голос повысился уже на четыре октавы. — Я слышала много разговоров о том, что некоторые компании хотят купить права, чтобы снять фильм или шоу по «Тусовщице». А тут одна пташка намекнула мне, что к Тиму приходил вице-президент «Ридли Скотт» с серьезным предложением. — Детка, они хотят поставить сериал и запустить его в следующем сезоне!

— Вот как? — вопрошаю я. Я понимаю ее восторг — это предел любых фантазий каждого пишущего человека в Голливуде — но почему-то меня это не трогает.

— Солнышко, что-то по вам не скажешь, что вы очень рады.

— Я рада, — отвечаю я с фальшивым энтузиазмом. — Потрясно. — Не помню, когда я в последний раз произносила это слово.

— Но, разумеется, им придется подождать, когда выйдет еще несколько колонок, — говорит она. — Но он сказал так: «Если она будет продолжать в том же духе, то почему бы нам не сделать из этого нечто грандиозное?» Солнышко, они хотят, чтобы вы были продюсером-консультантом! И, возможно, вы даже сниметесь в шоу. Вы же можете быть и Тусовщицей, и актрисой одновременно!

От всего этого разговора у меня начинает болеть голова, и я понимаю, что единственное, чего бы мне сейчас хотелось, это положить трубку и прилечь.

— Все это прекрасно, Надин, — отвечаю я. — Я бы хотела продолжить то, чем занимаюсь, но все равно спасибо, что позвонили и рассказали.

— Но, солнышко...

И я кладу трубку.

Всю следующую неделю я описываю свои негодования, прерываясь только для того, чтобы съездить на собрания в «Пледжс». Я уже подошла к последнему куску, в котором описываю свое поведение во всех этих событиях — то у меня были завышенные требования, то во мне проявлялся дух соперничества, то я говорила человеку какую-нибудь пакость прежде, чем на меня успевали наорать. У меня появляется ощущение нереальности всего происходящего, когда я вспоминаю все эти подробности, которые либо забыла, либо просто не хотела вспоминать. Однако, думая о своей роли, я не испытываю стыда, а лишь облегчение, потому что это подсказывает мне, что мое будущее окажется гораздо лучше моего прошлого.

— Не нужно строчить, как сумасшедшая, — говорит Рэчел, когда я объявляю ей, что почти закончила. — У многих уходят на это месяцы. Даже годы.

— Знаю, — отвечаю я. Я много об этом слышала. Но почему-то, как только я начала все это описывать, во мне пробудилось чувство обязательства, которое подстегивает меня и заставляет писать в таком темпе. Не знаю даже, смогу ли я остановиться. Как будто что-то подсказывает мне, что если я не начну немедленно действовать, то моя точка зрения может поменяться, а мне не хочется забывать о том, насколько это для меня важно.

Просто не верится, что я о самой себе узнала. То я слишком многого требовала от людей и, не получив желаемого, сама провоцировала их на какие-то поступки, а сейчас меня это бесит. Кейн, к примеру, не подставил бы меня, если б я с самого начала не показала себя полной дурой и непрофессиональной журналисткой. Да даже родители, которые, как мне казалось, постоянно что-то портили, фактически делали все, что могли. Когда же я была слишком маленькой, чтобы быть хоть сколько-нибудь причастной к их поступкам, то та роль, которую я играю во всем этом сегодня, вызывает у меня отвращение.

Я отправляюсь на собрание в «Пледжс» и делюсь со всеми своим открытием, и впервые за все время говорю не с целью рассмешить их или продемонстрировать, как здорово я умею выражать свои мысли. Я наконец-то понимаю, что имеют в виду люди, когда утверждают, что обсуждение в группе помогает им осмыслить свои поступки. И, если в этом они оказались правы, может, они правы и во всем остальном?

Наконец, спустя несколько дней, я сижу в уставленной папоротниками квартире Рэчел и читаю ей все, что написала — около сотни страниц. Потом курю. И снова читаю. Она кивает, курит вместе со мной и время от времени делает какие-то пометки в своем желтом блокноте.

— Ты, наверное, уже чертовски устала, — говорю я три часа спустя.

— Вовсе нет. Помни, ты помогаешь мне, позволяя все это выслушать.

В период лечения в «Пледжс» пациенты центра только и твердят, что, помогая другим и выслушивая их, ты тем самым избавляешься от собственных проблем — которые у большинства из нас связаны с нашим раздутым эго — и начинаешь понимать, что надо прислушиваться и к самому себе. Сказать по правде, я считала все это полной чушью. Но, взглянув на Рэчел и вспомнив, что она — мой

учитель, а не актриса, и что в «Пледжс» постоянно напоминают о том, что нужно вырабатывать стратегию «истовой честности», я верю, что она не врет. Поэтому я читаю, читаю, читаю до тех пор, пока не садится солнце и я не переворачиваю последнюю страницу.

Когда я заканчиваю, Рэчел показывает мне список, в котором перечисляются все мои недостатки, и, хотя в нем присутствуют такие слова, как «эгоистка», «корыстная», «манипулятор» и «лгуня», я почему-то не расстраиваюсь. Наоборот, это внушает мне надежду на то, что, может быть, я смогу как-то наладить свои отношения с людьми, которые испортились еще задолго до того, как я впервые попробовала спиртное.

— Ты была не дрянью, — говорит она. — Ты просто была больна. — И предлагает пойти домой, прочитать первую часть книги про «Пледжс» и задуматься над своими недостатками.

— Всего-то? — спрашиваю я. — Я все это сделаю и дойду до конца?

— До конца? — смеется она. — Ты только в начале.

— **А**мелия, мы это уже обсуждали, помнишь, когда поднимались наверх? — спрашивает Стефани, сдувая пыль с клавиатуры. — Тебе больше не за что просить прощения.

Я сижу у нее в кабинете и почему-то нервничаю — если учесть, что пришла к человеку, который меня искренне любит. Я пришла в это здание впервые после того, как меня уволили из «Эбсолютли фэбьюлос», и прекрасно знаю, кого навещу потом.

— Умоляю, выслушай, — прошу я. И говорю о том, что хоть я извинилась за свой эгоизм, но поведение несколько не изменилось — я продолжаю названивать ей в моменты кризиса и бросаю ее, как только у меня что-то налаживается. И наконец добавляю: — Я относилась к тебе не так, как хотела бы, чтобы относились ко мне, но с этого момента все будет по-другому.

Стефани совершенно шокирована.

— Амелия, я даже не знаю, что сказать, — говорит она, помолчав несколько секунд.

— Ничего не говори, — отвечаю я. — Или просто попроси меня исправить все то, что я натворила.

Она качает головой.

— Можно тебя обнять?

Я киваю, мы встаем и обнимаемся. Я говорю, что люблю ее, и она начинает плакать.

— Ну и дрянь же ты, — произносит она, и мы обе хохочем.

Потом я поднимаюсь наверх, иду прямо в кабинет помощницы Роберта и спрашиваю, можно ли с ним поговорить. У его помощницы, Селин, такой перепуганный вид, словно я вот-вот вытащу из-под полы автомат, но Рэчел объяснила мне, что во время этого «прощенного» похода я не должна реагировать на чьи-либо эмоции. Я должна быть милой и доброй и принять все, что бы на меня ни посыпалось.

— Э-э, подожди, — говорит она, со всех ног бросаясь в кабинет Роберта. Я вижу, что мимо проходит Брайан, погруженный в чтение какого-то факса.

— Брайан, — обращаюсь к нему, и он поднимает голову. — Можно тебя на минутку?

Брайан, не слишком удивленный, кивает, и как раз в этот момент Роберт открывает дверь, мы проходим к нему в кабинет и рассаживаемся в точности как в тот день, когда меня уволили. Я не трачу даром времени, а сразу же начинаю извиняться за то, что слишком много думала о себе. Я прошу прощения, что неправильно вела себя с людьми, у которых брала интервью, что с пренебрежением относилась к начальству и корпоративным правилам, за чувство вседозволенности, причиной которого была исключительно моя собственная неуверенность в себе, и, наконец, за то, что нюхала на работе кокаин. В конце я добавляю, что меня уволили вполне заслуженно, и тут у меня с языка слетает то, чего я говорить вовсе не собиралась:

— Я даже благодарна за то, что это произошло, — иначе я не стала бы тем, кем являюсь сейчас.

— Ну, я даже... — произносит Роберт и снова замолкает. Немота, в общем-то, является его фирменным отличием. Но впервые за все время нашего знакомства он смотрит на меня с теплотой.

Брайан переводит взгляд с Роберта на меня и улыбается.

— Я горжусь тобой, — говорит он.

Все остальные извинения проходят именно так, как я и ожидала. Я звоню Крису, предлагаю ему встретиться за

чашкой кофе в «Кофе бин» или в «Ти лиф», объясняю, как мне стыдно, что я так с ним обошлась. Потом прошу прощения, что высмеяла их с Митчем в своей колонке. Он кивает, холодно сообщает мне, что все равно считает меня стервой, и мне ничего не остается, как согласиться с ним. Рэчел посоветовала мне так поступать, если вдруг почувствую, что начинаю испытывать негативные эмоции по отношению к человеку, перед которым буду извиняться.

Потом я прихожу в офис к Чэду Милану. Сначала его помощница отвечает, что у него нет на меня времени. Но как только я поднимаюсь, чтобы уйти, в вестибюль входит Чэд и говорит, что хочет меня послушать исключительно из любопытства. И здесь, в вестибюле САА, где мимо проходят люди, я рассказываю про свою наркотическую зависимость и последующее лечение. Рэчел объяснила, что во все не обязательно сообщать всем и каждому, что я к тому же была и алкоголичкой: это могут счесть за хитрую уловку, попытку как-то оправдать свое поведение, но почему-то я все равно все выкладываю Чэду. Потом добавляю, что это совершенно не связано со страхом оказаться за решеткой, я просто хочу, чтобы он знал, что я считаю его отличным парнем, и он заслуживает лучшего отношения. Он не кидается меня обнимать, но и не выпроваживает из здания с охраной.

Я еду в офис Холли в «Имэджэн», но на месте Кэрен сидит какая-то серьезная брюнетка в очках. Я спрашиваю, могу ли увидеть Холли, и девушка, которую зовут Саманта и которая работает здесь временно, говорит, что Холли весь день будет на встрече в «Юниверсал». Поэтому я сажусь в приемной и пишу Холли записку, в которой прошу прощения, что бросила работу и что выполняла ее вполсилы, и предлагаю позвонить мне, если она захочет об этом поговорить. Записку вместе с ключами я кладу в конверт и вручаю его Саманте.

Рэчел ясно дала понять, что я должна пересилить себя и извиниться абсолютно перед всеми, но если все же я не смо-

гу до кого-то добраться или мне будет неловко с кем-то встречаться, то вполне можно будет написать им письмо. И, поскольку почта Джастина переполнена, я отправляю ему письмо по электронке, в котором извиняюсь, что сочла его срыв личным оскорблением, хотя сама только и делала, что названивала ему, когда он был мне нужен. Зато, как только узнала, что он снова стал пить, забыла про него. Я предлагаю ему перезвонить в любой момент, потому что мне хочется сказать ему об этом лично.

Я звоню Рэчел, чтобы отчитаться, и она говорит, что я взяла высокий старт. Я знаю, что меня ждут еще гораздо более серьезные и неприятные извинения — перед мамой с папой, например, — но с этим можно подождать. Рэчел уверена: я сама пойму, когда буду готова.

В это время раздается звонок по второй линии, и на определителе высвечивается номер 212 — номер Надин. Она все это время пыталась спланировать мою поездку в Нью-Йорк, а я все откладывала. И хотя я прекрасно понимаю, что колонку больше вести не буду, я все же прощаюсь с Рэчел, потом переключаюсь на Надин, прошу у нее прощения за то, что не перезванивала, но говорю, что могу вылететь в Нью-Йорк в любой момент.

— Солнышко, это просто фантастика! — верещит она. — Они хотят, чтобы вы выступили в завтрашнем шоу. Вы не против лететь в ночь?

Я оглядываю свою квартиру и вижу, что в ней царит жуткий беспорядок, но это не имеет значения. «Главное — разобрать то, что у меня внутри, остальное подождет», — решаю я. Потом перезванивает Надин и сообщает, что заказала мне билет и через несколько часов за мной заедут, чтобы отвезти в аэропорт.

Уложив сумки, я сажусь за компьютер, чтобы в последний раз извиниться перед Адамом. Это надо сделать просто, искренне и без всякого подтекста, как и в случае с другими, поэтому я отправляю ему письмо, в котором прошу прощения за то, что оскорбила его девушку и перенесла на него

свое разочарование только потому, что он не сделал то, чего я от него ждала. Потом я добавляю, что оценила его вопрос, почему я зарабатываю на жизнь тем, во что сама не верю, так как это помогло мне взглянуть на свою жизнь под другим углом и принять меры. И, отправляя Адаму письмо — мы с Рэчел решили, что лучше мне не извиняться перед ним лично, потому что, оказавшись с ним наедине, я могу попытаться начать им манипулировать, — я вдруг понимаю, что мне от него больше ничего не нужно. Мои чувства к нему остались прежними, но если я ему не нужна — теперь это очевидно — то какой смысл из-за него страдать? Так не должно быть, и, вероятно, однажды я пойму, почему. Страстное желание заполучить его в бойфренды угасло, только и всего. И вдруг я с изумлением понимаю еще кое-что: тяга к кокаину и спиртному прошла. Я нередко слышала о подобном на собраниях, но всегда относилась к этому скептически, а сейчас у меня есть живое доказательство того, что это правда. И пока я размышляю над тем, какой небывалый покой воцарился в моей душе, мне в голову приходит дивная мысль: можно позвонить одному человеку, который встретит меня в Нью-Йорке.

«Кем я стала?» — думаю я, идя по подъездной дорожке к ожидающему меня автомобилю. И, сев в машину, понимаю, что пока не могу ответить на этот вопрос.

— **В**ы — нечто, — говорит Джой Бехар, глотнув кофе из своей чашки. — Спите с двумя шаферами. Целуетесь с девушкой. Снимаете в баре парня прямо во время свидания с другим. Другие женщины со стыда бы сгорели, но вы... вас за это только расхваливают. Как вы думаете, в чем здесь причина?

Все вопросы, которые будут мне задавать, мне еще в примерочной озвучил продюсер «Вью», так что ответ у меня готов. Я бросаю взгляд на Тима, который вместе с Джоном и Надин сидит в зале, и отвечаю:

— Может, и остальные поступают так же и теперь с облегчением видят, что хоть кто-то этого не скрывает?

Кто-то из зрителей смеется, кто-то аплодирует, а Элизабет Хосселбек прищуривается.

— Как по-вашему, вас можно назвать лидером движения за бесстыдное отношение к сексуальности, как кто-то сказал про вас?

Я даю Элизабет придуманный Надин ответ: я такая, какая есть, но если людям хочется выдвинуть меня в лидеры какого-то движения, то я не против. Я правильно отвечаю на все вопросы Розы, Джой и Элизабет, хотя мне трудно сосредоточиться, потому что знаю, что сейчас произойдет нечто грандиозное. Это ужасно и в то же время здорово, и я вдруг понимаю, что все будет отлично.

И не успела я опомниться, как этот момент наступил.

— Какие у вас планы на будущее? — спрашивает Роза, бросив взгляд на одну из своих карточек с записями.

— Вообще-то, — отвечаю я, подавшись вперед, — мой план на ближайшее будущее — это быть абсолютно искренней со всеми.

Все четыре головы обращаются ко мне, потому что здесь подразумевался ответ о съемках сериала «Тусовщица». И прежде чем кто-то успевает что-либо спросить, я продолжаю:

— Поэтому я должна всем вам сказать, что на самом деле я никакая не тусовщица.

— Прошу прощения? — говорит Джой. Я слышу, как в зале начинают перешептываться.

Я бросаю взгляд на Тима, который сидит в зале, и продолжаю:

— Я была ей когда-то, очень давно, но, слава богу, все это теперь позади.

Роза пытается меня перебить, но я говорю уже без остановки:

— Просто на самом деле моя жизнь отнюдь не являлась столь яркой, сексуальной и интересной, как я описываю ее в своих колонках. Скорее, она была пустой и бездуховной: я боялась собственных чувств, поэтому постоянно все драматизировала, усложняла и искала утешения в наркотиках, отчего мне становилось только хуже.

Тим поднимается на ноги, но тут же садится на место, догадавшись, что все равно уже ничего не сделаешь.

— Значит, вы все это время лгали? — изумленно спрашивает Джой.

— И да, и нет, — отвечаю я, сохраняя поразительное спокойствие для человека, который сейчас разочарует огромную аудиторию. — Все, о чем я писала, действительно было, и когда-то все это действительно казалось забавным и увлекательным. Но это были не свобода и не раскованность, а попросту потеря контроля над собой.

— Тогда почему вы стали вести эту колонку? — озадаченно спрашивает Элизабет.

— В последнее время я много думала над этим вопросом, — отвечаю я. — Полагаю, мне просто хотелось ощутить себя кем-то особенным. Я могла стать очередной свободной писательницей или прославиться, пусть даже благодаря тому, с чем я давно покончила. И я решила выбрать второе. — И я оборачиваюсь к аудитории. — А кто бы отказался? — Какая-то толстая женщина в цветастом сарафане кивает, и Джой знаком показывает продюсеру, чтобы тот остановил эфир. Поэтому, пока этого не произошло, я добавляю: — Можете считать меня мошенницей, но мне хочется представить вам настоящую тусовщицу, которая живет полной жизнью, потому что всегда остается самой собой, и ее привела сюда отнюдь не жажда саморазрушения.

Я смотрю на Шарлотту — девочку-топ — которая сидит, как и задумано, в самом дальнем углу зала.

— Шарлотта, не хочешь выйти к нам? — предлагаю я, слыша, как продюсер за кулисами вопит, что надо остановить эфир. Шарлотта встает, снимает свою накидку «Марк Джэкобс» и предстает во всей своей красе: откровенном платье с широким ремнем и на высоченных каблуках. Джой качает головой, а ее соведущие напряженно ждут, что же произойдет дальше. Шарлотта выходит на сцену, уверенно переставляя свои загорелые мускулистые ноги, и я думаю о том, какая она зрелая для такой перспективы и какую шумиху устроят Надин с Тимом по поводу моего драматического ухода и блистательной замены. Я обнимаю ее и поворачиваюсь к женщинам спиной.

— Позвольте представить вам настоящую Тусовщицу, — говорю я, подталкивая к ним Шарлотту, и покидаю сцену. Я снимаю с блузки микрофон и кладу его на полку вместе с другими возле гримерной. Идя по вестибюлю к выходу, я слышу, как продюсер говорит через наушники, что сейчас они примутся за новую гостью, и надо узнать, чем все это закончится. Я с улыбкой захожу в гримерную, где задержи-

ваюсь ровно на столько, чтобы взять свою сумку, в которой лежит обратный билет до Лос-Анджелеса. Звуковой сигнал коммуникатора сообщает, что я получила новое сообщение, я вынимаю его из сумки и выхожу в коридор. Взглянув на дисплей, я вижу, что это сообщение от Адама, которое начинается так: «Всегда полагайся на свое первое впечатление».

Спускаясь в лифте на первый этаж, я дочитываю остальное: «Просто увидел, как Хоссел благодаря тебе чуть ума не лишилась. И не только она. Я могу надеяться, что ты простишь меня, что я купился на всю эту шумиху, а не доверился своему первому впечатлению?»

Я с улыбкой кладу коммуникатор обратно в сумку и выхожу из здания. За мной никто не гонится, поэтому я спокойно останавливаю такси и прошу довезти меня до аэропорта.

Анна Дэвид
ТУСОВЩИЦА

Выпускающий редактор *Е. Новикова*
Технический редактор *С. Камышова*
Корректоры *Л. Ким, Н. Козлова*
Дизайн обложки *О. Мальцев*
Компьютерная верстка *А. Крижановский*

ООО ТД «Издательство Мир книги»
111024, Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6.

Отдел реализации: (495) 974-29-76, 974-29-75;
факс: (495) 742-85-79 e-mail: commerce@mirknigi.ru

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу:
111116, г. Москва а/я 30 «МИР КНИГИ»,
тел.: (495) 974-29-74 e-mail: order@mirknigi.ru

Подписано в печать 25.10.2007.
Формат 84х108 1/32. Печать офсетная.
Гарнитура PetersburgС. Печ. л. 9,5. Усл. печ. л. 15,96.
Тираж 5 000 экз. Заказ № 5184.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

